

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ ТАТАР ЗАРУБЕЖЬЯ**

КНИГА 11

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА

А. Н. Расулов, Р. А. Расулова

**ТАТАРЫ В ТУРКЕСТАНЕ
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН
(1917–1924 гг.)**

Казань
2024

УДК 94(574/575)
ББК 63.3(543)
Р 24

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Издание осуществлено Центром письменного наследия
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
в рамках выполнения Государственной программы РТ
«Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Руководители проекта, научные редакторы:
А.М. Ахунов, кандидат филологических наук, доцент
И.Г. Гумеров, кандидат филологических наук

Рецензенты:

М.М. Гибатдинов, кандидат педагогических наук, зам. директора
по научной работе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Р.Х. Муртазаева, доктор исторических наук, профессор
Национального университета Узбекистана им Мирзо Улугбека
А.А. Исакбаев, кандидат исторических наук, доцент
Наманганского государственного педагогического института

Расулов А.Н., Расулова Р.А.

Р 24 Татары в Туркестане в эпоху перемен (1917–1924 гг.) /
под ред. А.М. Ахунова, И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ,
2024. – 256 с. (Серия: Культурно-историческое наследие
татар зарубежья. Книга 11).
ISBN 978-5-93091-504-4

Монография представляет собой комплексное исследование процессов государственного и культурного строительства в Туркестане после Февральской революции 1917 года. Авторы подробно рассматривают формирование Туркестанской автономии и разработку ее конституционных основ, уделяя особое внимание значимой роли татарской интеллигенции в политических и общественных движениях региона. Анализируя вклад этой группы в укрепление позиций тюрко-мусульманских народов в их борьбе за автономию, авторы опираются на широкий корпус малоизвестных российскому читателю источников на узбекском языке, а также на редкие архивные материалы.

УДК 94(574/575)
ББК 63.3(543)

ISBN 978-5-93091-504-4

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2024

**ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО.
НОВАЯ КНИГА О РОЛИ ТАТАР
В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТУРКЕСТАНА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Историческое осмысление общественно-политической и культурной роли татар в развитии Туркестанской автономии представляет собой значительный вклад в изучение межнациональных отношений в Советской России. Настоящая работа основывается на материалах, освещающих ключевые аспекты участия татар в формировании социально-экономических и культурных процессов Туркестанского региона в период революций и становления советской власти и является в какой-то мере продолжением предыдущей книги одного из авторов¹. Изучение роли татар позволяет глубже понять процессы интеграции национальных сообществ в многонациональном государстве, их влияние на формирование новой политической и социальной системы.

Цель нового исследования заключается в комплексном анализе исторических событий, акцентируя внимание на уникальных особенностях трактовки роли татар, предложенных авторами – узбекистанскими историками А.Н. Расуловым и Р.А. Расуловой, и их значимости в контексте более широких процессов национального самоопределения. В условиях становления советской власти татары выступали как важные посредники между центральным правительством и местным населением, используя свои знания языка, религии и обычаев региона для налаживания

¹ *Расулов А.Н., Исокбаев А.А., Насретдинова Д.М.* Татары в Туркестане на изломе эпох (начало XX века). Казань: ИЯЛИ, 2021. 256 с. (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 1).

конструктивного диалога. Эти усилия способствовали не только стабилизации региона, но и интеграции различных этнических сообществ в новую политическую систему.

Многовековая история татар, их активная культурно-просветительская деятельность, высокая степень способности к адаптации к социальным и политическим изменениям сделали их одним из наиболее значимых факторов в процессе создания устойчивых межэтнических связей в Туркестане. Эти связи строились не только на общей исторической основе, но и на целенаправленных усилиях татар по укреплению культурного и образовательного обмена, развитию коммуникации между различными народами региона.

Важным аспектом является то, что татары в своей деятельности всегда стремились к сохранению и приумножению культурного наследия, рассматривая его как основу для гармоничного развития общества. Это выражалось в активной поддержке издательской деятельности, создании новых образовательных учреждений, проведении научных конференций и других мероприятий, способствующих обмену знаниями и культурным опытом. Таким образом, татарская община не только способствовала распространению знаний, но и формировала интеллектуальную элиту региона, которая играла ключевую роль в модернизации и социальном прогрессе.

Татары активно включались в политическую жизнь региона, начиная с Февральской революции 1917 года. Этот период стал поворотным моментом в истории, когда различные национальные сообщества стремились занять своё место в новой политической системе. Усилия татар были направлены на создание механизмов управления, которые учитывали бы интересы всех этнических групп региона, обеспечивая равенство и справедливость. Они осознавали важность представительства местных народов и активно продвигали идею формирования органов власти, способных эффективно интегрировать многонациональное население Туркестана.

Особую роль сыграло участие татар в создании Временного комитета Туркестанского управления, который стал первой

серьезной попыткой объединить усилия различных народов в построении общей политической системы. Эта инициатива не только способствовала укреплению социального единства, но и открыла новые горизонты для развития национального самосознания. Татары занимали ведущие позиции в этом процессе благодаря их способности находить компромиссы, принимать взвешенные решения и обеспечивать баланс интересов. Параллельно с этим они активно продвигали идеи демократических преобразований, уделяя особое внимание реформам в области образования и культуры, что являлось неотъемлемой частью их видения будущего.

Существенным вкладом татарской общины стало участие Татарской бригады, которая не только выполняла военные функции, но и стала важным инструментом пропаганды идей советской власти. Эта бригада действовала в тесном взаимодействии с местным населением, опираясь на общие культурные и религиозные ценности для укрепления доверия. Во время сложных политических и социальных изменений Татарская бригада служила символом единства и взаимопонимания, что имело огромное значение для поддержания стабильности в регионе. Уникальность ее деятельности заключалась в использовании культурных особенностей для создания устойчивых связей между различными этническими группами. Такое взаимодействие не только укрепляло позиции советской власти, но и способствовало долгосрочному сотрудничеству, на основе которого формировалась новая модель социального порядка.

Культурно-просветительская деятельность татар внесла значительный вклад в трансформацию региона. Как уже отмечалось выше, они активно развивали периодическую печать, создавали образовательные учреждения и внедряли современные методы обучения. Эти усилия были направлены на формирование нового поколения, способного вести регион к прогрессу и модернизации. Газеты и журналы, созданные татарской интеллигенцией, становились не только платформами для обсуждения актуальных вопросов, но и инструментами для продвижения идей равенства, справедливости и сохранения культурного

наследия. Такие издания играли важную роль в формировании общественного мнения, способствуя укреплению культурных связей и созданию общего информационного пространства. Татарские просветители разрабатывали образовательные программы, которые сочетали традиционные и современные подходы, что делало их более доступными и эффективными.

Таким образом, роль татар в Туркестане выходит далеко за рамки локального влияния. Они стали ключевыми фигурами в процессе трансформации региона, сочетая политическую активность, военную службу, культурное и образовательное развитие. Их усилия были направлены на создание устойчивой социальной и политической системы, способной интегрировать многонациональное население. Это делает их опыт уникальным и значимым не только для истории Туркестана, но и для современного понимания межэтнических отношений и управления многонациональными обществами.

Участвуя в деятельности Народного комиссариата по делам национальностей и Мусульманском бюро, они содействовали разработке механизмов, учитывающих культурные, религиозные и социальные особенности региона. Эти структуры не только адаптировали большевистскую национальную политику к специфике Туркестана, но и создавали основу для взаимодействия между центральной властью и населением. Например, в рамках работы Мусульманского бюро татарские лидеры организовывали образовательные программы для местных управленцев, внедряя современные методы административного управления, что позволяло учитывать интересы большинства этнических групп. Одним из примеров является успешное введение политики, направленной на развитие двуязычного образования, что облегчало коммуникацию между властями и населением.

Высокий уровень компетентности и профессионализма татарских представителей особенно проявился в решении проблем постреволюционного времени, связанных с восстановлением инфраструктуры и преодолением последствий военных действий. В таких условиях татарская элита активно работала над интеграцией местных кадров в административную систе-

му, формируя кадры из числа представителей коренных народов. Этот подход не только укреплял доверие местного населения, но и повышал эффективность управления в регионе. Татарские специалисты оказывали консультационную помощь в таких сферах, как сельское хозяйство, просвещение и здравоохранение, что способствовало экономическому и социальному прогрессу.

Особенности трактовки исторических событий, предложенные авторами книги, заслуживают особого внимания благодаря своей новизне и глубине анализа. Авторы подчеркивают противоречия между декларациями советской власти о равенстве и фактическими практиками, которые зачастую приводили к ущемлению прав национальных меньшинств. Например, в книге приводятся случаи, когда обещанное равноправие не было реализовано из-за нехватки кадров, знакомых с культурными особенностями местных народов. Несмотря на это, татары активно противостояли этим тенденциям, выступая инициаторами программ, направленных на поддержку малых народов. Они участвовали в создании национальных школ, редакции учебных материалов и подготовке учителей, что обеспечивало равный доступ к образованию для всех групп населения.

Книга представляет собой уникальное исследование, которое позволяет по-новому взглянуть на роль татар в Туркестане. На ее страницах подробно освещается, как их вклад способствовал культурному, экономическому и политическому развитию региона. Например, упоминаются инициативы татарской интеллигенции по созданию библиотек и издательских домов, которые обеспечивали доступ к литературе на родных языках. Эти меры способствовали не только распространению знаний, но и укреплению национального самосознания. Тема книги остается актуальной, поскольку вопросы гармонизации межэтнических отношений и национального самоопределения продолжают быть важными в современном мире. Опыт татарской общины показывает, что сохранение культурного наследия и интеграция социальных систем могут быть основой для успешного управления многонациональными обществами.

Углубленное изучение опыта татар в Туркестане позволяет выявить уроки, полезные для современных вызовов. Например, авторы книги акцентируют внимание на том, как интеграция культурного и социального опыта различных народов способствовала снижению межэтнической напряженности и формированию устойчивого общества. Эта тема остается актуальной для глобального контекста, где вопросы межкультурного взаимодействия играют ключевую роль в обеспечении стабильности. Таким образом, изучение этой темы имеет не только культурно-историческое, но и практическое значение, способствуя укреплению межкультурного диалога и созданию эффективных моделей управления многонациональными сообществами.

А.М. Ахунов

И.Г. Гумеров

I глава

ФАКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ И СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИЙ В ТУРКЕСТАНЕ

1.1. Временный комитет по управлению Туркестаном и деятельность национальной интеллигенции

Февральская революция 1917 года внесла кардинальные изменения в общественно-политическую, военную, экономическую, культурную и образовательную жизнь России в XX веке, отразившись не только на центральных губерниях, но и на Туркестане, одном из ее отдаленных регионов.

С весны 1917 года в политической жизни населения Туркестана произошли коренные изменения. Политическое пробуждение населения и его активизация в демократическом движении народа были отчетливо видны.

Туркестан стал главной движущей силой национального демократического процесса, начало зарождаться движение джадидов, сыгравшее важную роль в этих процессах. Одной из важных задач повестки дня стало формирование административной системы края и органов местного самоуправления. В то же время Временное правительство, созданное в России в первые дни после Февральской революции, не успело полностью подчинить себе власть в социально-политической, экономической, военной и культурной сферах, особенно в Туркестане.

Можно сказать, что Временному правительству потребовалось некоторое время, чтобы полностью распространить сферу своего влияния на отдаленные регионы. Например, в Туркестане после свержения императора Николая II власть перешла под

контроль Временного правительства, но новая система управления в регионе не была создана быстро.

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства старалась дистанцироваться от этих революционных изменений. Но на практике это было невозможно. В телеграмме, отправленной в Ташкент национальной интеллигенцией Андижана в поддержку Временного правительства, отмечалось, что «народ, оставшийся без прав при царской власти, жестоко угнетенный, наученный пьянству, обреченный на смерть и нищету, не может быть сторонником царского режима»¹.

Следует отметить, что и после Февральской революции 1917 года, туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин и областные военные губернаторы также продолжали управлять краем на местах. Временное правительство не могло полностью контролировать административную систему.

Все еще ощущавший самостоятельность, А.Н. Куропаткин, 4 марта 1917 года объявил о решении Временного правительства «предоставить равные права» всем гражданам России, однако на самом деле его беспокоило введение такого порядка в системе управления. В частности, в отношении мусульман не несущих воинской повинности, «этот принцип равенства не мог быть применен в полной мере, иначе Туркестан откатится назад: большинство голосов останется у туземцев (в случае выборов. — *Авт.*), они возьмут все в свои руки, а они ненадежны», — выразил он свою обеспокоенность².

В то же время по призыву Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов такие органы управления стали создаваться и на окраинах. В Ташкенте 3 и 4 марта 1917 года были учреждены Советы рабочих и солдатских депутатов. Вскоре они объединились, и в конце марта 1917 года число рабочих и солдатских депутатов по Туркестанскому краю достигло семидесяти пяти. Большинство депутатов, избранных в новообразованный совет, были представителями европейских националь-

¹ Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). 1-нчи китоб. 1917–1939 йиллар. Тошкент: O'zbekiston, 2019. Б. 24.

² Там же.

ностей. В то же время среди местного населения, благодаря усилиям джадидов, стали формироваться исполнительные комитеты общественных организаций. В частности, 6, 9 и 13 марта 1917 года на многотысячных митингах, проходивших в Старом городе Ташкента, джади́ды активно предпринимали усилия по объединению разных социальных слоев местного населения. Убайдулла Хаджаев, Ташпулат Норбутабеков, Зайнуддинходжа Саримсакходжаев и Абдусафихан Ганиев из местных были единогласно избраны в общественную организацию исполнительного комитета города Ташкента. Решением состоявшегося собрания контроль со стороны полицейской системы, который действовал ранее, был отменен, и представитель местной национальности Исламбек Худойханов был избран в комиссариат Старого города Ташкента, а Мусахан Мирзаимов был назначен его замом¹.

По имеющимся сведениям, бывшие чиновники Туркестанского генерал-губернаторства опасались, что в результате демократических выборов система управления краем перейдет в руки представителей местного населения. К примеру, Н.Г. Маллицкий, председатель кадетской партии и бывший глава ташкентского городского самоуправления 15 апреля 1917 года, заявил следующее: «Численное превосходство туземного населения и сейчас и впредь будет лишь усложнять систему выборов представителей в органы областного управления, это факт». На что ему возразил Заки Валиди Тоган: «Наступило время свободы, поэтому никто ни по каким соображениям не может лишать классы или нации избирательных прав, основанных на четырех принципах: гласность, равенство, независимость от имущественного положения и пола. Эти принципы должны быть едины для всех граждан Российского государства. Опасения, будто управление государственными делами окажется в руках неграмотных людей, несостоятельны, ибо при создании соответствующих условий для подготовки кадров управленческих учреждений, вопрос этот решится сам собой. Вы перевели

¹ Туркестан в начале XX века. К истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 20–21.

толстые тома о колониальном управлении в Хиндустане, чтобы пользоваться той системой здесь. Было бы куда лучше взамен их выпустить книги о том, как господствующая и покоренная нации обретут одинаковые избирательные права и будут жить в условиях равенства. И издавать такие книги следует и на русском, и на тюркском языках»¹.

В отличие от бывших чиновников, работавших в системе управления Туркестанского генерал-губернаторства, национальная интеллигенция в лице татар и башкир, активно участвующая в политической жизни края переживала за развитие и прогресс тюрко-мусульманских народов. Они вели пропаганду и агитацию среди местного населения за усиление работы по созданию основ национальной государственности, обретение статуса автономии.

Судя по всему, у бывших чиновников Туркестанского генерал-губернаторства сложилось ошибочное представление о том, что главную роль в управлении краем играют представители местного населения, представители других национальностей подвергаются дискриминации. В частности, забегая вперед, можно сказать, что передача административной системы Туркестана в руки мусульман в конечном счете не привела к дискриминации русских и русскоязычных. Например, в автономии того же Туркестана² треть из 54 человек, избранных в административную систему, были европейцами, то есть русскими и русскоязычными людьми³.

Временное правительство постепенно шло к изменению системы управления и в начале апреля 1917 года отозвало бывшего генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в Петроград. 7 апреля 1917 года Временное правительство учредило Туркестанский

¹ *Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальные бытие и сохранение культуры.* Кн. I. Уфа: Китап, 1994. С. 176.

² Более подробная информация о Туркестанской автономии приведена в следующем разделе.

³ Также см.: *Аъзамхўжаев С. Туркистон Мухторияти.* Тошкент: Маънавият, 2000; *Он же. История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти).* Тошкент: Тошкент ислом университети, 2006.

комитет во главе с Н.Н. Щепкиным, состоящий из девяти человек. Из них четверо были представителями тюрко-мусульманских народов. От татар – генерал-майор А.А. Давлетшин¹ и С.Н. Максудов², от казахского населения – А.Н. Букейханов и М.Т. Тынышпаев. Лишь двое из членов Временного комитета Туркестанского управления были представителями местного европейского населения³.

Задачи для членов Временного комитета Туркестанского управления были утверждены в следующем порядке:

1. Вопросы народного образования и культуры поручить А.Л. Ликовскому, С.Н. Максудову и А.А. Давлетшину.

2. Дела в Бухаре, Хиве и приграничных с регионом районах передать П.И. Преображенскому и А.А. Давлетшину, проблемы управления Семиречьем и вопросы кыргызского (казахского) образа жизни в крае передать в распоряжение О.А. Шкапскому, М.Т. Тынышпаеву и А.Н. Букейханову.

3. Дела, связанные с торговлей, промышленностью и различной деятельностью вверить В.С. Елпатьевскому, П.И. Преображенскому и Н.Н. Щепкину.

4. Земельные работы в местных областях передать в распоряжение А.А. Давлетшина и Н.Н. Щепкина.

5. Вопросы военных ведомств в областях передать в распоряжение А.А. Давлетшина.

6. Судебные и надзорные вопросы оставить на усмотрение Временного комитета управления всем Туркестаном⁴.

Татары были назначены в систему управления Туркестана поскольку были знакомы с местным языком, религией, культурой и традициями и владели русским языком, что облегчало

¹ См. Приложение.

² См. Приложение.

³ В некоторых исследованиях также отмечается, что «никто из тюрко-мусульманских членов Комитета по Временному управлению Туркестаном не был туркестанцем». См.: *Xolid A. O'zbekiston tavalludi: ilk SSSR davrida millat, imperiya va inqilob*. Toshkent: Akademnashr, 2022. B. 72.

⁴ Национальный архив Узбекистана (далее: НАУз). Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

взаимодействие внутри административного аппарата, состоявшего в основном из представителей некоренного населения.

Однако факт остается фактом: казахские члены Временного комитета по управлению Туркестаном М.Т. Тынышпаев и А.Н. Букейханов, являвшиеся представителями народов региона, практически не принимали участия в заседаниях комитета¹.

Несмотря на то, что в Туркестане был создан Временный комитет, вопрос о конкретном порядке и статусе администрации обсуждался на совещаниях и съездах разного уровня перед региональными общественными организациями и местными исполнительными комитетами. Так, 9–16 апреля 1917 года в Туркестане состоялось заседание комитетов исполкома Туркестанского края, в котором приняли участие представители многих общественно-политических организаций и движений.

В работе съезда также приняли, Убайдулла Ходжаев, Ислам Шагиахмедов², Мустафа Чокаев, Серикбай Акаев и другие. Большинство делегатов съезда были представителями русской общины и выступали против предоставления автономного статуса Туркестану, заявляя, что «мусульмане [еще] не готовы как политически, так и культурно».

Учительница из Коканда по имени Нигора, утверждала, что эту революцию совершили «русские революционеры, русские рабочие и русские солдаты. Поэтому власть и управление в Туркестане должны оставаться в руках русских. А местное население должно довольствоваться нашими предложениями»³.

Однако в ответ на замечания о том, что местное население «еще не готово» к управлению Туркестаном, С. Герцфельд, И. Шагиахмедов, Т. Норбутабеков, М. Бехбуди и др. выдвинули и поддержали идею о том, что мусульманам должно быть предоставлено столько прав, сколько они требуют. Но, несмотря на усилия мусульманских делегатов, съезд все же поддержал цен-

¹ *Аъзамхўжаев С.* Туркистон Мухторияти. Тошкент: Маънавият, 2000. Б. 45.

² См. Приложение.

³ См.: *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годах. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. С. 101.

трализованный правление из России¹. Следует также отметить, что Временный комитет по управлению Туркестаном, который был образован вместо Туркестанского генерал-губернаторства, имел право распространять свою юрисдикцию на Бухарский эмират и Хивинское ханство. В частности, с марта 1917 года в районах Бухарского эмирата, населенных русскими: Новой Бухаре, Чорджое, Керки, Термезе, Карши, Кызылтепе, были образованы исполнительные комитеты, которые перешли под контроль вышеупомянутого комитета.

Областным комиссаром стал П.П. Введенский, бывший сотрудник Бухарского политического агентства в этих районах. В это же время, на должность руководителя Амударьинского отделения Российского официального представительства в Хивинском ханстве был назначен генерал-майор М. Мирбадалов. Ранее он служил генералом при командующем Туркестанского военного округа. По особому поручению М. Мирбадалов стал также начальником русского гарнизона в Хиве и комиссаром при хане. Он практически стал ответственным за весь порядок в Хивинском ханстве. В этой должности он работал в марте-мае 1917 года, курируя реформы в Хивинском ханстве, «требовал расширения состава совета за счет включения в него представителей других национальностей»².

Таким образом, Временный комитет по управлению Туркестаном продолжал свою деятельность в качестве общего органа координации в регионе. Максудов и Давлетшин изначально были его членами. Они активно участвовали в конференциях и совещаниях, проводимых на уровне края, уделяли внимание необходимости реализации единства и национальной идентичности тюрко-мусульманских народов, создания основ национальной государственности. Например, 16–23 апреля 1917 года в Ташкенте открылся Первый съезд мусульманского края «Шурои Исламия», в котором приняли участие генерал-майор

¹ См.: Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годах. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. С. 101–102.

² Почекаев Р.Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1917–1924. Юридические аспекты фронтальной модернизации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 258–259, 264.

А.А. Давлетшин и С.Н. Максудов, выступившие с приветственной речью по поводу этого знаменательного события¹.

Однако большинство членов Временного комитета по управлению Туркестаном не продержались и месяца и оказались не в состоянии найти общий язык с местным населением и официальными структурами администрации из-за незнания ситуации в регионе, языка, религии и менталитета местного населения².

Более того, они не смогли договориться с общественными организациями в формировании системы управления краем. По этой причине 6 мая 1917 года Временный комитет под председательством Н.Н. Щепкина телеграммой обратился к Временному правительству с просьбой передать ему полномочия и просил граждан края отнестись к этому решению спокойно и не выходить на улицы с протестами.

Согласно сохранившимся документам, об отставке ходатайствовали Н.Н. Щепкин (председатель), члены: А.А. Давлетшин, В.С. Елпатьевский, А.Л. Ликовский, С.Н. Максудов, П.И. Преображенский³. Одной из причин телеграммы Временному правительству об отставке стали разногласия с Советами рабочих, солдатских и депутатов Сырдарьинской области и города Ташкента по поводу назначения и увольнения административных чиновников. Временный комитет по управлению Туркестаном требовал своего одобрения при назначении на ответственные посты в регионе представителей Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. С. 86–87.

² Конечно, казахи А.Н. Букейханов и М.Т. Тынышпаев, татары – А.А. Давлетшин и С.Н. Максудов были знакомы с языком, религией, менталитетом и особенностями быта местного населения. Даже С.Н. Максудов депутат II–III Госдумы, от Мусульманской фракции, имел определенное понимание проблем мусульманского населения Туркестана. Поездки в Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Коканд, Мерв, Бухару в сентябре 1910 года обогатили его теоретические познания о быте и культуре жителей региона практическими примерами. Смотрите: НАУз. Ф. И.461. Оп. 1. Д. 348. Л. 34 с об.; Л. 38; Д. 1260. Л. 61; Д. 1397. Л. 376 с об.

³ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 11, 15.

В свою очередь, руководство Временного комитета по управлению Туркестаном отказалось подчиниться этим требованиям, отметив, что несет ответственность только перед Временным правительством, и потребовало своей отставки¹. На практике Временный комитет Туркестана не мог полноценно осуществлять свою деятельность до тех пор, пока не была соблюдена отставка Временного правительства. Это объясняется тем, что, хотя члены Временного комитета считались представителями Временного правительства, на практике, в условиях военно-политической ситуации того времени, они не имели права принимать решения независимо от центральной власти, издавать приказы в интересах представителей местных этнических групп или отдавать соответствующие распоряжения.

В то же время четверо из девяти членов Временного комитета были представителями мусульманских этнических групп, но они не могли принимать важные решения или осуществлять собственную политическую деятельность. Действительно, включение Временным правительством в состав Временный комитет по управлению Туркестаном представителей татар и казахов, наиболее известных и политически активных тюркомусульманских народов России, имело целью продемонстрировать участие представителей тюркских народов в системе управления регионом.

Однако недоверие Н.Н. Щепкина к членам комитета – татарам и казахам – вынудило его 13 мая 1917 года доложить главе Временного правительства князю Г.Е. Львову, что тюркомусульмане в комитете «работают не на благо Временного правительства, а в пользу мусульманского совета края»².

Намерение Временного правительства в «эффективном» использовании татар: С.Н. Максудова, с учетом его политической деятельности в качестве члена центрального комитета партии «Иттифак ал-Муслимин» (август 1906 г.), депутата II и

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 18, 36 с об.

² Исакаев А.А. Деятельность татаро-башкирской интеллигенции в общественно-политической и культурной жизни Туркестана (конец XIX – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Наманган, 2008. С. 130–131.

III Государственной думы России, А.А. Давлетшина, осведомленного военно-политическим положением в крае, генерал-майора, путем включения их в состав Временного комитета Туркестанского управления. В действительности же, С.Н. Максудов и А.А. Давлетшин относительно хорошо знавшие местные условия края, в то же время не могли повлиять на общественно-политическую, военно-экономическую ситуацию в Туркестане. Обязанности Н.Н. Щепкина среди членов Временного комитета Туркестана, в частности, демократические принципы управления, вызвали сомнение у общественности Туркестана. Потому что этот комитет, созданный Временным правительством, не мог эффективно функционировать в крае. В частности, Совет солдат и рабочих Туркестана не хотел, чтобы С.Н. Максудов и А.А. Давлетшин были членами соответствующего комитета¹. На повестку дня был поставлен вопрос о новых членах, вместо них были выдвинуты казах Мустафа Чокаев, и татарин Мухаммаджан Тухтаров – председатель комитета мусульман Казани².

Несмотря на то, что четверо членов Временного комитета Туркестана были мусульманами, а пятеро – русскими, в целом, они показали себя довольно «незрелыми» в управлении краем. Во всяком случае, татарские представители из их числа были знакомы с языком, обычаями и культурой местного населения, но не вполне понимали общественно-политическую, военную и экономическую ситуацию в управлении краем.

Махмудходжа Бехбуди отреагировал на это так: «Кто дает распоряжения? Мы или Туркестанский комитет? Члены комитета, не зная особенностей нашей жизни, пытаются управлять нами»³.

¹ Н.Н. Щепкин, председатель Временного комитета по управлению Туркестаном, и члены С.Н. Максудов, А. Давлетшин, П. Преображенский были отозваны Временным правительством и 25 мая 1917 года покинули Ташкент. См.: *Оразимбетов Ш.О.* Некоторые вопросы национальной политики Временного правительства в Туркестане в 1917 г. // Из истории межнациональных отношений в Узбекистане. Ташкент: Университет, 1998. С. 77.

² Туркестанский комитет // Улуг Туркистон. 1917. 27 июль.

³ Новейшая история Узбекистана. Кн. 2. Узбекистан в советский колониальный период. Ташкент: Шарк, 2000. С. 30–31.

Бехбуди, критиковавший деятельность членов Временного комитета Туркестана, выразил свои взгляды, цели и задачи по созданию национальной государственности – автономии в июне 1917 года в своей статье «Байони хакикат». В ней говорилось: «Мы хотим, чтобы туркестанские мусульмане сформировали правительство Туркестана, включая русских, евреев и других, рассматривая при этом Туркестан как часть России, чтобы у нас был свой парламентаризм <...>. Пусть мусульмане Туркестана живут в соответствии со своим шариатом и справедливостью, своим законом и религией. Пусть будут приняты законы, учитывающие интересы всех.... Если мы, мусульмане Туркестана, хотим объединить нашу религию и нацию и предпринять шаги к реформам и единству с сегодняшнего дня, пусть интеллектуалы, прогрессисты, богатые люди и ученые объединятся и послужат развитию религии, нации и родины.

Мы должны постепенно создавать национальную армию в Туркестане. Мы сами определим обязанности наших воинов, принципы их обмундирования и питания. Причина колониального господства над нами кроется в наших разногласиях. Чтобы выполнить эти задачи, наша молодежь должна работать умно и толково. Нам предстоит большая работа. Другие народы прогрессируют с каждой минутой. Мы повторяем, что молодежь и взрослые должны работать вместе. Без этого пути не будет ни свободы, ни автономии. Конечно, каждая страна должна продемонстрировать свою волю к достижению этой цели. В то же время все мусульмане России должны сделать все возможное для формирования автономии»¹.

Анализ приведенных исторических фактов показывает, что Временное правительство создало Временный комитет по управлению Туркестаном, но реальная его деятельность не смогла создать новую форму государства в интересах народов региона. Таким образом, в связи с тем, что работа Временного комитета Туркестана не была поддержана национальной интеллигенцией,

¹ Маҳмудхўжа Бехбудий. Танланган асарлар I жилд. Тошкент: Akadem-nashr, 2021. Б. 474–475.

1 июля 1917 года эта, возглавляемая Н.Н. Щепкиным организация, приостановила свою работу¹.

В связи с этим заместитель председателя Совета мусульман края И. Шагиахмедов в своей телеграмме, направленной председателю Совета министров Временного правительства князю Львову, заявил, что «...упадок репутации власти представляет собой большой риск разрушений». В этой телеграмме, в решении ташкентского Совета мусульманских депутатов, Временный комитет Туркестана указал на необходимость того, чтобы «в случае принятия отставки не менее половины членов Туркестанского комитета были мусульманами». В частности, по мнению И. Шагиахмедова, Туркестаном нельзя управлять полностью из Центра, для стабильности ситуации, в любом случае необходимо учитывать интересы мусульманского населения, а в системе управления краем должны быть представители местного населения².

Здесь необходимо остановиться на общественно-политической и культурной деятельности И. Шагиахмедова в крае. Работая адвокатом в Коканде с 1916 года, в то же время, он основал общество «Гайрат» («Усердие») и был редактором газеты «Туркестанский край». После Февральской революции 1917 года принял активное участие в политическом движении в Туркестане, занял одну из ведущих ролей в национально-демократических процессах национальной государственности-автономии в крае. В частности, с июня 1917 года он работал в исполкоме Туркестанского национального совета. Свое национально-политическое движение в Туркестане он осуществлял совместно с российскими мусульманами. Например, летом 1917 года И. Шагиахмедов был членом исполкома Всероссийского совета мусульман в Петрограде и одновременно занимал должность секретаря этой организации. Позже, в 1917 году, был участником Второго съезда Всероссийских мусульман, проходившего в Казани, был редактором и издателем газеты «Туркестанский

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 63.

² *Аъзамхўжаев С.* Туркистон Мухторияти. Тошкент: Маънавият, 2000. Б. 51.

край» (Ташкент, 1917). За свою карьеру он приложил немалые усилия для создания как политических, так и правовых основ становления Туркестанской национальной государственности. Его вклад был значительным благодаря тому, что он был членом Центрального совета мусульман Туркестана и активным участником I–IV общетуркестанских съездов мусульман. Продолжая политическую деятельность в Туркестане, он также проявил себя как правовед, защищающий интересы местного населения. Так, когда Главный комиссар Туркестанского управления издал запрет на вывоз сухофруктов 23 октября 1917 года, он заявил, что подобное решение могло быть принято лишь Временным комитетом по управлению Туркестаном.

Для него интересы мусульман региона были приоритетными при решении задач. Активное участие в общественной, политической и культурной жизни туркестанских мусульман, защита их прав и вклад в создание основ национальной государственности позволили ему стать одним из лидеров Туркестанской автономии. И. Шагиахмедов активно вел агитацию через газеты, собрания и конференции, стремясь объединить национально-демократические силы региона и заложить основы для создания национальной государственности – Туркестанской автономии, особенно среди местной интеллигенции¹.

Стоит подчеркнуть, что кроме И. Шагиахметова в управлении Туркестаном участвовали и другие деятели национальной и татарской интеллигенции. Они также высказывали мнение о важности учета местных особенностей и менталитета коренного населения, а не только следования революционным требованиям при формировании локальных норм. Кроме того, они подчеркивали значимость анализа соответствия местных традиций духу времени.

Например, на заседании Главного комиссариата управления Туркестана, состоявшемся 23 октября 1917 года, члены

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 22 и об.; *Ражабов Қ.* Туркистон Мухторияти вазирлари ҳамда Миллий мажлис аъзолари ҳаёти ва тақдири. Тошкент: Bodomzor Invest, 2021. Б. 21; *Его же.* Туркистон Мухторияти тарихи. Тошкент: Фан, 2023. Б. 123–124.

Временного комитета управления Туркестаном М. Чокаев, С.Н. Шендриков и представители местных общественных организаций: И. Шагиахмедов из Совета мусульман Туркестанского края, Ф. Таиров, Ишимбаев от Областного мусульманско-татарского бюро, С. Еникеев от организаций Центрального татарского бюро края, от общественной организации Ф.Н. Ага-паев участвовали и обсуждали вопрос утверждения народного судьи Муллы Орифходжи из Шайхантахурского района Ташкента на указанную должность. Данное заседание прошло под председательством помощника главного уполномоченного по гражданским делам Туркестанского края А.И. Доррера. На нем выступили Ш. Лапин, Левин, Г.С. Рейсер, Н.П. Остроумов, которые прокомментировали процедуру перехода выборов народных судей «революционным путем», рассказали о целесообразности или нецелесообразности введения «нового порядка». Был поднят вопрос о законности или незаконности роли народных судей в Шайхонтахурском районе и других районах региона в системе управления. Выступающие отметили, что народные судьи, которые избираются и работают по старинке, в нынешних условиях нуждаются в «демократической» замене. По словам Н.П. Остроумова, на должность народных судей при старом режиме не всегда избирались достойные люди. А.И. Доррер и Ш. Лапин отметили, что народные судьи, избранные на трехлетний срок при старом режиме, пробыли судьями девять лет, хотя и потеряли свои полномочия. По их мнению, народные судьи, избранные «революционным путем» в Ташкенте, должны быть признаны нелегитимными и что старые (ранее избранные) судьи должны быть восстановлены в своих должностях. Ш. Лапин утверждал, что в делах, рассмотренных народными судьями, избранными новым «революционным методом», не должно быть никаких ошибок. Он предлагал отменить решение окружного суда на основании соответствующего постановления¹. Он предлагал «на основании соответствующего решения по делам, рассматриваемым народными судьями», избранными

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 20–21; Д. 24. Л. 58–59.

новым «революционным путем», приговоры районных судов отменить¹.

Выступая от имени Совета мусульман Туркестана, И. Шагиахмедов подчеркнул, что нынешнее время действительно является периодом «революционных перемен» и что к решению тех или иных вопросов не следует подходить просто с помощью обычных мер, «в легализации процедуры избрания новых судей <...> этот вопрос не встретил сопротивления со стороны областных советов и областных комиссаров, поэтому эти выборы [проведенные по новому порядку] следует признать легитимными». По его словам, если не будет информации и материалов, касающихся незаконных действий на выборах, проведенных в новом порядке, то их отмена не ставится целью².

В то же самое время в Туркестане шли процессы национального и политического характера. Одним из значимых событий стало проведение военно-мусульманской конференции региона, которая состоялась в Ташкенте с 18 по 26 октября 1917 года. На ней выступили такие деятели, как У. Ходжаев от Центрального мусульманского комитета, М. Чокаев от краевой организации «Шурои Исламия», а также Губайдуллин от Военного Центрального мусульманского комитета «Шуро».

На конференции Сабирджан Юсупов дал негативную оценку действиям некоторых членов Ревкома и Временного комитета по управлению Туркестанским краем, раскритиковав их противодействие созданию в крае мусульманских воинских частей. Татары сыграли важную роль в подготовке и проведении данного съезда, а также в решении связанных с ним организационных задач. Возможно, поэтому большинство членов Ташкентского центрального военного совета, который был создан на основе решений съезда и состоял из девяти человек, оказались татарами: Давлат Мирзаев, Муса Акчурин, Собирджан Юсупов, Мирсияп Окалаев, Ризаэтдин Шакиров, Ариф Клевлеев, Карим Бурнашев³.

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 20–21; Д. 24. Л. 58–59.

² НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12 об. Л. 21.

³ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. С. 191–192.

Особенностью системы управления в Туркестане было то, что, несмотря на упразднение должности генерал-губернатора, его функции, ориентированные на интересы Центра, продолжали существовать. Более того, Временному комитету управления Туркестаном приходилось принимать решения оперативно, без должного анализа и обдумывания. Перед этим органом стояли весьма сложные и одновременно труднорешаемые задачи:

1. Обеспечение планомерного установления управления в Туркестане после Февральской революции как на региональном, так и на местном уровнях.

2. Применение решений, распоряжений и указаний Временного правительства в управленческой системе Туркестана.

3. Сохранение определенного контроля над деятельностью национально-демократических движений, появившихся в крае после Февраля.

4. Предупреждение сбоев в поставках ресурсов со стороны Туркестана для нужд фронта во время войны.

5. Для улучшения ситуации с продовольственным обеспечением населения Туркестан должен усилить сотрудничество с центральными губерниями России и Северным Кавказом, а также принять меры по предотвращению вывоза зерна и прочих продуктов питания из региона.

6. Организация приема в Туркестан, предоставление жилья и питания военнослужащим, получившим ранения или утратившим здоровье на фронте.

7. Решение вопроса о возвращении домой раненых участников боевых действий и их дальнейшей реабилитации.

8. В рамках новой системы управления Туркестаном, включающей различные общественные группы и мусульманские советы, при Главном комиссариате Временного комитета Туркестана сформировать специальный Совет управления¹.

4 октября 1917 года прошло заседание Генерального комиссариата управления Туркестана, где его руководитель П.А. Коровиченко поднял вопрос о формировании Совета управления.

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 с об. (Этот орган также носил название «Совета по региональным делам»). (Прим. авт.)

В заседании участвовали Мустафа Чокаев, С.Н. Шендриков, члены Туркестанского комитета, Шерали Лапин, Азизходжаев, Убайдулла Ходжаев от Национального совета мусульман, Н. Остроумов от Союза туркестанцев и другие представители различных общественных организаций.

Несмотря на то, что текущие законы не предполагали создание Совета управления в структуре краевого управления, было решено создать этот управленческий орган «из числа людей, знающих местные особенности и пользующихся доверием соответствующих групп населения». Он должен был наилучшим образом отражать интересы всех слоев населения Туркестана и одновременно обладать совещательным голосом.

Обратившись к данному вопросу, Н. Остроумов подчеркнул, что в состав Совета следует включить людей, глубоко знакомых с Туркестаном, хорошо осведомленных о его потребностях. Он добавил, что те, кто прибыл в регион по каким-либо обстоятельствам, не связанным с ним, и не разбирается в местных нуждах, «не имеют права занимать места в этом Совете и участвовать в управлении краем».

Вопрос о включении рабочих и солдатских депутатов в управляющий совет вызвал оживленные дискуссии. Представитель организации «Уламо» Шерали Лапин выступил и сообщил, что на мусульманском собрании края также обсуждалась проблема формирования Совета управления для руководства Туркестаном. В ходе съезда было решено, что Мусульманский совет края будет представлен в этом органе двумя делегатами от каждой области и еще двумя от Ташкента, таким образом общее количество представителей составит 12 человек. Было определено, что в этих преобразованиях системы управления будут задействованы представители всех регионов¹.

Подчеркивалось, что в состав Совета управления войдут представители разных республиканских общественных организаций, а также региональных структур. По этому поводу высказался Шендриков, член Временного комитета Туркестана, отметив необходимость привлечения представителей всех

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 24–25.

областей, чтобы краевое правительство поддерживало крепкие связи с местными органами власти. Однако он указал, что пока Закаспийская и Семиреченская области не были представлены своими делегатами в краевом руководстве.

Но в вопросе участия представителей регионов в административной системе Туркестана, по мнению А.И. Доррера, это «весьма нецелесообразно, требует много времени, но... [текущая ситуация] требует немедленного [решения]... Кроме того, организация выборов [представителей] от областей требует больших затрат, а денег нет», а, если город Ташкент будет играть приоритетную роль как культурный и административный центр Туркестана в «Совете управления» заявили, то никакой опасности в этом нет. Когда речь идет о Закаспийской и Семиреченской областях, то можно узнать мнение местных организаций по важным вопросам, касающихся этих областей¹.

В ходе данного заседания не прозвучало никаких предложений о том, чтобы представители местного населения, национальной интеллигенции и мусульманских организаций имели приоритет в Совете управления, который планируется создать при Временном комитете Туркестана. Напротив, по словам Булатова, представителя областного совета крестьянских депутатов, имеющий голос совета в Совете управления, в системе управления Туркестаном, членами должны были стать: 5 членов от областного совета рабочих и солдатских депутатов, 5 членов от областного Совета крестьянских депутатов, 5 членов от областного совета казахских депутатов, 5 представителей от Совета мусульманских депутатов, 2 представителя работников почты и телеграфа, 2 представителя союза учителей, 2 представителя союза кооперативов и 2 представителя железнодорожников.

На основании предложения Булатова и учитывая разнообразие числа представителей от той или иной организации А.И. Доррер заявил, что количество представителей в Совете не имеет большого значения. Самое главное, что у них есть представители, говорит он, «при рассмотрении различных вопросов управления... один знающий и активный представитель

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12 с об., Л. 25.

небольшой организации гораздо ценнее десятков представителей крупной организации». В постановлении собрания указано, что если в этом органе представлен Совет рабочих и солдатских депутатов Туркестана, то не обязательно иметь представителей пропорциональных организаций от областей и городов¹.

Приведенные исторические свидетельства показывают, что Временный комитет управления Туркестанского края и региональное руководство, а также чиновники в общественных организациях не стремились привлекать представителей местной национальности, мусульманскую национальную интеллигенцию, пропорционально их численности. Вместо этого они отдавали предпочтение представителям определенных организаций, даже если те составляли меньшинство. Вопрос о равноправном участии представителей всех национальностей в управлении регионом не поднимался².

В результате Совет управления включал в себя трех членов от исполнительного комитета, трех членов, избранных Съездом рабочих и солдатских депутатов, трех представителей от Областного мусульманского съезда, двух членов от Ташкентской городской думы, десять членов от областей (по два от каждой области. – *Прим. авт.*), включая двух представителей русского населения в Бухаре, а также членов Временного комитета Туркестана. Всего в совете насчитывалось 23 участника.

Первое заседание Совета управления прошло 29 апреля 1917 года, среди его участников были Н. Щепкин, А. Давлетшин, Липовский, Шкапский, С.Н. Максудов, Динин, Норботабеков, Зимин, И. Шагиахмедов, Ш. Лапин, Добкевич, Бройдо, Иванов, Карпухин. Задача «Совета управления» заключалась в разработке закона и представлении его Временному правительству. Среди членов Совета были мусульмане, такие как И. Шагиахмедов – юрист, хорошо знакомый с местными условиями.

Совет управления обновлял свой состав на основе предложений от местных исполнительных комитетов и Совета мусульман Туркестанского края. В частности, новыми его членами стали

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12 об., Л. 25 об., Л. 26.

² НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

Акаев, Добрекович, У. Ходжаев, Фаттерман, Мустафа Чокаев, П. Полатханов и Ф. Таиров ¹.

В завершение этого раздела стоит подчеркнуть, что Временный комитет управления Туркестанского края, сформированный Временным правительством, даже по своему составу фактически был направлен на удовлетворение интересов центра. Политический курс, проводимый местной национальной интеллигенцией и татарами, входящими в состав этого административного органа, имел ограниченный характер и основывался на постоянной отчетности перед Временным правительством. Деятельность Комитета осуществлялась согласно указаниям, решениям, инструкциям и приказам последнего. Среди представителей национальной интеллигенции, участвовавших в общественной и политической жизни края и вошедших в Совет управления, были Мустафа Чокаев, Убайдулла Ходжаев, Мухаммадджан Тынышпаев, Норботабеков, Шерали Лапин и другие, а также татары Садри Максуди, Абдулазиз Давлетшин, Ислам Шагиахметов, М.Х. Губайдуллин, Фуад Таиров. Усилия туркестанской национальной и татарской интеллигенции в системе управления краем были нацелены на активное участие представителей коренного населения в управлении и создании национального автономного государства.

1.2. Деятельность татар в Туркестанской автономии

После Февральской революции 1917 года военно-политическая обстановка в Туркестане показала, что национально-политическое пробуждение региона и активизация местных жителей способствовали их участию в разнообразных общественных, политических и военных процессах для защиты своих прав. Местная интеллигенция, которая оказалась вне системы Временного комитета Туркестанского управления, начала предпринимать политические шаги для утверждения государственной независимости края в виде автономии. Татары, активно включившись в общественную жизнь региона, внесли значительный вклад в процесс обретения Туркестаном автономного статуса.

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 25. Л. 42–43, 214–215, 217.

Участие татар в управлении Туркестаном было сложным и неоднозначным процессом. Их язык, религия и культура, схожие с культурой народов этого региона, имели уникальные особенности влияния на общественные, политические, военные, экономические, культурные и просветительские процессы формирования государственности в Туркестане. Необходимо объективно рассмотреть этот аспект с исторической перспективы, основываясь на анализе условий, сложившихся в начале XX века.

В Туркестане, который считался отдаленным регионом Российской империи, известие о Февральской революции 1917 года пришло лишь 3 марта и поначалу скрывалось от населения. Генерал-губернатор А.Н. Куропаткин (1916–1917), занимавший пост последнего губернатора региона, рассчитывал сохранить контроль над ситуацией вплоть до обнародования Манифеста об отречении царя Николая II. Однако Февральская революция была с радостью встречена широкой общественностью и интеллигенцией Туркестана. Революция породила надежды на демократические процессы у тюрко-мусульманских народов края. Особенно активную позицию заняли татары, игравшие значительную роль в общественной жизни региона. Они выразили поддержку Февралю и отправили телеграммы с поздравлениями Временному правительству и Государственной Думе в разные уголки края. Так, татарское общество Коканда приветствовало новое руководство словами: «От всей души желаем им довести начатое дело до конца», а жители Казалинска передали благодарность за «освобождение татар от национальных и религиозных ограничений»¹.

После Февральской революции различные слои национальной интеллигенции Туркестана начали энергично бороться за свои права, политическую свободу, государственное устройство, культурно-образовательные реформы. Татары отличались особой активностью в этих начинаниях. Например, 14 марта 1917 года на первом организационном собрании общества «Шуро-и Исламия» в Ташкенте были дополнительно избраны

¹ Усманова Д. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 1/2, 1997. С. 168–169.

13 татар и казахов наряду с 48 представителями местного населения. Всего в его состав вошло 61 человек.

Это общество определило для себя цели проведения политических, научных и социальных реформ, соответствующих духу времени, среди мусульман Туркестана, устранения разногласий и недоверия между различными национальностями в регионе, а также сближение этих национальностей друг с другом. В целях расширения своей деятельности «Шуро-и Исламия» сменило название на «Туркестанское общество “Шуро-и Исламия”». Общество не ограничилось деятельностью исключительно в рамках своего региона, установив контакты с казахским общественно-политическим и национально-освободительным движением «Алаш» («Алаш») и татаро-башкирским обществом Центральной России «Иттифак» («Союз») (руководителем которого был Бурган Шараф)¹.

4 апреля 1917 года на собрании в здании русско-татарской школы в Ташкенте было создано одноименное общество «Иттифак», главной задачей которого стало повышение гражданского статуса татарской интеллигенции в Туркестане².

Общество «Иттифак» приняло следующие решения:

1. Для координации деятельности татарских организаций по всему Туркестану в Ташкенте было образовано «Центральное бюро тюрко-татар в Туркестане». Основной задачей бюро определить назначение мусульман Туркестана на ключевые позиции в политической, экономической и социальной сферах.

2. Татары Туркестана рассматриваются как настоящая этническая группа в «Шуро-и Исламия» Туркестана, и они полностью объединены с местными мусульманами.

3. Необходимо создать в Туркестане общества, способствующие развитию татар в научной, политической и экономической сферах. Эти общества следует максимально связать с Централь-

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 21–22; См.: Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида... Тошкент: Шарк, 2000. Б. 24; Абдурашидханов М. Танланган асарлар. Тошкент: Маънавият, 2003. Б. 43–44.

² «Иттифок» жамияти // Улуғ Туркистон. 1917. 25 апрель.

ным бюро туркестанских татар в Ташкенте, сделав их своего рода филиалами¹.

Устав общества был принят на общем собрании 14 мая 1917 года. Хайрулла Рахматуллин, Абдурашидов, Халил Ширинский, Абдулладжан Сафагиров, Ибрагим Тахири, Рахим Нугманов, С. Нуриддин, Сабирджан Юсупов, Рахимджан Худойбергенов, Искандер Чанышев, Абдурахим Абдухаликов, Садик Абдусаттаров, Кадыр Булатов, Искандар Шамсудинов, Гази Юнусов и др. (всего 21 человек) были избраны в качестве членов общества².

Следует отметить, что татары проявили свою активность в общественно-политических движениях и демократических процессах в Туркестане и после Февральской революции 1917 года. Они сочли целесообразным использовать создавшиеся условия для защиты свобод и прав тюрко-мусульманских народов. Особое внимание ими было уделено противоречиям между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, а также сложным процессам борьбы за лидерство, власть, тюркское единство и положение татар во всех этих процессах.

Газета «Улуғ Туркестан» сообщала, что возле «ногайской» мечети Ташкента состоялся митинг, собравший от трех до четырех тысяч участников, среди которых были татары, сарты и казахи. Были произнесены вдохновляющие речи о свободе и патриотизме. В завершение все участники хором воскликнули: «Пусть исчезнут различия между татарами, сартами и казахами! Да здравствуют мусульмане и тюрки!»

Также газета отмечает, что ежегодно в Туркестан прибывали сотни татарских учителей для обучения татарских и казахских детей в сельских районах. Татарские женщины оказались зависимыми от сартов и казахов, вступая в смешанные браки в Туркестане. На этом фоне тюрко-татарская пресса становилась все более популярной и доступной для восприятия³.

¹ Туркистондаги тоторларнинг съезди // Улуғ Туркистон, 1917. 25 апрель.

² Мингнарлов А. Туркистонда 1917–1918 йиллардаги миллий сиёсий ташкилотлар (Миллий матбуот материаллари асосида). Тошкент: Маънавият, 2002. Б. 7–8.

³ Улуғ Туркистоннинг бир максади // Улуғ Туркистон. 1917. 30 апрель.

Как раз в то время, когда военно-политическая обстановка в Туркестане накалилась до предела, с 16 по 23 апреля 1917 года в Ташкенте прошел Первый Всетуркестанский мусульманский съезд. Организатором съезда выступило общество «Шуро-и Исламия». На нем Мухаммеджан Тынышпаев представил доклад о предстоящей работе в регионе, а Кабир Бакиров поделился новостями из Бухары. В ходе мероприятия рассматривались двенадцать ключевых вопросов, включая будущее устройство управления Туркестаном, законодательную, исполнительную и судебную системы, шариатские институты, образовательные учреждения, национальные и культурные аспекты, проблемы землевладения, водных ресурсов и миграции. С. Максудов обсудил задачи, стоящие перед Временным правительством Туркестана.

Один из важных вопросов касался устройства управления России. Мунаввар Кари Абдурашидов, Ахмад Заки Валиди, Махмудходжа Бехбуди, Булат Салиев, Шерали Лапин и Кабир Бакир поделились своими взглядами на различные структуры власти и предложили способы, наиболее подходящие для нужд региона в условиях Туркестана¹.

На конференции Науширван Яушев, представитель татарской интеллигенции, отметил: «В России насчитывается около 30 миллионов тюрко-татарских народов, которые культурно тесно взаимосвязаны. Туркестан исторически считается родиной тюрков. Если Туркестану предоставить автономию, другие тюрки России поддержат своих туркестанских братьев». Касаясь вопроса управления в будущей Туркестанской Автономии, он подчеркнул: «С получением автономии возникает необходимость решать задачу ее управления. Это потребует материальных и духовных ресурсов. Некоторые сомневаются в готовности народа, считая его неспособным справиться с этим. Действительно, имеются определенные сложности. Однако начав сотрудничество с молодой прогрессивной частью населения, мы откроем

¹ Мингноров А. Туркистонда 1917–1918 йиллардаги миллий сиёсий ташкилотлар (Миллий матбуот материаллари асосида). Тошкент: Маънавият, 2002. Б. 15–16.

новые возможности. Таким образом, мы скоро достигнем нужного уровня управления краем»¹.

В целом, обсуждение вопроса национальной государственности и порядка управления ею в Туркестане длилось семь часов и сопровождалось бурными дебатами. В итоге съезд выдвинул идею о том, что «на основе принципов российского административного метода (федеративной и демократической республики) необходимо предоставить широкую автономию отдаленным регионам»².

Вопрос национальной государственности, то есть государственного устройства и самоопределения, обсуждался на совместном заседании II Всероссийского мусульманского съезда, Мусульманского религиозного съезда и Мусульманского военного съезда, состоявшегося в Казани в июне 1917 года, где присутствовали делегаты и из Туркестана. В частности, совместный съезд принял решения о национальной государственности тюрко-мусульманских народов в России следующего порядка: «Решение о форме управления Туркестаном, Киргизией (Казахстаном), Кавказом и Крымом должно быть оставлено за народом этих отдаленных земель. Для мусульман внутри России и Сибири должна быть принята широкая национально-культурная автономия»³.

На пути к национальной государственности, 26–28 ноября 1917 года в городе Коканд состоялся IV чрезвычайный

¹ Мингноров А. Туркистондаги ижтимоий-сиёсий жараёнларнинг миллий матбуотда ёритилиши (1917–1918 йиллар). Тошкент: Истиклол нури, 2013. Б. 102; *Его же*. Туркистон Мухторияти ва унинг кисмати Туркистон Миллий матбуоти саҳифаларида / «Ўзбек миллий давлатчилиги тарихида Туркистон Мухториятининг ўрни ва роли» мавзuidaги Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 2017 йил. 12 октябрь. Тошкент: Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2017. Б. 137–138

² Мингноров А. Туркистонда 1917–1918 йиллардаги миллий-сиёсий ташкилотлар (Миллий матбуот материаллари асосида). Тошкент: Манавият, 2002. Б. 16

³ Хайрутдинов Р.Г. Осуществление коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917–1920 гг. (По материалам Поволжья и Приуралья). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 34–35; *Ражабов Қ*. Туркистон Мухторияти тарихи. Тошкент: Фан, 2023. Б. 78–79.

съезд мусульман Туркестана. 27 ноября 1917 года на съезде было создано Туркестанское автономное¹ правительство в составе 12 человек². Туркестанскому национальному народному собранию (парламенту) было выделено 54 места, 32 места – тюрко-мусульманским народам, 18 мест – представителям европейских организаций и 4 места – представителям местных администраций в городах. Среди 32 человек избранных в состав народного собрания (парламента) были представители татаро-башкир: Исмагулла Губайдуллин, Ислам Шагиахмедов, Губайдулла Дербисалин, Муса Акчурин, Мустафа Мансуров, Ибрагим Давлетшин, Халил Ширинский и Сабирджан Юсупов. Временное правительство Туркестанской автономии включило в должность заместителя премьер-министра председателя ЦК Туркестанского мусульманского совета Ислама Шагиахмедова³. Вскоре после этого последний сменил С. Герцфельда, занимавшего пост министра финансов Туркестанской Автономии⁴. Так же один из татар, Абдулла Гайнуллин, работал администратором в военном ведомстве Туркестанской автономии⁵.

Необходимо уделить отдельное внимание деятельности татар в рамках Туркестанской автономии. Оно возникло не на пустом месте. Важно подчеркнуть значимость торговых, общественно-

¹ Это правительство также называют первым национальным правительством Туркестана (Туркестанской автономией) или Кокандской автономией. Число участников этого съезда достигло 250 человек, в нем также приняли участие представители Туркестанского бюро татар.

² Подробнее о Туркестанской автономии смотрите: *Аъзамхўжаев С.* Туркистон мухторияти: миллий-демократик давлатчилик қурилиши тажрибаси. Тошкент: Маънавият, 2000; *Его же.* История Туркестанской автономии. Ташкент: Ташкентский исламский университети, 2006; *Ражабов Қ.* Туркистон Мухторияти тарихи. Тошкент: Фан, 2023.

³ *Аъзамхўжаев С.* Туркистон мухторияти. Тошкент: Маънавият, 2000. Б. 130; *Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида...* Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-чи кит. Тошкент: Шарқ, 2000. Б. 53–54.

⁴ *Исоқбоев А.А.* Туркистон ижтимоий-сиёсий ва маданий ҳаётида татар-бошқирд маърифатпарварларининг фаолияти (XIX аср охири – XX аср бошлари): тарих фан. номз. ... дис. Наманган, 2008. Б. 137.

⁵ *Раджабов Қ., Хайдаров М.* Туркистон тарихи (1917–1924 йиллар). Тошкент: Университет, 2002. Б. 21.

политических и культурно-просветительских связей между тюрко-мусульманскими народами в составе Российской империи конца XIX – начала XX века. Языковое, религиозное единство и культурная общность побуждали эти народы к сотрудничеству и взаимодействию. Стоит учесть, что тюрко-мусульманские народы находились под властью царской России на протяжении нескольких столетий, а некоторые – лишь несколько десятилетий, будучи ограничены в религиозных и политических свободах. Это вызывало у них стремление к тюркскому единству и взаимопомощи, особенно среди узбеков, казахов, татар, киргизов и башкир. После Февральской революции 1917 года демократические преобразования усилили чувство необходимости тюркского сотрудничества.

Одним из значимых государственных деятелей, участвовавших в управлении Туркестанской автономией, был Ислам Шагиахмедов, представлявший татарскую нацию. Вся его деятельность демонстрирует глубокую осведомленность о жизни тюрко-мусульманских народов России, а также о социально-политической и экономической обстановке в Туркестане. Он выделялся как опытный юрист и один из ведущих лидеров мусульманского движения. Кроме того, Шагиахмедов активно участвовал в разработке правил выборов в Учредительное собрание и осенью 1917 года был избран делегатом от Ферганской области.

Осенью 1917 года он стал активным сторонником создания Федеральной автономии Туркестана в рамках политического процесса. На Втором съезде мусульман Туркестана, прошедшем 8–11 сентября 1917 года, он предложил «Проект Туркестанской федерации», который предполагалось обсудить на Всероссийском Учредительном собрании. Этот проект, состоящий из 27 статей, представлял собой первую попытку разработки конституции для Туркестанской автономии. В проекте предусматривалась полная независимость Туркестанского автономного образования, в частности статья 21 гарантировала самостоятельность во внутренних и внешних делах, финансах, экономике и торговле. Статья 24 проекта закрепляла, что все государственные учреждения принадлежат Туркестану.

Этот проект, являющийся одним из важных шагов на пути к автономии Туркестана, заслуживает высокой оценки. В нем утверждалось, что Туркестан станет частью Российской республики на принципах местной и национальной автономии, где все национальности, независимо от пола, будут равны перед законом, а каждый гражданин получит право на свободу совести. В предложенных Исламом Шагиахмедовым статьях «Проекта Федерации Туркестана» учитывались военно-политические и экономические интересы местного населения региона. Этот документ имел важное значение и был представлен на обсуждение интеллигенции через газету «Улуг Туркестан» в номерах от 7 до 10 сентября 1917 года, еще до официального провозглашения Туркестанской автономии¹. На II съезде мусульман Туркестана И. Шагиахмедов был избран членом президиума. Он считал целесообразным эффективно использовать периодическую печать для повышения политического сознания в жизни мусульман Туркестана. Потому что с начала XX века пресса в Туркестане стала играть важную роль в жизни интеллигенции края. Образ жизни, история и экономическое положение тюрко-мусульманских народов в той или иной степени освещались в статьях, публикуемых в газетах. Например, 18 ноября 1917 года, за несколько дней до провозглашения Туркестанской автономии, И. Шагиахмедов опубликовал в газете «Улуг Туркестан» статью «Туркестанская автономия и экономическая автономия», в которой обосновывал достаточность всех условий для создания автономного правительства в крае. В 1917 году он принял активное участие во внеочередном IV съезде Всетуркестанских мусульман, проходившем в Коканде, и был назначен на должность заместителя премьер-министра

¹ *Акбаров Р.* Туркистон миллий ташкилотларининг дастурларида миллий масаланинг акс этиши // *Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар: тарих ва ҳозирги замон.* Тошкент, 2003. Б. 96; *Мингноров А.* Туркистондаги ижтимоий-сиёсий жараёнларнинг миллий матбуотда ёритилиши (1917–1918 йиллар). Тошкент: Истиклол нури, 2013. Б. 102–103; *Его же.* Туркистондаги ижтимоий-сиёсий жараёнларни ўрганишда миллий матбуот материаллари манба сифатида // *Марказий Осиё тарихи ва маданияти.* Тошкент: Dilnur Print, 2016. Б. 189–193.

Туркестанского автономного правительства. С декабря 1917 года он также был назначен на должность министра финансов в Туркестанском автономном правительстве, которое выпустило займов на 30 миллионов сумов (10 миллионов сумов этого займа были покрыты банками Коканда. — *Прим. авт.*). Следует отметить, что эти займы сыграли важную роль в решении финансовых вопросов Туркестанской автономии того времени¹.

Провозглашение Туркестанской автономии, местное население края, а также просвещенная передовая татарская интеллигенция приняли с большой радостью.

В 1917 году представители татарской общины собрались под руководством Кабира Бакирова, известного деятеля татарской интеллигенции и просветителя, для обсуждения вопроса о провозглашении Туркестанской автономии в Коканде. Собрание приняло следующие решения:

1. В каждом городе и кишлаке Туркестана должны быть организованы местные общества для улучшения условий жизни и развития татарской культуры.

2. Татарский центр края обязан оказывать поддержку существующим татарским общинам в Туркестане, беря на себя ведущую роль в культурной, образовательной и финансовой сферах.

3. При Татарском центральном бюро следует создать отдел религии и образования. Необходимо ввести систему проверки и контроля над деятельностью имамов, муэдзинов, учителей и учительниц в татарских кварталах Туркестана².

Татары, живущие в Андижане, отметили праздник Туркестанской автономии 3–4 декабря 1917 года, продемонстрировав таким образом дружественное отношение тюрко-мусульманских народов к новому образованию. Праздничные мероприятия проходили не только среди взрослых, но и среди школьников, которые организовали торжество в обществе «Иттифак». 4 декабря члены общества «Иттифак», учащиеся и мусульманские солдаты прошли шествием в сопровождении музыки по Старому городу,

¹ Акбаров Р.Х. Ислом Султон Шоахмедов сиёсий фаолиятига доир айрим мулоҳазалар // «Фарғона водийси тарихи янги тадқиқотларда» мавзусидаги халқаро илмий конференция материаллари. Фарғона, 2019. Б. 254.

² Туркистон татарларининг қарорлари // Улуғ Туркистон. 1917. 20 дек.

поздравляя местных жителей с провозглашением Автономии от лица андижанских татар.

Эти события показывают, что татары, проживавшие в регионе и активно участвовавшие в общественной и политической жизни, проходившие воинскую службу, с радостью и гордостью восприняли провозглашение Туркестанской автономии.

25 декабря 1917 года состоялся внеочередной съезд мусульманских солдат и рабочих при участии Мусульманского совета Туркестана. На съезде выступили заместитель премьер-министра Туркестанской автономии Ислам Шагиахмедов, представитель Центрального мусульманского военного совета Исмаи Губайдуллин и Акчуринов от имени мусульманских солдат Самарканда.

В телеграмме, направленной 26 декабря 1917 года председателем Туркестанского военного совета А. Клевлеевым в Петроград в поддержку Автономии, говорилось: «Народ Туркестана единодушно провозгласил автономию Туркестана и поручил Туркестанскому Учредительному собранию разработать форму правления краем. Несмотря на то, что русские и европейцы составляют всего 2% населения, в Народный совет из них было избрано 33% представителей. Тем не менее, российские комиссары предпринимают шаги по ликвидации Туркестанской автономии. Учитывая решения I съезда рабочих и солдат-мусульман, я прошу вас, как высшее руководство Российской демократической республики, передать управление краем от Совета Комиссаров в Ташкенте правительству Туркестанской автономии. Это поможет избежать конфликта и предотвратить разрушение Туркестана»¹.

На митинге, проведенном 6 декабря в кишлаке Ханабат Джалалабадской волости в связи с провозглашением Автономии, Абдулла Эшан и Хусейн Валиди объяснили жителям суть и цели нового государственного образования. Член правительства Туркестанской автономии Ислам Шагиахмедов и предсе-

¹ Мингнарлов А. Туркистондаги ижтимоий-сиёсий жараёнларнинг миллий матбуотда ёритилиши 1917–1918 йиллар). Тошкент: Истиқлол нури, 2013. Б. 105–111; Андижонда Мухторият намойиши // Улуғ Туркистон, 1917. 16 дек.

датель Центрального бюро туркестанских татар Кабир Бакир поздравили местное население с этим событием и призвали оказать материальную и моральную поддержку Туркестанской автономии¹.

Туркестанская автономия не оставила равнодушной татарскую интеллигенцию, проживающую в крае. Например, Булат (Пулат) Салиев² участвовал в ее создании в качестве члена Национального собрания национального данного правительства. Будучи главным редактором газеты «Эль Байроги», издававшейся в Коканде. Б. Салиев, внес большой вклад в превращение этой газеты в орган Туркестанской автономии. К примеру, он опубликовал в этой газете «Обращение Туркестанской автономии». В ней говорилось: «...земля, орошенная человеческой кровью, взывает к небу о мире, изнеможенное человечество со слабостью опускает свой меч, человеческая нелепость уступает место божественной мудрости»³.

Спустя две недели после провозглашения Туркестанской автономии в газете «Улуг Туркестан» был напечатан гимн свободы татарского поэта Сагита Сюнчалая, известный под названием «Эхо автономии». Эта песня исполнялась как национально-освободительная композиция на мотив «Марсельезы»⁴.

Татарский просветитель Кабир Бакир выразил свою позицию относительно объявления Туркестанской автономии в газете «Улуг Туркестан». Он писал: «Даже Ленин, гениальный лидер большевиков, в своем декрете предоставил автономию народам, проживающим в России, включая казахов и мусульман Туркестана, заявив, что они вправе самостоятельно управлять своими делами. Следовательно, провозглашение

¹ Ражабов Қ., Хайдаров М. Туркистон тарихи (1917–1924 йиллар). Тошкент: Университет, 2002. Б. 23.

² См. Приложение.

³ Темиров Ф. Пўлат Солиев. Тошкент: Abu Matbuot-Konsalt, 2011. Б. 7.

⁴ Мухторият садоси // Улуг Туркистон. 1917. 16 дек.; Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX века // Ислам в татарском мире: история и современность (Материалы международного симпозиума, Казань 29 апреля – 1 мая 1996 г.). Казань, 1997. С. 179.

Туркестанской автономии на съезде соответствует желаниям, как народа, так и центрального правительства. В последнее время многие малые народы объявляют свою автономию. Те национальности, которые составляют 75% населения на своей территории, считаются имеющими право на территориальную автономию. Никто не может отрицать, что мусульмане Туркестана, составляющие 95% населения, тоже обладают правом на автономию»¹.

10 декабря 1917 года в Ташкенте состоялось собрание татарского общества «Иттифак». На нем был заслушан доклад Кабира Бакирова, участника IV внеочередного съезда мусульман региона, состоявшегося в Коканде 26–28 ноября. Затем выступили члены общества, выразив радость по поводу провозглашения Туркестанской автономии. Члены общества «Иттифак» поздравили правительство Автономии и заявили о готовности оказать ей максимальную материальную и моральную поддержку. Было решено участвовать в демонстрации в честь Автономии 13 декабря с использованием специального государственного флага. Участники встречи также посчитали важным привлечь к демонстрации мусульманских солдат и учащихся школ. Ответственность за привлечение солдат возложили на имама Хабибрахмана Файзина (Файзи) и Алисафара Сутушова. Далее Кабир Бакиров, представлявший Центральное бюро татар на IV чрезвычайном съезде мусульман в Коканде, обсудил решения, принятые представителями татарских общин Туркестана на этом съезде².

Временное правительство Автономии объявило 13 декабря «днем сбора денег в национальный фонд Туркестанской автономии»³. В связи с этим татары активно работали над его сохранением и укреплением.

¹ Раджапов Э., Раджапова Г. Миллий матбуот саҳифаларида Туркистон мухториятининг ёритилиши // Миллий матбуотимизнинг икки дурдонаси. Тошкент: Mumtoz SoʻZ, 2015. Б. 97.

² «Иттифок» жамиятининг умумий живилиши // Улуғ Туркистон. 1917. 13 дек.

³ Аъзамхўжаев С. Туркистон Мухторияти. Тошкент: Маънавият, 2000. Б. 143.

К призыву активно присоединились члены татарской общины Коканда. От татар в Коканде было собрано и направлено в Центральный татарский совет 2425 сум. В частности, братья Гозины – 500 сумов, Садык Тозиев, Мухаммад Гирей Юздинаков, Шариф Кошоев и Нигматулла Мифтохиддинов – 300 сумов, Латиф и Мухаммад Бурнашевы – 200 сумов, Хамза Кошоев и Али Рахмонкулов – 100 сумов, Абдулла Мухаммаджанов, Садик Халилов, Хасан Крымов, Хафиз Мухаммади и Карим Абубакиров собрали по 25 сумов. Средства собирались также татарскими обществами в других регионах и немедленно направлялись в пользу Автономии¹.

30 декабря 1917 года прошло заседание правления «Джамяти исламия», на котором представители кокандских татар приняли несколько важных решений:

1. Школы при мечетях и медресе передать под управление «Джамяти исламия».

2. Разработать смету расходов для школы и обратиться в городскую думу за финансированием.

3. Назначить В. Вахидова представителем общества в Продовольственном комитете, И. Тухватуллина – в Родительском комитете, а А. Исомиддинова – в Союзе учителей.

4. Выделить 100 рублей из средств общества на закупку книг и газет для школьной библиотеки.

5. Заседания правления «Джамяти исламия» проводить еженедельно по пятницам².

Татарская интеллигенция региона активно занималась вопросами участия в управлении Туркестанской автономией, которая имела собственные вооруженные силы. Так, в период с декабря 1917 по январь 1918 года в газете «Улуг Туркестан» вышла серия статей татарского деятеля Мухтара Бакира, посвященных роли военной составляющей в структуре власти Туркестана и основным задачам формирования национальной армии и создания военных структур. В одной из публикаций, озаглавленной «Туркестанская автономия и туркестанцы»,

¹ Хўканд тоторларининг ҳимматлари // Улуғ Туркистон. 1917. 24 дек.

² Хўканд тоторларининг жамятида // Улуғ Туркистон. 1918. 11 янв.

он отметил: «Провозгласить автономию и обозначить ее цели несложно. Однако их практическая реализация требует значительного опыта, глубоких знаний и полной самоотдачи. После объявления Автономии перед туркестанцами стоят важные и ответственные задачи, которые одновременно велики и трудны. Одной из ключевых среди них является создание военных судов и организация работы правоохранительных органов»¹.

Среди тех, кто сыграл важную роль в системе управления Туркестанской автономией, татарский интеллигент, полковник Махди Чанышев². Заняв ряд постов в бурные и трагические дни Коканда, старался максимально уберечь население от этого обнищания, и в то же время пытался защитить идеи Туркестанской автономии. Например, когда М. Чокаев подал в отставку с поста премьер-министра Туркестанской автономии, его место было поручено занять Махди Чанышеву. Одновременно с февраля 1918 года он начал работать в должности председателя Военного совета Туркестанской автономии. Кроме того, полковник Махди Чанышев, как министр военных дел Туркестанской автономии и командующий мусульманскими силами, настоятельно потребовал от советских войск сдать оружие красноармейцам и сдаться в плен. В то же время он был за то, чтобы продолжать проявлять твердость в Туркестанской автономии и не сдаваться красноармейцам³.

Кроме своих официальных обязанностей, М. Чанышев также возглавлял милицию и командовал мусульманской армией, обеспечивая порядок в Коканде во время вспыхнув-

¹ *Раджапов Э.* Туркистон Мухториятида миллий қўшин тарихи // «Ўзбек миллий давлатчилиги тарихида Туркистон Мухториятининг ўрни ва роли» мавзуйдаги Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 2017 йил. 12 октябрь. Тошкент: Тошшкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2017. Б. 168.

² См. Приложение.

³ *Шкаруна М.К.* Конец «Кокандской автономии» // За Советский Туркестан. Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1963. С. 92–95.

ших беспорядков. Он проявлял мужество в сражениях против большевиков ¹.

Кабир Бакир, оценивая противников Туркестанской автономии, он заявил следующее: «Те, кто на протяжении восьми месяцев говорили об автономии Туркестана, но теперь выступают против нее или мешают ее развитию, своими действиями и словами наносят удар топором по всем религиозным убеждениям и верованиям мусульман. Мусульмане в этот день провозглашают автономию, ничьих прав они не ущемляют <...>. Русским, евреям, армянам и всем другим народам, жившим в Туркестане, будет отдано должное. Они будут жить как равноправные члены Туркестанской автономии»².

Репрессии в Туркестанской автономной области было, по сути, незаконной акцией, организованной большевиками против национального правительства, и ситуация в феврале 1918 года показывала, что баланс сил склоняется в пользу большевиков. В это время из Ташкента прибыли 11 пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей во главе с туркестанским военным комиссаром Е.Л. Перфильевым; 19 февраля Туркестанское автономное правительство было разгромлено, а город Коканд в течение трех дней подвергался грабежам и пожарам.

¹ Мингнарлов А.Т. Туркистонда миллий озодлик масалалари давр миллий матбуотида (1917 йил февраль – 1918 йил ўрталари): тарих фан. номз. дис. Тошкент, 2000. Б. 45; Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти ҳукумати вазириларининг фаолияти ва тақдири // «Ўзбек миллий давлатчилиги тарихида Туркистон Мухториятининг ўрни ва роли» мавзуидаги Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 2017 йил. 12 октябрь. Тошкент: Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2017. Б. 62; Ражапов Э. Туркистон Мухториятида миллий қўшин тарихи // «Ўзбек миллий давлатчилиги тарихида Туркистон Мухториятининг ўрни ва роли» мавзуидаги Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 2017 йил. 12 октябрь. Тошкент: Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2017. Б. 167–168.

² Ўзбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент: Шарк, 2000. Б. 54–55; Ҳамаев Н. Ўзбекистонда истиқлол учун қуроли кураш ва даврий матбуот (1918–1934 йиллар). Фаргона, 2021. Б. 42, 44.

По документам, за эти дни в Коканде погибли 10 000 человек ¹. О том, что Туркестанская автономия была разгромлена частями Красной Армии и армянскими наемниками, а также о страшной резне и грабежах в городе Коканде, было ясно изложено в февральских и мартовских номерах «Улуг Туркестан» в виде серии статей под названием «Трагедии Коканда». Например, процесс разрушения Туркестанской автономии описывается так: Через 11 дней отчаянного сопротивления бойцы Туркестанской автономии покинули город. Как русская, так и мусульманская части Коканда (Новый и Старый город соответственно. – *Авт.*) оказались серьезно повреждены, словно после урагана. Мощные орудия, использованные большевиками, нанесли серьезный ущерб мусульманскому кварталу <...>. В итоге мусульмане объявили священную войну (газават). Поняв неизбежность поражения, командир большевистских сил Перфильев отвел свои войска из Коканда <...>².

Заслуживает внимания и письмо владельца кокандского книжного магазина «Саодат» Абдуллы Айнуллина, опубликованное в газете «Улуг Туркестан». В нем он, в частности, сообщает: «Коканд был полностью уничтожен огнем, и от книжных магазинов этого района сохранились лишь названия “Гайрат”, “Саодат”, “Бирлик” и “Марифат”. Поэтому нет необходимости присылать газеты. Здесь уже не осталось ни книжных лавок, ни читателей, ни продавцов газет»³. Эти строки позволяют понять, какая судьба постигла жителей Коканда и сам город под властью большевиков.

Татарская интеллигенция, поддерживающая Туркестанскую автономию, обратилась к народу с заявлением о текущей военно-политической обстановке. Так, председатель Туркестанского совета рабочих, крестьян и солдат-мусульман Губайдуллин обратился к жителям городов Андижан, Ош, Асака, Наманган, Ходжент, Самарканд, Чорджоу, Ашхабад и Ташкент с призывом ко всем военным мусульманам собраться в Скобелеве. Он

¹ *Аъзамхўжаев С.* Туркистон Мухторияти. Тошкент: Маънавият. 2000. Б. 148–149.

² Туркистон Мухториятининг фожеаси // Улуг Туркистон. 1918. 26 февр.

³ Хўканддан мактуб // Улуг Туркистон. 1918. 6 март.

объяснил, что вынужден был приехать туда из-за разрушений дорог, почтовой службы, телеграфной связи и коммуникаций в результате событий в Коканде. Губайдуллин также подчеркнул, что братоубийственная война ведет к голоду и страданиям населения, поэтому Краевой Совет призывает местные военные и мусульманские организации принять меры для стабилизации обстановки. Для достижения этих целей он предложил организовать митинги, направить представителей в сельские районы и наладить сотрудничество с демократическими организациями других национальностей¹.

После подавления Туркестанской автономии большевики начали репрессии против членов ее правительства. Полковник Махди Чанышев, председатель Военного совета автономного правительства, был схвачен и вскоре расстрелян в городе Скобелеве². Заместитель премьер-министра И. Шагиахмедов оказался в плену у красноармейцев, поскольку находился в то время в Коканде³. В ходе этих событий большевики также арестовали влиятельного местного купца Абдуллу Газина⁴. Примерно 14 вагонов людей, связанных с Туркестанской автономией, включая ее сторонников и госслужащих, были задержаны. Среди них оказались не только узбеки, но и представители других народов – татары, русские и кашгарцы⁵.

28 апреля 1918 года на совещании с участием московского комиссара-мусульманина было принято решение о роспуске общества «Иттифак» ташкентских татар, так как оно не соответствовало интересам советской власти. Вместо него был ор-

¹ Государственный архив Ферганской области (ГАФО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 64. Л. 73; История Туркестанской Автономии в архивных документах (По материалам Ферганского областного государственного архива). Фергана: Classic, 2022. 64 с.

² Махди Чанышев // Улуғ Туркистон. 1918. 21 март.

³ *Ражабов Қ. Жадидлар – истиклолчилик ҳаракатининг гоҳий раҳнамолари* // Ўзбекистон тарихи: янги нигоҳ. Жадидлар ҳаракатидан миллий мустақилликка қадар. Тошкент: Ёлдинур, 1998. Б. 12.

⁴ Абдулла Ғозин // Улуғ Туркистон. 1918. 21 март.

⁵ Хамаев Н. Ўзбекистонда истиклол учун қуролли кураш ва даврий матбуот (1918–1934 йй.). Фарғона, 2021. Б. 48.

ганизован «Татарский социалистический рабочий комитет»¹. Во время этого собрания кто-то сообщил главе Ташкента ложную информацию о том, что члены «Иттифак» проводят тайное собрание и планируют противодействовать предстоящему провозглашению пролетарской автономии в Туркестане. В ответ на эти сведения на митинг ворвались двадцать казаков, которые арестовали 15 человек и поместили их под стражу в тюрьме Тупрак-Кургана. Новость об этих событиях быстро достигла мусульманских комиссаров, присутствовавших на собрании большевиков в «доме Хуррият». Позднее заключенные были освобождены благодаря вмешательству и поручительствам комиссара Арифа Клевлеева².

Большевики декларировали одно, но действовали совершенно иначе, что наглядно продемонстрировал разгон Туркестанской автономии. Уже 20 ноября 1917 года революционные лидеры – Ленин и Сталин, обратились³ «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В декларации, адресованной мусульманам Туркестана, Поволжья, Крыма, Сибири и Кавказа говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это»⁴.

Однако на практике советское правительство выступало против любых антиидей и национального самоопределения: 1 июня 1918 года Заки Валиди Тоган отреагировал на разгон большевиками Туркестанской автономной области, заявив: «Так разгромили они мусульманское правительство Туркестана, некоторых членов которого арестовали, некоторых расстреляли, сторонников автономии заключили под арест <...>

¹ Мухтарам тотор қардошлар // Улуғ Туркистон. 1918. 30 апр.

² «Иттифок» аъзоларина тақуф // Улуғ Туркистон. 1918. 30 апр.

³ «Обращение Совета Народных Комиссаров». (Прим. ред.)

⁴ Ленин В.И. Ўрта Осиё ва Қозоғистон тўғрисида. Тошкент: Ўзбекистон, 1984. Б. 493.

тысячи сослали в холодную Сибирь, где их постигла смерть на морозе»¹.

Исследование работы членов правительства Туркестанской автономии выявило недостатки управленческих навыков. В Туркестане отсутствовали опытные чиновники и квалифицированные местные кадры. Поэтому руководство Временного правительства, обладавшего ограниченными ресурсами и военной мощью, взяли на себя неопытные люди. Так как местное население не было призвано на военную службу, единственными мусульманскими солдатами, которыми располагало правительство, были татарские и башкирские подразделения в этом районе².

Поддержка татарами борьбы за Туркестанскую автономию и их участие в работе национального правительства свидетельствуют о сотрудничестве и солидарности среди тюркомусульманских народов региона. Их активное участие в этой борьбе демонстрирует готовность тюрков объединяться ради достижения независимости и свободы. Изначально движение носило культурное и просветительское направление, однако после Февральской революции 1917 года оно приобрело политическую окраску. Татарская интеллигенция встала рядом с туркестанскими собратьями в сложные времена, стремясь создать единое независимое государство, что подтверждает решимость тюркских народов сражаться за свободу Туркестана. Важно также подчеркнуть, что многие татарские интеллектуалы (например, Ю. Ибрагимов, А. Клевлеев, С. Абдусаттаров, Ю. Алиев и другие) способствовали укреплению советской власти в Туркестане, действуя под прикрытием большевиков.

Большевики ликвидировали Туркестанскую автономию и приступили к созданию новой автономии на территории региона, основываясь на модели советской власти. Провозглашение Туркестанской автономии заставило советское руководство

¹ *Ахмет Заки Валиди Тоган*. Не сочтите за пророчество. Уфа: Китап, 1998. С. 108–109.

² *Adib Xolid*. O'zbekiston tavalludi: ilk SSSR davrida millat, imperiya va inqilob. Toshkent: Akademnashr, 2022. B. 78.

опасаться, что местные жители могут объединиться ради достижения национальной государственности и защиты интересов всех народов, населяющих край, создав свое правительство на демократической основе. Эти шаги воспринимались как потенциальная угроза независимости Туркестана, поэтому большевики жестоко подавили автономию. В телеграмме, направленной И. Сталиным народному комиссару по делам национальностей РСФСР П.А. Кобозеву, отмечалось, что одной из главных задач советской власти является признание автономии, однако она должна базироваться на местных советах¹.

1.3. Участие татар в образовании и укреплении советской автономии в Туркестане

Революционные изменения, произошедшие в Туркестане в октябре 1917 года, отличались тем, что ключевую роль в них сыграли преимущественно русские рабочие и солдаты, тогда как представители местного населения на начальном этапе участия не принимали². Управление регионом также в полном масштабе перешло в их руки. В результате в Туркестане установилась военно-коммунистическая система, что затормозило процесс национального самоопределения. Практические шаги по созданию автономии с участием коренного населения так и не были предприняты. Включение мусульман в административную систему региона казалось нежелательным, учитывая неопределенность их отношения к рабочим, солдатам и крестьянским депутатам. Более того, считалось, что среди местного населения отсутствовали пролетарские классовые организации³.

До прихода к власти (в октябре 1917 года) большевики уже дали народу ряд обещаний: землю, соглашение о мире, право

¹ Рашидов О. Ўзбекистонда совет бошқаруви структурасидаги маҳаллий-лаштериш сиёсати (1917–1933 йй.). Тошкент: Наврўз, 2019. Б. 18.

² Ҳайдаров М.М. Ўзбекистонда давлат бошқарув тизимининг шаклланиши, босқичлари ва моҳияти (1917–1941 йй.): тарих фанлари докторлик (DSc) дис. автореф. Тошкент, 2018. Б. 16–17.

³ Ата Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. С. 161.

наций на самоопределение, восьмичасовой рабочий день, социальную защиту, образовательные реформы, участие в управлении страной и многое другое. В области общественной, политической и культурной жизни предстояло решить множество значимых задач.

После передачи власти Совету рабочих и солдатских депутатов вопрос о самоуправлении Туркестаном был обсужден на заседании ташкентского городского самоуправления 13 ноября 1917 года. Было принято несколько решений:

1. Мусульманское население Туркестана, составляющее 98% всех жителей региона, имеет право на национально-культурное самоопределение, основываясь на принципах свободы, равенства и братства, провозглашенных российской революцией.

2. Самоопределение мусульман должно происходить в соответствии с нормами Корана и законами шариата. Поэтому мусульмане не должны вступать в политические партии России и участвовать в партийных конфликтах за права, завоеванные революцией. На данном этапе им следует сосредоточиться на общих государственных интересах России, признавать действующую власть и поддерживать народные организации для подготовки края к Учредительному собранию.

3. При установлении своих прав мусульмане Туркестанского края должны получать поддержку от тех мусульман, кто понимает местные условия и образ жизни, а также от представителей других религий, близких к народной массе и различных политических организаций.

4. Существующая практика управления регионом со стороны узкой группы военных, рабочих и крестьянских организаций, игнорирующих интересы местных жителей, противоречит демократическим принципам. Такое управление не способствует правильному устройству жизни мусульманских народов и не ведет их к самоопределению.

5. Для управления населением Ташкента должна быть создана Туркестанская правительственная комиссия, состоящая из 12 членов: трех представителей от съезда рабочих, солдатских и крестьянских организаций; трех представителей от городского совета самоуправления; шести представителей от

мусульманских организаций края. Этот комитет должен немедленно взять власть в свои руки и представить предложение российскому правительству о создании Туркестанской правительственной комиссии, утвердив ее состав и введя особый вид управления краем до созыва Учредительного собрания.

6. Также решено создать Туркестанский краевой совет из 24 человек: шесть представителей от рабочих и солдатских организаций; шесть представителей от городских органов самоуправления; двенадцать представителей от мусульманских организаций. Туркестанскому правительственному комитету предстоит отчитываться перед этим краевым советом¹.

Решениям, принятым ранее, так и не удалось воплотиться в жизнь. На III заседании Советов Туркестанского края в ноябре 1917 года большевики заявили, что «в данный момент невозможно привлечь мусульман к руководству революционными органами края». Отмечалась некоторая неопределенность в отношении местного населения к новой власти.

Такой подход свидетельствовал о неуважении большевиков к мусульманам. Однако в системе управления постепенно начали привлекать местное население, хотя этот процесс шел медленно. Так, с 1918 года в совете Сырдарьинской области работали представители местного населения, среди которых был Х. Рахматуллин, занимавший пост председателя Ташкентского уездного исполнительного комитета в 1918 году, а затем Абдуллин, ставший председателем ревкома Сырдарьинской области с мая 1920 года. Оба они принадлежали к татарской нации².

К 16 июня 1920 года во главе ревкомов разных областей находились следующие лица: Бирюшев – председатель ревкома Закаспийского района, Гиов – председатель ревкома Ферганской области и его заместитель Таиров, Юсупов – председатель ревкома Семиреченской области, Файзуллин – пред-

¹ НА Уз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 и об.; *Эшов Б.* Ўзбекистонда давлат ва бошқарув тарихи. Тошкент: Янги аср авлоди, 2012. Б. 463.

² *Прилуцкий Е.А.* Вовлечение трудящихся местных национальностей в Советы ТАССР в 1918–1920 годах (На примере Сырдарьинский области) // *Общественные науки Узбекистана.* 1989. № 4. С. 46–47, 49.

седатель ревкома Самаркандской области. Все они также были татарами¹.

При создании государственного устройства в форме новой советской автономии в Туркестане и укреплении местной советской власти Центр решил задействовать татар в удаленных регионах, особенно в Туркестане, поскольку они знали язык, религию и культуру народов этого края. Кроме того, татары, назначаемые на должности в системе управления Туркестана, должны были не только владеть языком, знать религию, менталитет и культуру местного населения, но и уметь оперативно разбираться в общественно-политической ситуации региона и исполнять директивы и решения Центра.

Конечно, татары, привлеченные к работе в административной системе Туркестана, должны были, помимо обладания вышеперечисленными компетенциями, по возможности быть членами РКП(б), активно работать над укреплением советской власти на Востоке. В первые годы советской власти Ариф Клевлеев и Юсуф Ибрагимов² были избраны именно потому, что обладали всеми этими качествами – они могли эффективно представлять интересы Центра, проявляли бдительность в военно-политических вопросах и умели следовать указаниям Центра и инструкциям большевиков в восточных условиях.

Стоит подчеркнуть, что для Арифа Клевлеева, командированного в Туркестан Центром, условия в этом регионе не были чуждыми. Он был знаком с общественно-политической и военной обстановкой в крае. А.Ш. Клевлеев встретил Февральскую революцию 1917 года в Ходженте, где он стал членом Военного мусульманского комитета Туркестана и занимался защитой солдат-мусульман. Осенью 1917 года общественно-политическая и военно-экономическая ситуация в Туркестане усложнилась и стала весьма напряженной, разворачивая борьбу за власть между большевиками и Временным правительством. В этих условиях мусульманская организация края, следуя решениям Всероссийского и военного съездов, объявила о начале формирования отдельных мусульманских воинских подразделений.

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 160 и об., Л. 161.

² См. Приложение.

С 18 по 26 октября 1917 года в Ташкенте состоялось собрание военных мусульман края, где присутствовал Ариф Клевлеев. На съезде была осуждена попытка большевиков захватить власть, выражена поддержка Временному правительству и негативное отношение к любым стихийным акциям протеста, угрожающим стабильности в регионе. Участники съезда поддержали инициативу создания мусульманских рот и батальонов. Также было решено сформировать Ташкентский центральный совет из девяти человек во главе с Арифом Клевлеевым. Однако уже с 1 ноября власть в Туркестане оказалась в руках большевиков. Новое правительство отвергло идеи национального самоопределения и автономии для мусульманского населения Туркестана, а также принцип равенства между коренными жителями и русскоязычным населением в управлении регионом.

В результате этих событий в конце 1917 года прогрессисты преимущественно мусульманского Туркестана создали Туркестанскую автономию. А.Ш. Клевлеев, возглавлявший Военный Совет Туркестанского края, отправил 26 декабря 1917 года в Петроград телеграмму в поддержку IV чрезвычайного съезда мусульман Коканда, который объявил о создании Туркестанской автономии. Он оценил создание национального правительства местными народами как важный шаг в развитии государственности Туркестана и выразил свою поддержку этому процессу. Также в ней содержалось обращение к руководству Российской Демократической Федеративной Республики (РДФР) с просьбой передать управление краем от Совета комиссаров в Ташкенте правительству Туркестанской автономии. В ней говорилось, что хотя русские и европейцы составляли всего 2% населения региона, но в Народном совете их доля достигала 33%. В целом, А.Ш. Клевлеев просил предотвратить возможные конфликты и разрушение Туркестана¹.

¹ Мингнарлов А. Туркистон Мухторияти ва унинг қисмати Туркистон Миллий матбуоти саҳифаларида // «Ўзбек миллий давлатчилиги тарихида Туркистон Мухториятининг ўрни ва роли» мавзуидаги Республика илмий-амалий анжумани материаллари. 2017 йил, 12 октябрь. Тошкент: Тошкент ислом университети нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2017. Б. 139.

Хорошо ориентируясь в жизни и политике региона, а также обладая хорошими знаниями в военной сфере, А.Ш. Клевлеев активно содействовал процессу становления туркестанской государственности. Затем Военный Совет организовал съезд мусульман, на котором были рассмотрены и утверждены ключевые предложения. События разворачивались настолько быстро, что контролировать их ход и оперативно принимать решения становилось все труднее. В конце 1917 года А.Ш. Клевлеев прибыл в Казань для участия во Втором всероссийском военном съезде мусульман, где он продолжил работу уже в январе 1918 года¹.

Приведенная информация показывает, что А.Ш. Клевлеев имел значительный опыт работы в Туркестане. Военно-политические процессы в этом регионе были знакомы и Юсуфу Ибрагимову. Исходя из этого, в 1918 году Ю.И. Ибрагимов был направлен в Туркестан вместе с А.Ш. Клевлеевым². Данные свидетельствуют о том, что Центр мог задействовать А.Ш. Клевлеева и Ю.И. Ибрагимова для построения «социалистического государства» в рамках советской автономии в Туркестане, после чего они должны были вернуться в Москву. Однако развитие революционных событий заставило Ю.И. Ибрагимова остаться в Туркестане. Так, 25 июля 1918 года, являясь членом военной секции края, Ю.И. Ибрагимов обратился в Туркестанский ЦИК, отметив, что был мобилизован из Москвы, оставив свою семью там. В своем заявлении он отметил, что думал вскоре вернуться в Москву, но, был избран членом ЦИК Туркестана, что не может привезти свою семью в Ташкент в связи с тем, что, железнодорожное сообщение было прервано (имеется в виду «Оренбургская пробка». – *Авт.*). По последним данным, его жена одна, заболела, осталась без средств к существованию, в связи с чем он попросил разрешения съездить в Москву. На это заявление был дан ответ что, «в настоящее время нет возможности отправить

¹ Шигабдинов Р.Н. «Исламский социализм» в Туркестане: борьба идей и политика // Востокведческие чтения о памяти Н.П. Остроумова. Ташкент, 2012. С. 184–185.

² Шарафутдинов Д.Р. Комбриг Юсуф Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 6, 25.

[в Москву]... предлагается отправить, когда будет восстановлено [железнодорожное] сообщение»¹.

Ю.И. Ибрагимов, как уже отмечалось выше, ранее работал сотрудником Туркестанского ЦИК и Туркестанского военно-политического штаба. В 1919 году его вызвали в Москву, и он стал членом Мусульманской военной коллегии при Наркомате по делам национальностей. Затем, как человек, хорошо знающий военно-политическую ситуацию в Туркестане был направлен в край командиром 1-й Приволжской Отдельной Татарской стрелковой бригады². Сначала в Туркестане, а затем в Бухаре он принял участие в укреплении государственности по модели советской власти³. Позже он был одним из руководителей Самаркандского областного комитета партии, а в 1918 году – заместителем председателя Туркестанского ЦИК⁴.

Ю.И. Ибрагимов вспоминал, что был специально направлен в Туркестан вместе с А.Ш. Клевлеевым, главной их задачей было создание основ нового строя в крае и укрепление Советской власти и «...регулярное информирование ЦК РКП(б) и Советскому правительству о положении в Туркестане и сотрудничество в создании Туркестанской Советской Республики»⁵.

Было признано целесообразным использовать А.Ш. Клевлеева и Ю.И. Ибрагимова для формирования государственных институтов в виде советской автономии в Туркестане и усиления большевистской власти на местах. Известно, что Центральный

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 2. Л. 95.

² Деятельность Татарской бригады в Туркестане будет освещена далее.

³ Для получения более подробной информации см.: За Советский Туркестан. Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1963. С. 533; *Рафиков М.А.* Строительство и деятельность партийных организаций в войсках Восточного и Туркестанского фронтов в 1918–1920 гг. Казань: КВКИУ, 1969. С. 45; *Чанышев Я.Д.* Вспоминания былые походы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. С. 200.

⁴ За Советский Туркестан. Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. С. 540; *Minnullin Dz.S.* Socio-Political Movement of Tatars in Central Asia in the early 20th century (ингилиз ва татар тилларида) // TATARICA (Kazan). 2017. № 2. Р. 103, 108.

⁵ *Ибрагимов Ю.* Боевые действия Татарской бригады // Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Ташкент: Госиздат, Уз ССР, 1957. С. 237.

татаро-башкирский комиссариат (ЦТБК) принимал активное участие в укреплении советской власти в Туркестане, проведении «революционной пропаганды» среди местного населения, реализации задач, поставленных Центром в системе местного управления. Центр «эффективно» использовал этот административный орган в работе по укреплению советской власти в Туркестане и налаживанию системы государственного управления. Опыт построения государственности в форме советской автономии, осуществляемый Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР, берет начало от принятия татарами и башкирами «Устава Татаро-Башкирской Советской Республики» 22 марта 1918 года. Этот документ стал основой для дальнейшего развития национально-государственного строительства на местах под руководством НКДН РСФСР.

«Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике» так и не было воплощено в жизнь из-за начавшейся гражданской войны и военных действий в Поволжье и на Приуралье. Тем не менее, «Устав Татаро-Башкирской Советской Республики» был передан Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР в Ташкент для апробации в условиях Туркестана. Впоследствии Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов запросил у НКДН РСФСР соответствующие инструкции и направил своих представителей в регион¹. В ответ на этот запрос Центр мобилизовал в административную систему края несколько сотен татар, приверженцев распространения революционных идей на Восток. Руководили этими мобилизованными силами Юсуф Ибрагимов, начальник военного отдела Центрального татаро-башкирского комиссариата, и Ариф Клевлеев, сотрудник НКДН. Их задачей было установить связь с местными советами в Туркестане и внедрить там административную систему советского типа.

Отправка Центром Ю.И. Ибрагимова и А.Ш. Клевлеева в Туркестан была связана с просьбой И.О. Тоболина от НКДН РСФСР от 25 марта 1918 года «...особым образом... прислать

¹ Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР 1917–1923 гг. Исторический очерк. М.: Наука, 1987. С. 45, 47–48.

одного комиссара по делам мусульман внутри страны, обеспечить его полномочиями и инструкциями»¹. Одной из причин такого запроса было то, что русские и русскоязычные не знали менталитета коренных народов, их языка, культуры, сложившейся веками традиционной системы управления. В то же время, особенно в первые годы советской власти, Центр опасался приближать представителей местных народов к управлению, не доверяя им, и считал необходимым предварительно их советизировать.

Русские и русскоязычные в Центре, еще не забывшие восстание 1916 года, сочли целесообразным использовать для выполнения этой задачи среди тюркских народов, ответственно относящихся к «революционным идеям», «непредательских» татарских лидеров. Потому что татары были в составе России несколько сотен лет, прошли «испытания временем», знали цели и задачи империи, были привлечены к службе в качестве солдат и офицеров, переводчиков в военных походах, и «познакомились» с русским бытом. Татары считали, что в связи с политическими изменениями необходимо эффективно использовать историческую возможность, которую дает новый режим для свободы и развития всех тюрко-мусульманских народов. Руководители советского правительства сочли целесообразным использовать это «желание» татар в своих интересах. В частности, сторонники нового строя, политические активисты в Поволжском и Приуральском регионах России, сочли целесообразным задействовать просвещенных, военно-политических активистов ЦТБК в строительстве государственности в форме национально-советской автономии в Туркестане, внедрить их общественно-политические, культурно-просветительские процессы края, увлеченных распространением «идеи революции» на Востоке².

¹ *Расулов А.* Туркистон ва Волгабўйи, Уралолди халклар и ўртасидаги муносабатлар (1917–1924 йиллар). Тошкент: Университет, 2005. Б. 53–54.

² Этот комиссариат был создан 17 января 1918 года. Первоначально он назывался Наркоматом внутренних мусульман России, но позже был преобразован в Центральный мусульманский и Татаро-башкирский центральный комиссариат. См.: *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 280.

Центральный татаро-башкирский комиссариат определил следующие ключевые задачи:

1. Сбор и подготовка информации для советских органов власти по вопросам, связанным с национальностями.

2. Информирование народов о всех мерах, принимаемых советской властью.

3. Содействие советской власти в решении культурных и образовательных задач народов.

4. Проведение пропаганды советской власти среди населения.

5. Разрешение конфликтов и устранение недоразумений между советской властью и народами¹.

Важно подчеркнуть, что несмотря на название «Татаро-башкирский», данный комиссариат на практике занимался не только вопросами татар и башкир, но и проблемами других тюрко-мусульманских народов России. Он активно участвовал в создании государственной системы в виде автономии на местах.

По этой причине было признано целесообразным использовать татар и башкир в государственных делах в Туркестане, Закавказье, Крыму и других регионах, в создании типографий, издании периодической печати, литературы, обеспечении кадрами для военно-политического управления. Еще в целях укрепления взаимоотношений при ЦТБК было создано отдельное Туркестанское отделение под руководством Сабирджана Юсупова². Например, в конце августа 1918 года Комиссариат принял решение направить в Ташкент делегацию для содействия организации национально-воинских частей в интересах советского правительства³.

В целом Центральный татаро-башкирский комиссариат ставя цель укрепить советскую власть в Туркестане, сформировать систему управления в соответствии с требованиями и

¹ Хайрутдинов Р.Г. На путях к Советской автономии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 22.

² Акрамов А. Полпред Республики. Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 152.

³ Хайрутдинов Р.Г. На путях к Советской автономии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 129–130.

пожеланиями большевиков, соответствующую стандартам государственного управления советской властью в крае, не допустить выхода военно-политической ситуации из-под контроля направил Юсуфа Ибрагимова – начальника военного отдела, и Арифа Клевлеева – сотрудника данного комиссариата в Туркестан, знающих язык, религию и культуру местных народов и симпатизирующих Центру.

7 апреля 1918 года НКДН России телеграфом сообщил Туркестанскому СНК о отправке их в Туркестан. Отмечая, что А.Ш. Клевлеев и Ю.И. Ибрагимов являются членами Татаробашкирского ЦК и, что А.Ш. Клевлеев является «бывшим автономистом» (имеется в виду, что он симпатизировал Туркестанской автономии. – *Авт.*) не удивляйтесь, говорилось в телеграмме, что мы посылаем его, несмотря «на его старые грехи», мы сочли нужным приобщить его к делу. В письме, отправленном И.В. Сталиным И.Ф. Колесову, председателю Туркестанского СНК, отмечалось что, в то время как советская власть укрепляется во всех частях России, не боится теней заблудших, осознавших кто друг, а, кто враг, если они признают свои ошибки, то не следует отталкивать их от груди, он посоветовал вербовать тех, кто хочет служить советской власти¹. В телеграмме, отправленной от имени СНК РСФСР 22 апреля 1918 года, на имя СНК Туркестана, Ю.И. Ибрагимову, А.Ш. Клевлееву указывалось, что «Совнарком будет поддерживать автономию вашего края на советских началах; мы приветствуем ваши начинания и глубоко уверены, что вы покроете весь край сетью Советов, а существующими уже Советами будете действовать в полном контакте. Просим вас <...> направить к нам, в Москву, для совместной разработки вопроса об определении отношения полномочного органа вашего края к Совету народных комиссаров». Кроме демонстрации доверия к представителям Центра, это решение также символизировало завершение определенного этапа взаимоотношений. В любом случае, полномочия ново-

¹ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 731.

образованной Туркестанской АССР должны были находиться под строгим контролем Центра¹.

Анализ содержания телеграммы, направленной СНК РСФСР, показывает, что А.Ш. Клевлееву и Ю.И. Ибрагимову были даны конкретные указания относительно порядка поддержки автономии в Туркестане и распределения полномочий. Им, как посланникам Центра, предстояло действовать строго в соответствии с полученными инструкциями. А.Ш. Клевлеев и Ю.И. Ибрагимов, следуя задаче Центра по созданию государства по образцу советской власти в Туркестане, укреплению советской власти на местах и проведению пропагандистской работы, стремились преодолеть разногласия мнений со стороны местной национальной интеллигенции относительно формы и структуры государства. Они занимались тем, чтобы указывать местным жителям правильный путь. Например, вскоре после образования Туркестанской АССР (30 апреля 1918 года), в ЦК края была направлена телеграмма, подписанная И. Сталиным и М. Вахитовым, руководителями российского НКНД и ЦТБК соответственно. В ней представителям мусульманского революционно-правительственного движения предлагалось направить делегацию для обсуждения вопросов создания Туркестанской советской республики, при этом делегация должна была привезти с собой необходимые материалы, касающиеся Туркестана².

Так, А.Ш. Клевлеев и Ю.И. Ибрагимов, направленные из Центра в Туркестан, приступили к формированию в регионе советской автономии в соответствии с волей Центра и задачами, поставленными большевистским режимом. Для достижения этих целей они начали активную пропаганду и агитацию среди местного населения. На V заседании Туркестанских краевых Советов Ю.И. Ибрагимов и А.Ш. Клевлеев были избраны членами Туркестанского ЦИК. Кроме того, И. Габитов, представитель

¹ Ленин В.И. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1982. С. 289.

² Хайрутдинов Р.Г. На путях к советской автономии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 22.

татарской национальности, занял должность народного комиссара внутренних дел и также включился в работу административной системы края¹.

В целях укрепления сложившейся советской автономии, по областям, уездам, городам края были направлены члены Туркестанского ЦИК, и им были поставлены задачи по изучению общественно-политической и экономической ситуации в регионе. Целью поездки было укрепление власти большевиков на местах, ознакомление местных кадров, работающих в системе управления, с «новой социалистической идеей», разъяснение целей и задач, поставленных советским правительством, а также проведение пропагандистских работ среди них. А.Ш. Клевлев, член Туркестанского ЦИК и одновременно НКНД РСФСР, использовал уникальный пропагандистский метод для разъяснения сущности государственности в рамках статуса советской автономии, установленного в Туркестане, в «народном ключе», и привить местному населению дух доброй воли к советской власти. Например, 9 мая 1918 года на собрании в медресе Шердор в Самарканде, где присутствовало около 200 слушателей, а затем 10 мая на митинге в том же медресе, где собралось около пяти тысяч мусульман-трудящихся, А.Ш. Клевлев выступал с речами. Он утверждал, что предлагаемое советской властью «социалистическое общество» не противоречит исламской вере, а наоборот, соответствует принципам равенства и справедливости. Собрания и митинги проходили под председательством самого А.Ш. Клевлева, который стремился заручиться поддержкой участников к новой Туркестанской автономии².

Во время поездки в Самарканд А.Ш. Клевлеву пришлось внимательно изучить недостатки местной системы управления и доложить об этом в Туркестанский ЦИК. Например, на своем заседании, состоявшемся 16 мая 1918 года, ЦИК Туркестана рассмотрел общественно-политическую ситуацию в Самаркандской области, проблемы в системе управления, конфликтные

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 1. Л. 117; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 136.

² Фавкулодла комиссар Ориф Клевлевнинг Туркистонда тузган комитетлари // Иштирокиюн. 1918. 14 июль.

ситуации¹. По итогам заседания было решено направить комиссию для всестороннего анализа обстановки в Самарканде. С 17 мая 1918 года под руководством члена Туркестанского ЦИК А.Ш. Клевлеева комиссия во главе со Сластушинским отправилась в поездку. В ходе командировки А.Ш. Клевлеев провел анализ общественно-политической, военно-экономической и административной ситуаций в Самаркандской области и выявил причины возникшего положения. 16 июня 1918 года он представил свой доклад на заседании Туркестанского ЦИК. Выступление А.Ш. Клевлеева на заседании чрезвычайной комиссии, которую он возглавлял, содержало результаты научных исследований общественно-политических условий в области.

По мнению А.Ш. Клевлеева, задачи, поставленные Самарканду советской властью, не были выполнены, чиновники в системе управления не занимались укреплением новой системы – социалистического общества. Наоборот, «члены областного Совета депутатов постоянно пьянствуют... руководители [совета] создали такие условия, что возникла необходимость распустить совет... и переизбрать его... только так стало возможным правильно организовать управление, не давая разрастаться контрреволюционным настроениям в Самарканде. Ряд абсурдных действий властей, солдат, рабочих и мусульманских пролетариев способствовал разобщению и вселял чувство недоверия к [советской] власти»². Председатель Совета депутатов Самаркандской области Т. Фролов, принимавший участие в этом заседании, подчеркнул правильность выводов А.Ш. Клевлеева и

¹ В некоторой литературе упоминается, что специальная комиссия во главе с А.Ш. Клевлевым учредила 15 мая 1918 года в Самарканде Совет мусульманских рабочих и крестьянских депутатов, в котором были созданы отделы по образованию, труду, земельно-водным вопросам, продовольствию, жилья, армии и юстиции. См.: *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 735–736; Однако комиссия, возглавляемая А.Ш. Клевлевым, была образована 16 мая 1918 г. и начала свою деятельность в Самарканде 17 мая 1918 г. См.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 10, 68; Оп. 2. Д. 2. Л. 28; Д. 5. Л. 234.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 10, 68; Оп. 2. Д. 28; Д. 5. Л. 234.

отметил, что причиной такого руководства действительно является пьянство¹.

18 июня 1918 года А.Ш. Клевлеев доложил о деятельности чрезвычайной комиссии, также созданной на заседании национальных секций Туркестанского ЦИК, об основных причинах упадка в практике руководства системой местного самоуправления в Самарканде. На заседании было сказано, что деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов Самарканда и его руководства не отвечает требованиям «нового социалистического общества». Акцентировал внимание на том, что «регулярно продолжаются массовые беспорядки и пьянство... [в данном случае] руководство, совет распускают и проводят новые выборы, предотвращая тем самым рост контрреволюции в Самарканде, который, способствует правильной организации власти»².

А.Ш. Клевлеев продолжал свои усилия по укреплению советской власти по всему краю, по формированию государственности на основе советской автономии в Туркестане в пределах предоставленных ему полномочий. 23 июня 1918 года он провел заседание в исполнительном комитете Старого города Ташкента. В ходе изучения он пришел к выводу, что исполком Старого города Ташкента, не соответствует требованиям советских властей. Было решено, что в его новый состав войдут только две политические партии: большевики и левые эсеры, а меньшевиков не будет. Подчеркивалось, что необходимо распустить старый состав и провести новые выборы, отвечающие «правилам» советской власти. А.Ш. Клевлеев и И. Обидовы назначены почетными председателями, Абдулла Авлони – председателем избирательного процесса³.

При формировании автономного государства по модели советской власти в Туркестане А.Ш. Клевлеев полагал важным учитывать особенности местного населения в пропагандистской деятельности, параллельно с решительными мерами по

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 68.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 176. Л. 30–31.

³ Эски шаҳар ижроия кўмитасини янгидан сайлови // Иштирокиюн. 1918. 30 июнь.

продвижению идей социалистической революции. В частности, он осознавал необходимость быть крайне осмотрительным при ведении пропаганды в интересах советской власти среди местного населения, проявляя уважение к их языку, религии, культуре и традициям.

По мнению А.Ш. Клевлеева, пропагандисты, говорящие на русском языке, не только не владели языком местного населения, но и плохо понимали их внутренний мир и религиозные убеждения. Учитывая эти обстоятельства, он выступил с докладом на 1-м съезде Туркестанской коммунистической партии, проходившем с 17 по 25 июня 1918 года, посвященном вопросу взаимодействия с мусульманскими рабочими региона. Основываясь на особенностях образа жизни местного населения и значительном влиянии мусульманского духовенства, он подчеркнул важность использования аятов и глав Корана при объяснении смыслов, целей и задач, поставленных советской властью.

Согласно резолюции съезда, в целях усиления симпатий народа к новому социалистическому обществу «хотя марксизм и религия не могут сосуществовать, учитывая местные условия, в некоторых случаях в методике выхода в массы необходимо поддержать предложение [А.Ш. Клевлеева]»¹.

Некоторые высказали критику по поводу заявления А.Ш. Клевлеева, представителя НКНД РСФСР, о том, что идеи, содержащиеся в Коране, не противоречат коммунистическим идеям. В ответ он гордо заявил: «Прежде всего, я мусульманин, затем татарин и лишь потом большевик»².

А. Ходжаев и даже И.О. Тоболин, председатель Туркестанского ЦИК, поддержали подход, связывающий социалистические идеи с исламом в системе управления Туркестаном. В первые годы советской власти предложение А.Ш. Клевлеева

¹ Резолюции и постановления съездов коммунистической партии Туркестана. 1918–1924 гг. Ташкент: Узбекистан, 1968. С. 13.

² Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 736–737. См.: Шигабдинов Р.Н. «Исламский социализм» в Туркестане: борьба идей и политика // Востокведческие чтения о памяти Н.П. Остроумова. Ташкент, 2012. С. 184–185.

получило широкое распространение, особенно среди городского и сельского населения Туркестана, для ведения пропаганды, основывающейся на принципах коммунистической идеи и утверждениях Корана, которые, как считалось, не противоречили друг другу¹.

На 1-м съезде Туркестанской коммунистической партии обсуждался метод А.Ш. Клевлеева по пропаганде коммунистических идей среди населения. Участники отметили, что для объяснения этих идей использовались аяты и примеры из Корана. Некоторые делегаты, учитывая особенности региона, предложили применять метод Клевлеева для усиления коммунистического движения среди местных рабочих. В результате такой пропаганды в партию вступили разные социальные группы, включая купцов, богатых людей, духовенство, а также сапожников, крестьян и рабочих. Использование метода Клевлеева помогло привлечь население к социалистическим идеям, создавая впечатление, что они не противоречат религиозным убеждениям местных жителей, а гармонично сочетаются с ними².

Очевидно, что метод А.Ш. Клевлеева, заключавшийся в использовании аятов из Корана для привлечения мусульманского населения Туркестана к «коммунистическому обществу» через пропаганду, принес положительные результаты. Можно утверждать, что А.Ш. Клевлеев использовал исламские верования для того, чтобы настроить мусульманское население на поддержку советской власти в Туркестане. Утверждения о том, что «организации, созданные им, состояли из религиозных сект, и эти организации служили очагами национализма», не соответствуют действительности. Организации, основанные Клевлеевым, являлись промежуточным звеном в развитии коммунистического движения среди местных рабочих³.

¹ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 737–738.

² Вахобов М. Ўзбек социалистик миллати. Тошкент: Ўзбекистон ССР Давлат нашриёти. Б. 277–278.

³ Там же. С. 280–281.

А.Ш. Клевлеев заявил, что его беспокоит то, что лица, участвующие в местной системе управления, не соблюдают никакой дисциплины и обходят правила перед населением, что такая ситуация подрывает доверие мусульманского населения Туркестана¹, которое «смотрело на советское правительство с надеждой». Например, на заседании Туркестанского ЦИК 11 июля 1918 года он обратил внимание на то, что ошибки и недостатки в системе управления в Самарканде имеют место и в других областях, и обратил внимание на необходимость организации местного самоуправления на основе «советских правил». На совещании он мобилизовал мусульман, входящих в Туркестанский ЦИК (тюркок-мусульман. – *Авт.*), в районы и уезды края, а также обратил внимание на необходимость изучения порядка установления советской власти в этих местах. А.Ш. Клевлеев просит соответствующих чиновников не бояться «изучения» мусульман, входящих в Туркестанский ЦИК, и отмечает, что «Они должны провести разъяснительную работу, чтобы русское население не было встревожено деятельностью мусульман»².

13 июля 1918 года А.Ш. Клевлеев стал членом сформированного в крае военно-революционного штаба Туркестана. Теперь он имел право изучать военно-политическую структуру края и высказывать свое мнение по этому поводу³.

Согласно анализу имеющихся исторических источников, по предложению А.Ш. Клевлеева мусульманские члены Туркестанского ЦИК выезжали в области и уезды и начинали знакомиться

¹ До начала XX века и даже в первые годы советской власти термин «мусульмане Туркестана» был принят в научных, политических, художественных и исторических источниках. Это понятие применялось не только к местному населению Туркестана, но и к татарам, башкирам, азербайджанцам и другим жителям Бухары, Хивы и России. Хотя слово «мусульманин» и используется по вероисповеданию людей, термины «мусульманское население», «мусульманский язык», «мусульманская одежда», «мусульманская часть города» использовались по отношению местного населения. См.: *Adib Xolid. O'zbekiston tavalludi: ilk SSSR davrida millat, imperiya va inqilob*. Toshkent: Akademnashr, 2022. B. 45.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 98.

³ *Климов С.* Военно-организаторская деятельность коммунистической партии в Средней Азии (1917–1924 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 41.

с местной общественно-политической, военно-экономической обстановкой. Среди причин такого изучения были несоблюдение дисциплины в системе управления советской власти, безразличие к недовольству и жалобам населения, местничество, отсутствие систематической деятельности, сложные и в то же время противоречивые процессы, начало борьбы за власть.

Известно, что в первые годы советской власти сложные, противоречивые процессы в системе управления породили борьбу за лидерство и власть. В системе управления Туркестанским ЦИК главную роль играли две политические силы: большевики и левые эсеры. На заседании Туркестанского ЦИК 13 августа 1918 года рассматривались вопросы, связанные с деятельностью Совета депутатов Ходжентского уезда, включая факты злоупотреблений. В ходе обсуждения было принято решение направить А.Ш. Клевлеева в Ходжент с целью ознакомления с обстановкой и оказания практической помощи в устранении выявленных недостатков. Там А.Ш. Клевлеев опирался на свой предыдущий опыт управленческой деятельности, приобретенный во время работы с Самаркандским областным Советом депутатов, где он занимал пост председателя чрезвычайной комиссии и выполнял задания, поставленные Центральным исполнительным комитетом края¹. 14 августа 1918 года за подписью председателя Туркестанского ЦИК Солькина члены ЦИК края Ю.И. Ибрагимов, Булабаев, Сластущинский и А.Ш. Клевлеев были мобилизованы в Перовский и Ходжендский уезды и получили задание изучить деятельность местного совета депутатов².

В сентябре 1918 года А.Ш. Клевлеев также был мобилизован в Ферганскую область для изучения деятельности местных советов. В ходе изучения 3 сентября 1918 года состоялось чрезвычайное заседание совета депутатов Ферганской области, на котором обсуждалась военно-политическая ситуация в области. На этом чрезвычайном совещании также принял участие А.Ш. Клевлеев и подчеркнул, что милиция еще не организована и что Наманганскому уезду необходимо срочно помочь в этом

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 179. Л. 1, 3 и об.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 5. Л. 168.

вопросе. «[Командиры] Красной армии в Скобелеве, красноармейцы получают деньги ни за что, ничего не делая», – раскрытиковал он красноармейцев за веселье и распитие алкоголя. Реагируя на критику А.Ш. Клевлеева в адрес Красной армии, член областного совета депутатов Аксентович заявил, что «пьянство – это повальная болезнь, не только в Красной армии, но и везде, начиная с Центра. Алкоголизм растет в Ташкенте, Самарканде и Фергане. Винить в этом только Фергану [неправильно], потому что пьянство... пришло из Центра»¹.

Как видно из приведенных выше примеров, А.Ш. Клевлеев своими действиями сумел действовать на местах в интересах местного населения, на основе «социалистического строя», в который он верил, осуществлять задачи и указания Центра в интересах местного населения и старался быть в авангарде буквальной классовой борьбы.

Подводя итог, можно отметить, что исторические данные свидетельствуют о том, что сначала Временное правительство, затем Туркестанская автономия, а позже и советское руководство привлекали татар к управлению Туркестаном в интересах Центра. Очевидно, что мобилизация таких фигур, как, например, Ю.И. Ибрагимов и А.Ш. Клевлеев, свободно владеющих языком, знакомых с религией и менталитетом туркестанского народа и одновременно лояльно относящихся к требованиям Центра, была нацелена на контроль системы управления советской властью в регионе. Основной задачей этого контроля являлось формирование государственности советской автономии в Туркестане и ее укрепление в соответствии с «социалистическими процедурами». На практике татары сыграли важную роль в создании государственности, отвечающей стандартам советской власти в Туркестане. Часть татар, интегрированных в административную структуру Туркестанской АССР, прошла через местные военные структуры в первые годы советской власти, тогда как другие прибыли в регион по специальному распоряжению Центра. Среди татар, переселившихся в Туркестан

¹ ГАФО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 44. Л. 22 и об.

в 1921–1923 годах из-за голода в Поволжье и Приуралье, многие нашли свое место в административной системе края¹.

Туркестанская АССР, образованная 30 апреля 1918 года, стала одним из первых государственных образований советской власти, объединяющим различные народы Средней Азии – узбеков, туркмен, таджиков, казахов, киргизов и каракалпаков. Несмотря на то, что официальная политика провозглашала целью укрепление дружбы и единства этих народов, многие видели в ней скрытые намерения навязывать интернационализм, что могло привести к утрате самобытных национальных и культурных особенностей².

Эти опасения впоследствии привели к росту национального самосознания и стремлению защитить свои традиции, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии этих республик.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1⁵. Д. 10. Л. 60–62; Д. 15. Л. 1, 9, 37–38.

² Саипова К.Д. История народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР (1918–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2011. С. 19.

II глава

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНОМ

2.1. Татары в военно-политической жизни Туркестана

Февральская революция 1917 года всколыхнула не только центральные губернии Российской империи, но и самые удаленные ее уголки, включая Туркестан. Митинги и демонстрации охватывали тысячи людей, которые горячо поддерживали свержение монархии и создание Временного правительства. Особенно активно проявляли себя представители мусульманских общин. Так, жители Коканда, Саратова, Оренбурга, Уфы, Бугуруслана и многих других городов и селений направили многочисленные телеграммы, в которых выражали свою радость по поводу падения самодержавия и заявляли о поддержке нового временного руководства страны. В одной из таких телеграмм, посланной из Коканда от лица «Татарского общества», адресованной Государственной Думе России, а также председателю Совета министров и представителю мусульманской фракции, в Тевкелеву, звучала искренняя благодарность за дарованные народу свободы. Авторы послания подчёркивали важность этих изменений для будущего страны и призывали к дальнейшему укреплению демократических начал.

«Горячо приветствуем Временное правительство, искренне надеемся, что начатая работа приведет к ожидаемым результатам», – говорилось в телеграмме¹.

Но в Туркестане царская система правления сохранилась, и А.Н. Куропаткин, генерал-губернатор края, продолжал занимать

¹ Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 168.

свой пост. Хотя 4 марта 1917 года Временное правительство объявило декрет о «обеспечении равных гражданских прав» всем народам России, в результате позиции, занятой Временным правительством, правящая система в Туркестане не позволила местному населению взять правление в свои руки¹.

Однако следует отметить, что в управлении Туркестаном основывались на приоритете опоры на консервативную и военную силу при продолжающемся недоверии к представителям коренного населения. Хотя Февральская революция (1917) была основой многих надежд туркестанцев, на практике, они так и не были осуществлены. Представители местной нации не были вовлечены в систему управления. В настоящий момент незнание языка, обычаев, религии и духовности коренного населения Туркестана стало одной из основных проблем новой системы государственного управления. На основании этого в мае 1917 года по инициативе туркестанских большевиков Совет рабочих и солдатских депутатов края обратился к соответствующим Советам в Казани, Оренбурге, Баку и других регионах с просьбой «прислать пропагандистов, знающих тюркский язык». Вскоре после этого туркестанские большевики втянули армию в политическую борьбу и превратили дислоцированные в крае 1-й и 2-й Сибирские запасные полки в свои пропагандистские центры. В Ташкенте было объявлено военное положение, были запрещены демонстрации, митинги, собрания и забастовки. По решению Временного правительства 24 сентября 1917 года в Ташкент с военным эшелоном прибыли главный комиссар генерал-майор П.А. Коровиченко и В. Иванов, назначенный Временным правительством комиссаром Туркестанского военного округа. В обращении, отправленном В. Ивановым воинам Туркестана, он говорил: «Потерять Туркестан – значит потерять не только сам Туркестан, но и жизненные соки, которыми пользуется вся огромная Россия. Мы не хотим потерять Туркестан <...>»².

¹ Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). Биринчи китоб. 1917–1939 йиллар. Тошкент: O'zbekiston, 2019. Б. 24.

² Там же. С. 38, 41, 49–50.

Сложившаяся военно-политическая ситуация позволила мусульманам России выполнить некоторые свои намеченные планы. В частности, Первый Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся в мае 1917 года, принял решение о создании отдельного мусульманского полка. В свою очередь, это решение было одобрено к конкретному осуществлению в июле 1917 года на Первом Всероссийском военном совете мусульман, состоявшемся в Казани. По решению данного съезда было решено немедленно начать формирование воинских частей из отдельных мусульман на основе их национальных символов и не препятствовать замене офицеров и солдат-немусульман мусульманами в национальных воинских частях Кавказа, Крыма и Закаспийском регионах. В результате стали формироваться национально-воинские отряды татар, башкир и других мусульман. Следует отметить, что до Февральской революции (1917) в армии Российской империи не могли служить представители около 40 национальностей. 15 января 1918 года СНК РСФСР приняла декрет о Рабоче-крестьянской армии. 22 апреля 1918 года ВЦИК РСФСР принял декрет «Об обязательном изучении военного искусства». Однако следует отметить, что регулярная Красная армия и воинская повинность первоначально были только для русских и европейцев, а до середины 1920-х годов были добровольными для народов Востока ¹.

Среди основных вопросов после Февральской революции 1917 года большое значение имел военный вопрос защиты, формирования и укрепления нового режима в условиях Туркестана. Можно сказать, что одним из уникальных аспектов этого периода был военный вопрос. Из-за самоуправства руководства края, отсутствия на практике системы власти и политической дезорганизации было принято решение о необходимости использования воинских частей для решения существующих проблем. В частности, этот вопрос, то есть вопрос о создании национальной военной структуры в Туркестане, был начат задолго до образования Туркестанского автономного правительства. В частности, воины-мусульмане собрались в здании русско-татарской школы

¹ Чеботорёва В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003. С. 296–297.

в Ташкенте в апреле 1917 года и сформировали свою первую военную организацию. Именно в 1917 году был образован Военный комитет мусульман Туркестана. Также в сентябре 1917 года на II съезде мусульман края обсуждался вопрос о создании сильной мусульманской армии в Туркестане, был учрежден «День мусульманского солдата» для солдат-мусульман в Ташкенте и его окрестностях и организован специальный праздник. Развитие событий свидетельствует о том, что 18–24 октября 1917 года состоялось собрание воинов-мусульман Туркестана, на котором было принято решение об исключении мусульманских рот из местных воинских формирований, о создании отдельного национального батальона и о создании Центрального Военного Совета в составе 12 человек в Ташкенте¹.

С учетом сложившейся военно-политической ситуации было признано целесообразным сформировать в регионе отдельные мусульманские воинские части на основании решения мусульманских организаций края, Всероссийского и Всеимамского съездов края. С середины октября 1917 года из 1-го и 2-го Сибирских полков Ташкентского гарнизона начали формироваться отдельные мусульманские роты. Мусульманскими организациями, выступающими против формирования отдельных национально-воинских частей, было сделано следующее заявление: «Мы не согласны с существованием воинских частей, совершенно оторванных от туркестанцев, не знающих местных условий и чуждых их менталитета» и такая ситуация была расценена как неуважение к народам края, их достоинству. Несмотря на возражения мусульман против создания национально-военных формирований, Сабирджан Юсупов выразил критику в адрес революционного комитета и Временного комитета Туркестанского управления на совещании военных мусульман региона, которое прошло с 18 по 26 октября 1917 года. Он подчеркнул важность формирования мусульманских рот и батальонов².

¹ Раджапов Э.Г. Туркистон минтақасида совет ҳокимиятининг ҳарбий кадрлар тайёрлаш сиёсати (1917–1924 йй.): тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. Тошкент, 2019. Б. 14.

² Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 58–59.

Октябрьская революция 1917 года и падение Временного правительства вдохнули новую энергию в туркестанских большевиков. В то же время мусульманские организации региона заявили о своей поддержке Временному правительству. 27 октября 1917 года мусульманский общественный деятель Ислам Шагиахметов выразил в газете «Туркестанские ведомости» свою реакцию о том, что «Мятеж большевиков в Туркестане обязательно потерпит неудачу, потому что население не допустит этого и, если это необходимо, нанесет сильный удар». Но развитие событий показывает, что, в отличие от Центра, в Туркестане началась борьба за власть между различными политическими партиями и организациями: большевиками, левыми эсерами, меньшевиками, интернационалистами, Ташкентским советом, Национальным советом рабочих и солдатских депутатов. В конечном итоге большевики стали доминировать в движении за консолидацию своей власти. Разногласия между джадидами, сторонниками «Шура-и Ислам» и «Шура-и Уламо», отсутствие координирующих сил в их усилиях были на руку большевикам. 11 ноября 1917 года газета «Улуг Туркестан», выходившая под редакцией татарского просветителя Кабира Бакира, воспользовалась благоприятным случаем и отметила, что дело по установлению автономии в крае не следует поручать в руки европейцев – пришельцев¹.

В то же время после объявления о создании Туркестанской автономии актуализировался и вопрос формирования национальных воинских частей. По этому поводу татарский интеллигент Мухтар Бакир сказал: «Чтобы спасти тюркскую землю, обязательно нужна сила. Эта сила – известное оружие, то есть военная сила. Временное правительство (имеется в виду Туркестанская автономия. – *Авт.*) должно вскоре сформировать «Национальную армию» и выдвинуть идею формирования полка автономии².

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 62, 67–68.

² Мингноров А. Туркестонда 1917–1918 йиллардаги миллий-сиёсий ташкилотлар (Миллий матбуот материаллари асосида). Тошкент: Маънавият, 2002. Б. 51–52.

Но анализ развития событий показывает, что, хотя создание воинских частей в составе национальных воинов из местного населения Туркестана было поставлено на «повестку дня», реализовать это на практике не удалось.

Но в Туркестане, несмотря на дальнейшие усилия, попытки и призывы мусульманских организаций против перехода власти к большевикам... не удалось сформировать национальные воинские части. Большевики, пришедшие к власти, считали укрепление советской власти в Туркестане и стабилизацию военно-политической обстановки в крае одной из важных задач, стоящих перед большевиками. Этот вопрос находился под вниманием Центрального Татаро-башкирского комиссариата (ЦТБК), и он был заслушан в докладе С. Юсупова на специальном совещании, состоявшемся 14 июля 1918 года. В его выступлении были освещены военно-политическая ситуация в крае, задачи по укреплению советской власти, существующие проблемы. Получив определенное понимание о ситуации в Туркестане, генеральное правление ЦТБК решило открыть Туркестанский филиал для «создания революционных организаций» в крае. С. Юсупов был назначен заведующим Туркестанского отдела ЦТБК. По данным Центрального Татаро-башкирского комиссариата, тяжелая военно-политическая обстановка в Туркестане, продолжающаяся вооруженная борьба за власть и, – тот факт, что большинство воинских частей в крае не знали языка, религии, обычаев, менталитета местного населения, а кроме того, незнание военных хитростей движения вооруженного сопротивления было одним из важных препятствий на пути установления советской власти. На основании вышеизложенного ЦТБК приняло решение направить в Ташкент специальную делегацию по вопросу формирования национально-воинских частей. В этом деле, в частности, при создании национально-воинских частей в Туркестане ЦТБК решил использовать татарских военных: командиров и политических работников. С этой целью 21 августа 1918 года главная коллегия ЦТБК обратилась в СНК РСФСР и сочла целесообразным направить в Туркестан чрезвычайную комиссию в следующем составе: Мустафа Субхи, Галимджан Аминов, Исмаил Рамиев, Махмут Нозми и др. В состав чрезвычайной делегации также вошли

Ю.И. Ибрагимов, заведовавший в то время военным ведомством в ЦТБК, и А.Ш. Клевлеев, сотрудник этого комиссариата. ЦТБК также поручил Ю. Ибрагимову и А.Ш. Клевлееву организовать автономию, «соответствующую требованиям» советской власти¹.

Таким образом, советское руководство осознало необходимость создания национальных военных формирований, особенно в Туркестане, для защиты «социалистического общества». Для усиления позиций советской власти в регионе центр значительно увеличил военную и политическую поддержку местных большевиков. Особое внимание уделялось укреплению советской власти в Туркестане, где изначально опирались на воинские части, сформированные в центральных губерниях России. При этом было решено задействовать татар, учитывая их языковую, культурную и религиозную близость к местному населению. Их военно-политическая деятельность предполагалось координировать с учетом особенностей региона, следуя указаниям центра.

Создание мусульманских подразделений Красной армии из числа татар и башкир сыграло важную роль в укреплении советской власти на местах. Эти подразделения могли быть мобилизованы на срочную службу. Так, 12 сентября 1918 года председатель Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК) М. Султан-Галиев обратился с письмом к Л.Д. Троцкому, председателю Военного совета Российской революции. В своем письме он акцентировал внимание на необходимости формирования мусульманских воинских частей в Красной армии для борьбы с контрреволюционерами. По составу этой структуры она должна быть в виде «отдельных батальонов, полков и даже дивизий». Он утверждал, что «организующейся мусульманской буржуазии должен быть противопоставлен бронированный кулак мусульманского пролетариата. По мере очищения Поволжья и Урала от белогвардейских банд... [с их помощью] будут использованы нами для борьбы с наймитами англо-французского капитализма в Туркестане, Закавказье»².

¹ Хайрутдинов Р.Г. На путях к советской автономии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 129–130.

² Султан-Галиев Мирсаид. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. С. 154.

М. Султан-Галиев подчеркивал, что создание мусульманских воинских частей на местах соответствует интересам советского правительства. Он обратился к Л.Д. Троцкому с просьбой объединить эти мусульманские части (преимущественно состоящие из татар и башкир) в самостоятельные подразделения: взводы, роты, батальоны и полки. Кроме того, Султан-Галиев просил Троцкого издать распоряжение о мобилизации местных мусульманских офицеров в Казань под контролем Центральной мусульманской военной коллегии для формирования отдельных мусульманских частей в составе Красной армии. Тем самым он стремился получить разрешение на создание татарских воинских соединений, действующих в интересах революции¹.

Военно-политическая ситуация в России и ее отдаленных регионах побудила большевиков принять «соответствующие меры в защиту революции». Для сохранения власти в центральных губерниях России, в отдалённых территориях, а также для укрепления советской власти большевикам пришлось создать армию, в отличие от армии царской России, которая была ориентирована в основном на защиту рабочих и крестьян и сосредоточилась на защите нового «социалистического общества». Исходя из этого, на основании декрета Совнаркома РСФСР от 15 января 1918 года началось создание Рабоче-крестьянской Красной армии. В то же время по решению Совнаркома Туркестана от 16 января 1918 г. было признано целесообразным создать в крае Рабоче-Крестьянскую Красную армию, состоящую из добровольцев².

22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», согласно которому на военную подготовку принудительно привлекались рабочие в возрасте от 18 до 40 лет. Согласно декрету, принятому ВЦИК от 29 мая 1918 года, «Рабочие и крестьяне должны служить в рядах Красной армии обязательно». Но декреты, принятые ВЦИК, могли быть применены в условиях Туркестана первоначально только

¹ Султан-Галиев Мирсаид. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. С. 154.

² Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент: Узбекистан, 1988. С. 12.

к русским и другим европейским рабочим и крестьянам. Тем не менее, действовавшие в Туркестане руководители подчеркивали целесообразность привлечения в ряды Красной армии представителей местных народов. Например, председатель Туркестанского ЦИК Тоболин на совещании, состоявшемся 11 июля 1918 года, подчеркивал, что защита советской власти в крае является важной задачей, и в связи с этим обращал внимание на необходимость сформировать Красную армию на местах. По мнению Тоболина, после провозглашения Туркестанской АССР ее главной опорой являлся мусульманский пролетариат, и именно они должны быть под защитой этой советской власти. В способе управления краем «пришло время привлечь мусульман к активной жизни, потому что «провозглашенная Автономия Туркестанская АССР сделала нас всех равными... [теперь] достаточно смотреть на мусульманский пролетариат как на младших братьев а, на нас, как на старших...». Тоболин подчеркивал, что провозглашая равенство, его осуществление надо видеть в справедливом распределении зерна, мануфактуры и т. д. Только, при таких льготах (т. е. равное и справедливое распределение зерна, промышленных продуктов и т. п. мусульманам края наряду с русскими и русскоязычными оценивалось как «привилегия». – *Авт.*) они будут выполнять и свои налоговые обязательства <...>. Необходимо провести полную перепись населения и, при необходимости, мобилизацию [воинских] частей, верных Советам (советской власти. – *Авт.*) буржуазию (имелся ввиду зажиточный слой. – *Авт.*) надо заставить платить налоги на снабжение армии и направить их на работу, наряду с контрреволюционными офицерами»¹.

Одной из ключевых задач на тот момент стало вовлечение в Красную армию представителей местного сельского населения Туркестана. Фактически началось привлечение добровольцев из числа коренной национальности в ряды Красной армии. Учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, важное значение придавалось привлечению местного населения к защите «социалистического общества». В частности, 25 сентября 1918 года члены Туркестанского ЦИК Ю.И. Ибрагимов,

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп.1. Д.17. Л.96 с об.

Х. Крымов и Журабаев обратились в Туркестанский ЦИК с предложением создать «Советские мусульманские войска в крае» (СМВК), чтобы укрепить обороноспособность Туркестана и защитить республику от внутренних и внешних угроз. В обращении говорилось – считаем, что необходимо «немедленно создать сектор призыва в армию при Центральном [Исполкоме] Туркестана... предоставить [этому сектору] широкие права по набору [военных] представителей коренного населения и формированию воинских частей из них»¹.

Инициативная группа по формированию СМВК в своем обращении к ЦИК Туркестана полагала, что мотивировать формирование национально-воинских частей, состоящих из мусульман, будут следующие факторы:

1. Пока пролетариат России поддерживает главным образом Социалистическую революцию, и в этих отдаленных территориях края она сталкивается с трудностями;

2. Местное население Туркестана, тюркские народы, в силу своей политической неподготовленности, на первых порах держались в стороне от революционных процессов. Теперь мусульманские пролетарии тоже понимают социалистическую идею и, осознавая свои классовые интересы, поддерживают российский пролетариат;

3. В связи с осознанием нового социалистического строя в сознании коренного населения, фактом того, что происходит пробуждение, необходимостью мобилизации местного населения на борьбу с контрреволюционерами, целесообразно пополнение рядов малочисленной Рабоче-крестьянской армии (Красной армии);

4. Невозможно пополнить ряды Рабоче-крестьянской Армии (Красной армии) новыми «бойцами революции». Потому что сама армия находится в подавленном настроении, к тому же для местного пролетариата важнее интерес защиты Туркестана;

5. На основании изложенного необходимо провести агитационную деятельность среди местного населения по привлечению в ряды рабочей армии (так указано в архивном тексте. – *Авт.*)².

¹ НА Уз. Ф. Р.25. Оп. 1. Д. 54. Л. 42.

² НА Уз. Ф. Р.25. Оп. 1. Д. 54. Л. 39.

Так, благодаря усилиям созданного в 1918 году Наркомата по военным делам Республики Туркестан, в том же году было сформировано 15 воинских частей с участием местных жителей – дружина красногвардейцев, национальная рота рабоче-крестьянской Красной армии, а в декабре 1918 года в Ташкенте под руководством Усмана Бапишева был создан специальный орган – «Штаб по организации национальной армии». С 13 января по 12 апреля 1919 года этот штаб принял в ряды армии 604 добровольца и сформировал из них 1-й Национальный кавалерийский полк¹.

Однако следует отметить, что, несмотря на усилия СМВК и комиссариата по военным делам Республики Туркестан, штаба Национальной армии, процесс набора добровольцев в Красную армию продолжался до середины 1920 года. В Туркестане создание добровольческих национально-воинских частей из представителей местных национальностей впервые было замечено в сентябре 1918 года и это было результатом пропагандистской работы большевиков среди коренного населения. В сентябре 1918 года тысячи людей собрались в Старом городе Ходжента Пишпекского уезда и заявили о готовности защищать советскую власть с оружием в руках. Тогда же были созданы различные национальные формирования: в Кушке сформирован туркменский дивизион численностью 160 человек, в Туркестане – кыргызский (казахский) кавалерийский отряд, в Самарканде – национальный отряд, а в Ташкенте – мусульманский батальон².

Как упоминалось ранее, на основании декрета СНК РСФСР от 15 января 1918 года о создании Рабоче-крестьянской Красной армии, IV съезд Советов Туркестанского края 25 января 1918 года поручил местным советам обеспечить материальное содействие формированию Красной армии. К апрелю 1918 года численность Красной армии в Туркестане достигла более

¹ Раджапов Э.Г. Туркистон минтақасида совет ҳокимиятининг ҳарбий кадрлар тайёрлаш сиёсати (1917–1924 йй.): тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) дис. автореф. Тошкент, 2019. Б. 16.

² Худойбердиев О. Боевая дружба, рожденная октябрем (Из истории военного строительства и ликвидации контрреволюции в Средней Азии). М.: Наука, 1984. С. 23, 25–27.

2000 человек. Основу ее составили партизанские отряды, солдаты из Поволжья и формирования, созданные из бывших военнопленных. Однако стоит подчеркнуть, что Красная Армия РСФСР перешла на обязательный принцип комплектования лишь летом 1918 года, тогда как в специфических условиях Туркестана местное население начали призывать на воинскую службу только с 1920 года¹.

В настоящий момент, до момента принудительной мобилизации местного населения в Туркестане для формирования национально-воинских частей, Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК), сформированная Центром в центральных губерниях России, сосредоточила свою деятельность в Казани на обеспечении татарских военно-политических кадров, ориентированных для воинских частей. В частности, по данным М. Султан-Галиева, на Восточном и Туркестанском фронтах «число татарских красноармейцев составляло более половины всего их состава, доходя в некоторых из них до 70–75% <...>. В то же время, подчеркивал он, 1-я Отдельная стрелковая Татарская бригада², в состав которой в основном входят татары Поволжья, Приуралья, активно участвовала не только в Туркестане, но и в «революционных процессах» в Бухаре, и что сам отдельный татарский «резервный батальон», давший за один год более 70 пехотных рот на один лишь Туркестанский фронт³.

Привлечение татар к участию в военно-политических процессах в Туркестане являлось одной из долгосрочных стратегических целей советского правительства. Это позволяло властям распространять идеи социалистической революции среди татар, служивших в Красной армии, и тем самым усиливать лояльность местного населения. Для защиты советской власти, укрепления ее позиций и внедрения системы управления, соответствующей интересам революции, были задействованы войска

¹ Климов С. Военно-организаторская деятельность коммунистической партии в Средней Азии в 1917–1924 гг. Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 13–14, 17.

² Деятельность Татарской бригады отдельно будет освещена в § 2.2.

³ Султан-Галиев. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. С. 360.

Оренбургского фронта, Казанский сборный отряд, Самарский отряд коммунаров, Нижегородский и Челябинский отряды, 20-й Московский сборный полк и другие воинские соединения, направленные в Ферганскую долину¹. Следует отметить, что отправленные в Туркестан воинские части были объединены и стали называться Казанским полком. В состав этого полка входило 1500 красноармейцев: включая командиров, политработников, в национальный состав входили русские, татары, башкиры, поляки и представители других национальностей². Устав от военно-политического руководства, командир Казанского полка в начале 1919 года обратился к военно-политическому руководству России и к Закаспийскому фронту с просьбой заменить его. Но, Центр, вместо замены Казанского полка в Туркестане, счел целесообразным мобилизовать в военно-политическое управление в Закаспийский фронт несколько человек, в том числе Г. Сайфуллина, А. Утяшева, А. Мамедова, Раджабова, Ш. Хоюбова, М. Мехтиева, Мардинбекова, Г. Назарова и др.³ Имеющиеся архивные источники свидетельствуют о том, что личный состав, военно-политические командиры Казанского полка активно участвовали в укреплении советской власти в Туркестане, формировании системы военно-политического управления, находились в тесном контакте со своими соотечественниками.

Хотя личный состав Казанского полка и его военно-политическое командование представляли разные национальности, пополнение полка оставалось обязанностью Казанской губернии. Полк регулярно получал подкрепление из этого региона. В декабре 1919 года командир Казанского полка В. Крылов представил доклад руководству Казанской губернии⁴.

Также стоит отметить значительную роль Казанской губернии в формировании Туркестанского фронта. В 1918–1919 годах

¹ Нуриллин Р.А. Советы Туркестанской АССР в период гражданской войны. Ташкент: Фан, 1965. С. 69.

² Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 65. Оп. 5. Д. 135. Л. 7–10.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 125. Оп. 1. Д. 95. Л. 29.

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации. Республика Татарстан (ЦГА ИПДРТ). Ф. 868. Оп. 1. Д. 5. Л. 462.

она стала своего рода центром подготовки кадров для военно-политического руководства действующей армией. Особо важную роль в этом процессе сыграли Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК) в Казани и резервная армия. Центр считал целесообразным привлекать как можно больше татар из Поволжья и Приуралья для военно-политического управления Туркестаном, поскольку они, в отличие от русских и русскоязычных кадров, лучше адаптировались к условиям региона благодаря знанию языка и религиозных традиций местного населения¹.

В Туркестане татарские военно-политические деятели, призванные на службу, активно вели агитационную деятельность в поддержку советской власти. Их усилия способствовали формированию национальных военных подразделений, что стало значимым шагом к вовлечению мусульманского населения региона в систему государственного управления. Эти меры сыграли ключевую роль в укреплении позиций новой власти среди местного населения, продемонстрировав готовность советских руководителей учитывать национальные особенности и привлекать представителей различных этнических групп к участию в управлении краем.

Однако, несмотря на меры, принятые представителями советского правительства, военно-политическая ситуация в Туркестане оставалась тяжелой. Укрепление военно-политической обстановки в крае исходя из интересов советского правительства было поручено созданному в 1919 году Туркестанскому фронту. Руководство Туркестанского фронта при формировании своего ответственного персонала опиралось главным образом на кадры Казанской и Самарской губерний, составлявшие ядро командиров и политработников. Центр считал целесообразным включить в состав Туркестанского фронта татар, которые могли «быстро ужиться» с местным населением края. Доказательством тому может служить обращение 8 декабря 1919 года политотдела Туркестанского фронта в Симбирский губком. В этом обращении была просьба направить мусульман в воинские силы, отправляющиеся в Туркестан, в качестве политических кадров.

¹ *Расулов А.* Туркистон ва Волгабўйи, Уралолди халклар и ўртасидаги муносабатлар (1917–1924 йиллар). Тошкент: Университет, 2005. Б. 72–73.

В результате в 1919–1920 годах многие татары из Симбирского губкома были отправлены на Туркестанский фронт. Согласно доступным историческим источникам, «мобилизация татар» в военно-политические части, связанная с усилением Советской власти в Туркестане происходила не только из Симбирской губернии, но и из других губерний России, где, в большом количестве проживали татары. В августе 1920 года ЦК РКП(б) принял специальное постановление о «мобилизации татар» в Туркестан. В этом постановлении отмечается, что «уместно объявить мобилизацию для пополнения воинских частей в Туркестане за счет татар». В результате началась «мобилизация татар» из Поволжья и Приуральских районов для службы в воинских частях в Туркестане, и в телеграмме, отправленной в системы местного губернского и кантонального¹ управления говорилось: «На основании телеграммы, отправленной ЦК [РКП(б)]... для усиления воинских частей в Туркестане... мобилизовать в районе 5 процентов добровольцев-мусульман. Начать мобилизацию в ускоренном порядке, как только дойдет телеграмма»².

Татары, мобилизованные на Туркестанский фронт, были задействованы не только в работе военно-политических структур, но и в системе управления краем, областью, уездом-городом: в пропагандистской работе, направленной в интересах советской власти среди местного населения, в партийных и советских органах, в культурно-просветительской работе, в национальных военно-политических частях. Например, было признано целесообразным использовать татар при формировании национально-воинских частей в Туркестане и в его военно-политическом управлении. В частности, в ноябре 1919 года был издан приказ о создании в Туркестане 1-й Отдельной Тюркской (Узбекской) кавалерийской бригады, и в связи с этим стали решаться организационные вопросы, связанные с формированием ее командиров,

¹ Кантональное – изначально это Швейцария, край, территория в составе России в первые годы Советской власти: небольшое административно-территориальное деление. (Прим. авт.) См.: Русско-узбекский словарь. Ташкент: Гл. ред. Узбекской советской Энциклопедии, 1983. Т. I. С. 419.

² Центр документации новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИ УО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 104.

политических комиссаров и личного состава. Однако в ее составе не было узбекских командиров и политических комиссаров, также в бригаду не могли быть назначены русские или русскоязычные командиры и комиссары, поскольку они не знали узбекского языка, не были знакомы с религией и менталитетом местного народа. Для решения проблемы было признано целесообразным привлечь в систему военно-политического управления войсками 1-й отдельной Тюркской (Узбекской) кавалерии татар, хорошо знающих язык, религию, обычаи и менталитет местного населения, проходящих службу в воинских частях края. Военные командиры и политруки 1-й стрелковой Татарской бригады из Андижана также использовались для назначения татар на должности командиров и военных комиссаров в узбекских воинских частях. В частности, Усманов, Тойымбетов, Ашмасов, Ризаев, Мурсалимов, Ахунов, Рафиков работали командирами, военными комиссарами, начальниками политотдела в 1-й отдельной Тюркской (Узбекской) кавалерийской бригаде¹.

В первые годы советской власти укрепление Красной армии в Туркестане за счет национально-воинских частей имело не только стратегическое, но и политическое значение. Узбеки, кыргызы и туркмены, представляющие коренное население региона, создавали такие части в составе Красной армии, что способствовало усилению советской власти на местах и защите «социалистического строя». Это привело к изменениям в мировоззрении местного населения и его отношении к новому общественному устройству. Поэтому создание национально-военных частей в Туркестане и попытка «национализации» командования и политической структуры стали важными задачами для региональных управленческих органов и центрального руководства. Было признано целесообразным использовать в военно-политическом управлении краем татар, знакомых с языком, религией и менталитетом местного населения, обладающих опытом в подготовке национально-воинских частей и военно-политических лидеров. Подготовка национальных частей и военных курсантов проводилась не только в центре Туркестана, но и в его регионах. Та-

¹ Камаев У. Б. Формирование первых узбекских частей Красной Армии // За Советский Туркестан. Ташкент: Изд-во Узбекской ССР, 1963. С. 329.

тарские военно-политические кадры привлекались для обучения курсантов в роли командиров, инструкторов и руководителей формируемых национально-воинских частей. Например, начальник школы 2-й стрелковой дивизии Туркестана в своем обращении к исполкому Ферганской области 18 ноября 1924 года отметил, что процесс подготовки курсантов национальной дивизии столкнулся с определенными трудностями. В частности, он акцентировал внимание на техническую подготовку представителей местного населения, их грамотность, политическую подготовку и освоение языка. Татары играли большую роль в подготовке и обучении национальных кадров и курсантов. Потому что в то время не было учебных пособий для национальных военных кадров и курсантов на национальных языках, и в этом случае татары, понимающие узбекский язык и говорящие на русском языке, были очень полезны. В знак признания заслуг татарских командиров и инструкторов в формировании национальных воинских частей в условиях Туркестана, подготовке курсантов, начальник школы 2-й стрелковой дивизии Туркестана, просил наградить исполком Ферганской области военных комиссаров, являвшихся командирами Яушева, Рахматова, Хаджизаде, Мифтахова и других «подарками за их заслуги»¹.

По имеющимся сведениям, представители татарской нации, действовавшие в Туркестане, также считали своим долгом по возможности повернуть расположение местного населения, военных и политических, особенно партийных и советских работников, к советской власти и способствовать руководству советской властью в Туркестане, не отступая при этом от интересов центра в руководимых ими областях – организациях.

На всех своих заседаниях партийные, советские и военно-политические руководители Туркестана неизменно акцентировали внимание на том, что каждый работник аппарата управления обязан выстраивать свои отношения с местным населением таким образом, чтобы заслужить его доверие. Они должны были избегать любого намека на роль завоевателей, проявлять максимальную осмотрительность в общении с коренными

¹ Государственный архив Ферганской области (ГАФО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 28. Л. 401.

жителями региона. Задача заключалась в том, чтобы предстать перед ними в образе освободителей от гнета колониализма и активно привлекать их к участию в строительстве нового общества – Советского Союза. С этой целью необходимо было посредством устных выступлений и печатных материалов просвещать народы Востока, раскрывая им истинную сущность происходящих перемен¹.

Большое значение имеет участие татар в военно-политическом управлении Туркестана. В связи с этим татары, проживавшие в крае и прибывшие в Туркестан по мобилизации, широко использовались в военно-политическом управлении, национально-воинских частях. В частности, стоит отметить, что в процессе организации национально-воинских частей в условиях Туркестана татары привлекались на должности командиров, военно-политических руководителей, инструкторов. Потому что татары смогли сформировать воинские части несколько раньше, и они эффективно использовались в местных военно-политических процессах. В частности, в отчете 1920 года о последствиях их применения при создании национально-воинских частей отмечалось, что привлечение татар в формируемые на местах национально-воинские части осуществляется очень хорошо, коренное население благосклонно относится к их военно-политической деятельности, и отмечено, что, по этому поводу ведется пропагандо-агитационная работа среди местного населения. По данным Алемасова, в политотделы приходили местные «муллы, в больших тюрбанах, длинных чапанах... с длинными бородами и искренне предлагали свои услуги» для формирования национально-военных частей.

Чтобы сформировать соответствующее отношение, требовалась активная работа по пропаганде со стороны татарских военно-политических деятелей среди местного населения. Эти кадры должны были акцентировать внимание на значимой роли восточных народов в контексте мировой истории, освещать их текущее положение и подчеркивать, что деятельность национальных военно-политических сил направлена на благо народа

¹ Набат революции. 1919. 14 нояб.

Туркестанского края и интересы трудового населения. При этом они укрепляли свои мысли, «цитируя Коран, декламируя отрывки из произведений писателей и поэтов». В частности, Алемасов популярно отмечал, что Туркестан оставил неизгладимый след в средневековье своими врачами, математиками, астрономами, памятниками архитектуры и прекрасными произведениями искусства. Теперь, используя исторические условия, необходимо формировать тюркскую Красную армию наподобие «ряда бригад, сформированных братьями-татарами (аналогично структуре военных Татарских бригад. – *Авт.*)... Татарские бригады пришли сюда... освобождать Восток... [Татары] также подают пример в создании школ и библиотек»¹.

Татары, служившие в военно-политических структурах Туркестанского фронта, использовались не только в системе управления национально-воинскими частями, но и в советских и партийных организациях, в системе культурно-просветительского управления. По поводу потребности в татарских военно-политических кадрах поступали обращения к военно-политическому командованию Туркестанского фронта или руководству местных военно-политических структур со стороны ЦК Туркестанской КП, Мусульманского бюро Туркестанского края, Туркбюро и других организаций. Например, 25 февраля 1920 года Туркбюро отправило письмо с просьбой в штаб политотдела 2-й тюркской дивизии Ферганского фронта о направлении Шакира Шамсутдинова из 18-го стрелкового полка к организатору драматической труппы Абушаеву².

Ю. Баипиев, татарин по национальности, служивший в составе Туркестанского фронта, использовался на ответственных должностях в системе управления партийной организации Кокандского уезда³. 27 января 1920 года культурно-просветительский отдел Ферганского областного мусульманского бюро, попросил мобилизовать политотдел Ферганской дивизии

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 78.

² Ферганский областной отдел архива Администрации Президента Республики Узбекистан (ФОО ААП РУз). Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 1/56. Л. 1.

³ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 569. Л. 1–2.

Абдурахмана Давыдова из тяжелой батареи Казанского полка как специалиста по драматическому искусству¹.

Местное население Туркестана выражало большее доверие татарским военно-политическим кадрам, чем русским и русскоязычным в административной системе края. 24 февраля 1920 года на имя Турара Рыскулова из штаба Татарской бригады была отправлена телеграмма о «доверии» татарам в военно-политических условиях края. В ней говорилось, что пропагандистская деятельность, проводимая политотделом, ориентированным на татар, в формируемых в крае национально-воинских частях, хорошо воспринимается мусульманами, татарские военно-политические пропагандисты отмечали необходимость создания соответствующих национально-воинских частей, таких как Татарская бригада, и необходимости их мобилизации для защиты местного трудящегося населения².

Сайфульмулюков, Фатхуллин, Исеев, Сайфулла Хайруллин из числа татар, служивших в военно-политических структурах Туркестанского фронта, привлекались в качестве переводчиков, заведующих полиграфических отделов, политработников в Туркестанском краевом мусульманском бюро, ЦК Туркестанской КП, и Ферганского обкома партии в 1920–1921 гг.³

В 1920–1921 годах «мобилизация» военно-политических кадров с Туркестанского фронта возросла до такой степени, что служащие военно-политической структуры, знавшие язык местного населения мусульмане, направлялись в районы, и размещались среди местного населения. Политическая сознательность, потенциал, мировоззрение и наблюдательность мобилизованных не всегда «учитывались», главным критерием была их «принадлежность к татарской нации». Мобилизация таким способом не отвечала интересам советской власти. В частности, такая «мобилизация татар» стала отчетливо видна на Ферганском фронте. Потребность в кадрах-мусульманах в Фергане ощущалась изо дня в день. Укрепление советской власти на местах требовало

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 244. Л. 73.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 80.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 205; ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 175. Л. 16, 72, 107; Д. 234. Л. 80; ГАФО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 40. Л. 64.

значительных усилий, и ключевую роль в этом процессе играли кадры. Центральный комитет Туркестанской коммунистической партии, а также Туркестанский центральный исполнительный комитет и командование Туркестанского фронта приняли решение направить пятьдесят мусульманских активистов в кишлаки и аулы Ферганской области для проведения пропагандистской работы. Планировалось, что эти активисты будут сопровождать воинские подразделения при посещении населенных пунктов. Однако первые двадцать пять человек, направленных на выполнение данной задачи, оказались совершенно неподготовленными: у них отсутствовали даже базовые знания, опыт практической деятельности, и они практически ничего не знали о ситуации в Фергане.

По этому поводу Ферганский обком партии написал руководству Туркестанского ЦК КП, Туркестанского ЦИК и руководству Туркестанского фронта и просил «не отправлять такие кадры в Фергану, потому что они совершенно бесполезны <...> в настоящее время наша задача состоит не в том, чтобы заниматься обучению грамотности присланных, установление советской власти на местах <...> Если такие неграмотные сотрудники понадобятся, то в самой Фергане их можно найти до 500»¹.

Как видно из приведенных исторических источников, хотя «мобилизация военно-политических кадров» была направлена на конкретную цель, ее фактическое осуществление не отвечало интересам советской власти. Но при мобилизации, проводимой таким образом, все время, т. е. при мобилизации десятков и сотен кадров, больше обращали внимание на количество, чем, на качество.

В первые годы советской власти в Туркестане в военно-политической системе местное население края имело несколько большее доверие к татарам, работавшим в системе управления, чем к русским и русскоязычным. Это было вызвано, во-первых, тем, что большинство представителей местного населения края плохо знали русский язык, а во-вторых, коренное население

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 14. Л. 81 с об.

относилось к татарам лучше, как к имеющим общий язык и религию. В-третьих, татары, действовавшие в административной системе Туркестана, воспринимались местным населением как «свой-мусульмане». Такие подходы привели к тому, что представители местного населения во многих случаях обращались к татарам, активистам в системе управления военно-политической жизнью края, для решения своих проблем. Например, 14 июля 1920 года от имени Рахмонали Абдурахманова, содержавшегося в «Исправительном доме» в Фергане, было отправлено заявление М. Бисерову, временно исполнявшего обязанности председателя Туркестанского ЦИК, и Ю.И. Ибрагимову, члену Реввоенсовет Туркестанского фронта. 10 июля этого года Реввентрибунал приговорил его к смертной казни за кражу лошади. Хотя он и отправил в Ташкент телеграмму о помиловании, отметил, что до сих пор не получил ответа, и сообщил, что был приговорен к расстрелу за кражу лошади русского. На основании вышеизложенной ситуации просит о помиловании или замене смертного приговора другим наказанием. Рахмонали Абдурахманов заявляет, что он «бедный дехканин», и просит немедленного вынесения решения, заявляя, что «если его расстреляют, останется больная жена и четверо маленьких детей без пропитания, голодные и в холоде»¹. Конечно, даже если он не был оправдан в краже лошади, тот факт, что комиссия по амнистии рассмотрела его заявление и не дала соответствующего ответа, сподвигло Рахмонали Абдурахманова обратиться к представителям татарской национальности М. Бисерову и Ю.И. Ибрагимову, членам руководства Туркестанской АССР.

Стоит отметить, что татары, мобилизованные в военно-политическую жизнь края, также использовались Турккомиссией для укрепления советской власти в системе местного самоуправления. Например, одним из таких людей, представителем татарской диаспоры был А.А. Терекулов, родом из Ставропольской губернии и мобилизованный в распоряжение Турккомиссии в конце 1919 года. Он вначале работал в политотделе Туркестанского фронта, а в 1920–1921 годах был военным комиссаром От-

¹ НА Уз. Ф. Р. 17. Оп. 1. Д. 261. Л. 338 с об.

дельной кавалерийской Туркестанской бригады. После отставки с военной службы работал ответственным секретарем Вакилбазарской районной партийной организации Мерва, заместителем председателя союза «Кошчи», затем с 1923 года работал районным инспектором Отдела народного просвещения (ОНП) в Полторацке, с января 1924 года работал заместителем инспектора ОНП Туркменской области¹.

Таким образом, в первые годы советской власти в Туркестане усиление Красной армии за счет национально-воинских частей имело значение не только с военно-стратегической, но и с военно-политической точки зрения. Узбеки, кыргызы и туркмены, представители коренного населения региона, создали такие части в составе Красной армии, что способствовало укреплению советской власти на местах, защите социалистического строя и положительным изменениям в мировоззрении местного населения. Создание национально-военных частей в Туркестане и попытка «национализировать» их командование и политическую структуру стали важными задачами для регионального управления и центрального руководства. В частности, для подготовки таких частей и их командиров, а также политических руководителей, было признано целесообразным использовать татар, владеющих языком, религией и менталитетом местного населения, и обладающих соответствующим военно-политическим опытом.

Следует отметить, что работа по формированию национально-воинских частей и подготовке курсантов велась не только в центре Туркестана, но и в его областях. Татарские военно-политические кадры выполняли функции командиров, инструкторов и руководителей таких частей, занимаясь обучением курсантов. Например, начальник школы 2-й Туркестанской стрелковой дивизии в обращении к исполкому Ферганской области 18 ноября 1924 года указал, что процесс обучения курсантов национального отделения столкнулся с рядом уникальных трудностей, включая техническую подготовку представителей местного населения, повышение их грамотности и политической осведомленности, а также обучение языкам. Татары играли

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1822. Л. 170–171, 213.

ключевую роль в подготовке национальных кадров и обучении курсантов, поскольку в то время ощущалась нехватка учебных материалов на языках коренных народов. Такие пособия, как правило, издавались в Казани на узбекском языке ограниченным тиражом¹.

Татары, мобилизованные в воинские части Туркестана, приступали к службе в качестве военно-политических работников и исполняли свои обязанности на занимаемых должностях. В регион прибыли татары, направленные из казанских партийных организаций в политотдел Туркестанского фронта, и активно включились в военно-политическую деятельность. Они рассматривались как «необходимые кадры» Туркестанского фронта, особенно в сфере политического управления. Те, кто владел языком и исповедовал схожую религию с местным населением, играли значимую роль в практической деятельности войск Туркестанского фронта на местах, участвуя в «военно-политических переговорах» с местным населением и содействуя его переходу на сторону советской власти.

Анализ исторических источников свидетельствует о том, что в первые годы советской власти татары играли важную роль в системе военно-политического управления Туркестанским краем. В частности, Багаутдин Шигабутдинов, представитель татарской диаспоры и заместитель главнокомандующего войсками Туркестанской республики, по решению заседания комитета Мусульманского бюро Туркестанского края от 22 октября 1919 года, в 1920 году был назначен на пост министра (везира) военных дел Бухарской народной советской республики².

В 1919–1920 годах Ю.И. Ибрагимов командовал Татарской бригадой, а с марта 1920 года стал членом Военно-революционного совета Туркестанского фронта. В 1920–1921 годах он занимал пост министра военных дел Бухарской народной советской республики. Башкиры Ускурдли Ридванбек и Хасанбек, бывшие помощниками министра военных дел Хорезмской народной со-

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 49. Л. 37.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 64 и об., Л. 65; Д. 261. Л. 481 с об.; Оп. 2. Д. 65. Л. 411.

ветской республики, внесли значительный вклад в управление военным училищем и организацию армии ХНСР¹.

В завершение отметим, что Центр стремился использовать татар, задействованных в системе военно-политического управления Туркестаном, для укрепления советской власти на местах и решения военно-политических задач в рамках национально-военных частей. Военно-политические кадры активно применялись в управлении партийными и советскими структурами, в культурно-просветительской и пропагандистской работе среди населения. Татары, вовлеченные в военно-политическое управление, видели в новом «социалистическом обществе» средство для объединения тюрко-мусульманских народов и их всестороннего развития.

Согласно имеющимся данным, Мусульманское бюро Туркестанского края, Туркестанский ЦИК и Совнарком, а также местные управленческие кадры признали целесообразным использование татарских и башкирских военных комиссаров при формировании национально-военных частей в условиях региона. Делегация, отправленная в Москву под руководством Т. Рыскулова в мае 1920 года, даже потребовала, чтобы воинские части края комплектовались исключительно из местного населения, и настаивала на направлении в Туркестан частей Красной армии, сформированных из татар и башкир, с участием мусульманских военно-политических кадров².

2.2. Участие Татарской бригады в военно-политической системе Туркестана

Перед большевиками, пришедшими к власти, стояла важная задача укрепления советской власти в Туркестане, распространения идей социалистического общества среди местного населения и ознакомления его с новыми целями и задачами. Это было необходимо для удержания контроля над регионом. Чтобы

¹ Раджапов Э.Г. Туркистон минтақасида совет ҳокимиятининг ҳарбий кадрлар тайёрлаш сиёсати (1917–1924 йй.): тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси автореферати. Тошкент, 2019. Б. 18–20, 22.

² Бочкарева И.Б. Туркестанская комиссия ВЦИК и национальный вопрос в Туркестанской АССР (1920 г.) // Исторические науки. Алтай, 2001. С. 46.

утвердить свое влияние в отдаленных районах, таких как Туркестан, в первые годы после революции, большевики решили использовать татар и башкир¹, которые уже давно входили в состав Российской империи, освоили русский язык и культуру, а также служили в царской армии. Таким образом, они рассчитывали проводить свою национальную политику, отвечающую интересам партии.

Татары играли важную роль в интересах России как в имперский, так и в советский периоды. Они выполняли функции торговцев, переводчиков и посредников на Востоке, участвовали в завоевательных кампаниях, особенно в Туркестане, где их привлекали к военным и политическим делам. Татары помогали налаживать отношения не только с местным населением, но и с генерал-губернаторами. Их значение сохранялось и в первые годы советской власти, когда они способствовали установлению советского режима в Средней Азии и подавлению антисоветских движений².

В частности, инициативу в этом плане проявили сами татары, выдвинувшие идею создания отдельных национальных воинских частей. Например, группа татарских офицеров обратилась в Военный совет Российской революции из Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК) с просьбой о формировании отдельной Татарской бригады, что было одобрено 14 марта 1919 года. 20 марта 1919 года Приволжский военный округ издал приказ о создании отдельной мусульманской бригады, к 1 июня планировалось привлечь преимущественно татар-

¹ В ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) татары и башкиры были призваны на службу в русскую императорскую армию. Общее количество мобилизованных тюркских солдат составило от 1 до 1,5 миллионов человек. При этом представители других мусульманских народов империи были освобождены от обязательной службы. Добровольцами в российской армии тогда могли стать лишь мусульмане, в том числе те, кто служил в Текинских туркменских и Крымских кавалерийских полках, а также в составе Кавказской кавалерийской дивизии («Дикой дивизии»), включавшей чеченский, ингушский, дагестанский, кабардинский, черкесский и азербайджанский полки. См.: *Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в немецком плену в годы Первой мировой войны (1914–1920)*. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. С. 59.

² *Мустафин Ф. Гаяз Исхакий*. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 159.

мусульман, проживающих в Казани, Самаре, Нижнем Новгороде, Саратове, Пензе, Симбирске, и сформировать личный состав в количестве 11 400 человек. Таким образом, 60% командного и политического состава, а также военные специалисты 1-й Приволжской отдельной стрелковой Татарской бригады Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока (ЦБ КОНВ) при ВКП(б) составляли мобилизованные мусульмане-коммунисты из Казанской губернии, составляя 90% от общего числа. Командиром бригады был назначен член Народного комиссариата по делам национальностей (НКДН) Ю.И. Ибрагимов¹, военным комиссаром Шамиль Усманов, руководителем отдела политуправления Карим Хакимов². Прибытие Татарской бригады в Туркестан вызвал большие ожидания у местных жителей. На заседании Ферганского обкома партии 20 декабря 1919 года обсуждалась возможность «использовать прибытие [Татарской] бригады [в местах]... для формирования воинских частей Красной Армии»³, состоявшей главным образом из татар из центральных регионов России, для создания новых подразделений Красной Армии. Руководство региона также возлагало большие надежды на Татарскую бригаду. Так, 27 декабря 1919 года Мусульманское бюро Туркестана отправило письмо в президиум Туркестанского ЦИК, уведомляя, что 29 декабря в 5 часов вечера в советском театре (ранее известном как Колизей) будет организован концерт-митинг в честь приезда Татарской бригады, и приглашая членов президиума принять участие в мероприятии⁴.

Хотя, эта Татарская бригада первоначально предназначалась для использования в борьбе с контрреволюционерами, позднее, в условиях Туркестана, она использовалась в военно-политических вопросах, при формировании национально-воинских частей, в системе управления⁵.

¹ В некоторых исследованиях Ю.И. Ибрагимова принимают за военного комиссара Татарской бригады. См.: Катагон курбонлари. Хотира китоби. Андижон вилояти (1865–1991 йиллар). I қисм. Тошкент: Akademnshr, 2021. Б. 126.

² Мустафин Ф. Гаяз Исахакый. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 159.

³ ААП РУз ООФ. Ф.1. Оп.1^А. Д.7. Л.75.

⁴ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 180.

⁵ Сагайдак А. Глазами памяти. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. С. 47, 49–51.

Одной из ключевых задач Центра было использование Татарской бригады для стабилизации военно-политической ситуации в Туркестане, проведения пропагандистской работы в поддержку советской власти среди местного населения, а также вовлечения её в систему местного управления. Бригада, находившаяся под командованием Туркестанского фронта, должна была сыграть значительную роль в выполнении стратегических задач в регионе, включая борьбу с движением басмачей.

Татарская бригада, получившая данное задание, прибыла в Ташкент в конце декабря 1919 года. Незадолго до этого, 7 декабря 1919 года, учитывая неудачи в предыдущих боевых операциях и отсутствие желаемого прогресса со стороны войск Красной Армии, командование Туркестанского фронта приняло решение направить Татарскую бригаду на Ферганский фронт. При этом учитывался тот факт, что большинство личного состава бригады составляли мусульмане, и им были близки язык, религия, обычаи и менталитет местного населения. Кроме того, отправка в регион Татарской бригады, состоящей из мусульман, вопреки заявлениям руководителей движения вооруженного сопротивления в Ферганской области о том, что их борьба является актом агрессии против советской власти и иностранцев, должна была усилить склонность населения к советской власти¹.

В итоге к началу января 1920 года штаб Татарской бригады² разместился в городе Андижане.

Советское правительство и высокопоставленные лица Красной Армии, поставило задачу перед военно-политическим командованием Туркестанского фронта, эффективно использовать

¹ Рафиков М. От Волги до Тянь-Шаня. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 56.

² Данная Татарская бригада в Туркестане по своему географическому району и по слиянию в состав других воинских формирований с января 1920 года в промежутке между Андижаном и Ошем именовалась: 10-й, 11-й, 12-й Туркестанский полк, а с февраля 1920 года в составе 2-й Туркестанской дивизии, как 4-я Туркестанская стрелковая бригада. См.: *Аюпов Т.М.* Роль Татбригады в разгроме основных сил басмачества в Средней Азии в 1920 г. // Отечественная история. 2019. № 4. С. 78–79. В существующих архивных документах, переписке и телеграммах, а также официальных отчетах она упоминалась как Татарская бригада. (Прим. авт.)

Татарскую бригаду для усиления склонности к новому режиму на Ферганском фронте, проводить пропагандистскую и агитационную работу среди населения, укреплять систему областного управления на местах. Потому что, несмотря на все усилия советской власти, система управления в Ферганской области не соответствовала «правилам», которых требовали большевики, и старые «традиции» еще преобладали местами. Продолжительность такой ситуации приводит к недоверию населения к системе управления советской власти, Красной Армии и на практике продолжается самоуправство, что разрушает контроль над населением. Среди причин этого следует отметить то, что большая часть чиновников в административной системе Ферганской области – русские и русскоязычные, а в военно-политических структурах региона задействованы в основном европейцы, не знающие языка, религии и обычаев местного населения. Даже с этой целью, чтобы направить систему управления города Андижан в нужное русло, «приблизить военно-политическую атмосферу среди населения к национальному духу», все воинские части, дислоцированные в городе, были высланы в другие районы уезда. В Андижане осталась только воинская часть Татарской бригады, которая была задействована в военно-политическом управлении с целью ознакомления населения города и уезда с задачами, стоящими перед советской властью.

Чтобы показать силу советской власти и подчеркнуть, что личный состав Татарской бригады тоже состоял из туркомусульман, проводились демонстрации вооружения, устраивались осмотры для населения, чтобы продемонстрировать воинскую дисциплину бригады, а также организовывались митинги. Для усиления лояльности местного населения к советской власти штабы полков Татарской бригады и ревком были перемещены из центра города в Старый город. Этот шаг имел важное значение для управления местными жителями и привел к ряду изменений:

1. Деятельность Ревкома в Старом городе Андижана, в густонаселенном районе, послужила повышению доверия местного населения к советской власти.

2. Расположение военно-политического штаба полков Татарской бригады в Старом городе укрепило доверие к советской власти среди местного населения.

3. Военные и политические лидеры Татарской бригады, а также члены Ревкома, обосновавшись в Старом городе, были осведомлены о свадьбах и траурных мероприятиях среди местного населения. Более того, в некоторых случаях они даже принимали участие в этих событиях и посещали мечети с местными жителями.

4. Военнослужащие и политические деятели Татарской бригады, а также члены Ревкома активно участвовали в жизни Старого города, посещая местные мероприятия, принимая участие в молитвах в мечетях. Тем самым они воздействовали на моральный дух населения и способствовали тому, чтобы система местного самоуправления действовала в интересах советской власти¹.

18 февраля 1920 года по инициативе отдела военно-политического руководства Татарской бригады состоялась встреча с местными мусульманами города Андижана, на которой обсуждались цели и задачи Советского правительства. На встрече с местной интеллигенцией важно было провести перед политотделом Татарской бригады переговоры о привлечении их к советскому строительству и призыве представителей дехканства служить в рядах Красной Армии. Амирханов, Н. Еникеев, Тухтабековы из политотдела Татарской бригады, провели встречу с местной мусульманской интеллигенцией города Андижана, провели акцию «Роль революции на Востоке» и призывали представителей населения активно участвовать в общественно-политических, военных и культурных преобразованиях края. Амирханов, Н. Еникеева², Тохтабековы из политотдела Татарской бригады провели агитационную встречу с местной мусульманской интеллигенцией города Андижана на тему «Роль революции на Востоке» и призывали представителей местного населения активно участвовать в общественно-политических,

¹ *Шарафутдинов Д.Р.* Комбриг Юсуф Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 86–87.

² См.: Приложение.

военных, культурных и образовательных делах края. На основании проведенных обсуждений, в итоговом решении подчеркивается важность Красной Армии в рамках советской власти и возможность привлечения к ее рядам представителей местных мусульманских народов. Было отмечено, что «мы считаем своим историческим долгом включить в армию наиболее достойных и преданных делу товарищей», ведь это является неотъемлемой частью свободного Востока¹.

Исторические данные свидетельствуют о том, что Татарская бригада в Туркестане использовалась не только в военных, но и в политических, пропагандистских целях, а также в системе управления советской властью. Советское руководство намеревалось продемонстрировать мусульманских солдат и военнополитическое руководство в воинских частях, одновременно привлекая эти подразделения к охране советской власти в рядах Красной Армии. Солдатам-мусульманам предписывалось участвовать в религиозных обрядах, таких как совместные молитвы в мечетях, чтобы показать, что они остаются верными своей вере. Главная цель заключалась в демонстрации активного участия татар как представителей мусульманских народов в защите и укреплении Советского государства.

Для выполнения поставленных перед ней военно-политических задач Татарская бригада вела активную работу среди местного населения, занимаясь пропагандой. Например, многие солдаты Татарской бригады, прибывшие в Казалинск, размещались в домах местных жителей. Сначала это вызывало опасения у населения, которое старалось спрятать своих дочерей и имущество, однако дружелюбное поведение татарских воинов и их помощь в бытовых вопросах вскоре рассеяли страхи.

В течение двух месяцев пребывания в Казалинске солдаты ежедневно устраивали бесплатные концерты и спектакли, проводили митинги, разъясняя цели и задачи, поставленные перед ними советским правительством, и призывая население поддерживать новую систему управления. Также они демонстрировали фильмы с использованием кинематографа. Согласно

¹ Жизнь национальностей. 1920. 27 апр.

информации, в Казалинске «ни одного дня не проходит без спектакля или концерта, киносеанса... на местах открыты библиотеки, учебные классы, клубы»¹.

Размещение военно-политического руководства Татарской бригады в Старом городе Андижана совместно с ревкомом дало им возможность детально изучить внутреннее управление городом и ознакомиться с проблемами горожан. В Андижане бригада начала выполнять не только военные, но и политические функции. В частности, она активно участвовала в работе андижанского ревкома, устраняя ошибки и недочеты, допущенные представителями советской власти, рассматривая жалобы местных жителей на управление городом. Одновременно шла работа по замене зажиточного класса населения в местном самоуправлении, на представителей беднейших слоев. Военно-политическое руководство стремилось устранить укоренившиеся порядки в управлении Андижаном и заменить их сторонниками революции из бедноты. Особое внимание Татарская бригада уделяла проблемам распределения продовольствия в Андижане, критикуя хаос в хозяйственной сфере и отсутствие системной работы. Военком Татарской бригады Я.Д. Чанышев выступил 8 августа 1920 года на собрании, собравшем 217 делегатов городских и уездных властей Андижана. Он подверг критике меры по обеспечению безопасности жителей Нового города, отметив, что аналогичные шаги в отношении жителей Старого города еще не предпринимались.

По словам Я.Д. Чанышева, уездный городской ревком еще смотрел на решение этого вопроса «сквозь пальцы» и ничего на практике не предпринял. Революционный комитет не мог ничего контролировать. Старым городом управляли «разбойники, взяточники без контроля <...> не было никого, кто контролировал бы <...>. Ахунжановы и басмачи вместе с милицией грабили население. Мы, татары, придя сюда, как будто бы столкнулись с головоломкой. Продукты питания делили между собой, а не передавали мусульманскому населению. Мы начали охранять старый город... Необходимо помочь Красной Армии и [укре-

¹ Жизнь национальностей. 1920. 23 мая.

пить] советскую власть»¹. Таким образом, военно-политический состав Татарской бригады установил тесный контакт с местными мусульманами Андижана, изучил их отношение к советской власти, учитывались при этом обычаи, религия, дух местного населения и администрации.

Прибытие Татарской бригады в Андижан существенно повлияло на военно-политическую обстановку в Ферганской области. Политический отдел бригады активно проводил пропагандистскую работу среди местного населения. С начала 1920 года Татарская бригада не только взаимодействовала с населением, но и принимала непосредственное участие в управлении регионом, поддерживая укрепление советской власти на местах. С марта 1920 года представитель политотдела бригады начал регулярно присутствовать на заседаниях Андижанского уездно-городского ревкома. Политотдел направил своих представителей в ревком и определил приоритеты для достижения целей, поставленных советской властью в районах и деревнях среди рабочих и крестьян. Политработники Татарской бригады разъясняли жителям Андижана их права, предоставляли юридические консультации по вопросам землепользования².

Можно привести еще один пример деятельности Татарской бригады в системе управления Андижанским уездом-городом. Как уже говорилось выше, после размещения Татарской бригады в Андижане было признано целесообразным установить тесный контакт с советскими и партийными работниками и чиновниками, а военно-политических работников местных органов власти использовать не только в пропаганде и агитации новом обществе, в военно-политических операциях, но и в системе местного самоуправления. Исамиддинов, один из военно-политических сотрудников Татарской бригады, начал работать в должности председателя Андижанского уездного городского комитета партии и занимался укреплением советской власти на местах. В процессе работы на этой должности Исамиддинов считал, что среди важнейших задач в системе управления было укрепление советской власти за счет грамотных, решительных товарищей,

¹ ААП РУЗ ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 174. Л. 1, 4.

² Там же. Д. 178. Л. 35.

точнее, военно-политических сотрудников Татарской бригады, и эффективное использование их в качестве партийных и советских работников. 12 февраля 1920 года он обратился с письмом к председателю Мусульманского бюро Туркестана Т. Рыскулову. Исамиддинов, в письме к нему отмечал, что «после прибытия Татарской бригады в Ферганскую область благодаря ее активному участию в борьбе с «басмачами» в селах, достигнута определенная стабильность, курбаши терпят поражения (точнее, предполагалось, переход на сторону советской власти. – *Авт.*) <...> русские белогвардейцы также терпят поражения и отступают. Отряды Мадаминбека и Памирский отряд находятся в позиции бескомпромиссности»¹.

Исамиддинов, как председатель Андижанского уездного городского комитета партии, считал использование татар для стабилизации общественно-политической ситуации до этого времени недостаточным. Он подчеркивает, что «привлечение [военно-политических] сотрудников Татарской бригады к партийной работе не носит масштабного характера...». Также он просит Рыскулова, сосредоточить внимание на «использование татар в системе управления... на данный момент важно сосредоточиться в Фергане, чтобы [реализовать] наши общие цели»².

Желание участвовать в местной системе управления и пропагандистской работе выразили не только гражданские власти, но и военные структуры. Например, 24 февраля 1920 года в телеграмме, отправленной из штаба Татарской бригады председателю Мусульманского бюро Туркестана Турару Рыскулову, говорилось о значимой роли татар в управлении национально-военными подразделениями, формируемыми в регионе. В телеграмме сообщалось, что татары активно ведут пропагандистскую деятельность на местах, стремятся создать национальные воинские части по образцу Татарской бригады и принимать участие в их управлении. Подчеркивалась необходимость объединения тюрко-мусульманских народов и важности мобилизации для обеспечения их защиты³.

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 214. Л. 205.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 214. Л. 205 с об.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 80.

Также стоит отметить, что советские власти эффективно использовали Татарскую бригаду для подавления движения вооруженного сопротивления в Туркестане. Жители Ферганской долины испытывали сомнения относительно доверия к советской власти или участникам вооруженного сопротивления. Остановившись в Андижане, представители Татарской бригады продолжали свою деятельность в мечетях, чайханах, на митингах и различных общественных мероприятиях. Совместные молитвы с местным населением и последующие беседы о целях и задачах советской власти помогли убедить людей в необходимости развития восточного мировоззрения, культуры и духовности, создания основ национальной государственности, возможности народов самостоятельно определять свое будущее, укрепления связей между мусульманскими народами, а также в перспективах великих достижений в образовании и создании национальных армий. Лидеры движения вооруженного сопротивления, такие как Холходжа и Мадаминбек, не смогли организовать систематическую работу в интересах местного населения, обеспечить их продовольствием, землей, водой и образованием, а также объединить своих сторонников.

Население Андижана стало доверять Татарской бригаде, которая активно вела свою военно-политическую деятельность в уезде. Местное население сильно устало от продолжающейся братоубийственной войны. Представители населения поверили в пропагандистскую работу, проводимую на местах, и «отказались воевать против Красной Армии и мусульманско-Татарской бригады... Наступил конец неверию и отрицанию». Агитация и пропаганда, проводимая политотделом Татарской бригады, заставила местное население смотреть на них с уверенностью и надеждой на обещания новой власти ¹.

Командиры и военные комиссары Татарской бригады внесли значительный вклад в систему управления в Туркестане. Например, деятельность Ю.И. Ибрагимова сначала в качестве командира Татарской бригады, а затем члена Реввоенсовета Туркестанского фронта отличалась «преданностью интересам

¹ Известия Турк ЦИКа. 1920. 25 февр.

революции». Важно отметить, что после перехода на должность в Реввоенсовете Туркестанского фронта, знания Ю.И. Ибрагимовым русского, узбекского, киргизского и турецкого языков, наряду с родным языком, сыграли большую роль в общении с местным населением и в военно-политическом управлении регионом¹.

После перевода из командования Татарской бригадой в Реввоенсовет Туркестанского фронта, полномочия Ю.И. Ибрагимова значительно расширились. Теперь ему предстояло контролировать выполнение военно-политических задач и заниматься организацией национально-воинских формирований среди всех военных структур региона. В мае 1920 года Ю.И. Ибрагимов прибыл в Ферганскую область в составе Реввоенсовета Туркестанского фронта и Мусульманского бюро Туркестана, чтобы оценить военно-политическую обстановку. Он провел встречи с руководством советских органов на местах и предложил меры по стабилизации положения. Для решения этих задач он установил тесные рабочие контакты с Мусульманским бюро Ферганской области и уездным городским Мусульманским бюро.

Встреча Ю.И. Ибрагимова с членами местного мусульманского бюро позволила обсудить не только военно-политическую ситуацию в регионе, но и проблемы в сферах культуры и образования. Обмен мнениями с членами бюро углубил понимание Ю.И. Ибрагимовым положения дел в сельской местности и подтолкнул его к выработке соответствующих решений для улучшения ситуации. Представители Мусульманского бюро Ферганской области видели в Ю.И. Ибрагимове мусульманского военно-политического представителя Центра и выразили ему свои пожелания по решению существующих проблем. После прибытия Ю.И. Ибрагимова в Ферганскую область, Мусульманское бюро Туркестана выдало ему мандат с просьбой оказать содействие всем мусульманским организациям региона. Мандат наделял Ю.И. Ибрагимова полномочиями привлекать местные мусульманские кадры к участию в системе управления, военно-политической деятельности и культурно-просветитель-

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 56. Л. 28 с об.

ной работе, а также «получать мусульманский шрифт и бумагу для газеты [Янги Шарк], издаваемой в области и мобилизовать стенографистов» из уездных городов¹.

На встрече с членами областного мусульманского бюро в Скобелеве 10 января 1920 года Ю.И. Ибрагимов заявил, что общественно-политическая, военно-экономическая система управления жизнью страны не отвечает требованиям, предъявляемым Центром. В то же время он уточнял, что мобилизованные из центральных губерний России (русские и русскоязычные. – *Авт.*) не только малочисленны, но и не осведомлены о быте, менталитете, языке, религии и культуре местного населения. Он подчеркивал, что это служит препятствием в выполнении задач, поставленных революцией на Востоке. Он заявил, что в системе управления страной «пришедшие из Центра столкнулись с серьезным препятствием <...> именно из-за отсутствия [ответственных] сотрудников <...> мы, прибывшие из Центра, ничего не можем сделать. Необходимо оказать поддержку в больших масштабах, и поэтому наиболее способных активистов из вас следует выделить в политотдел (Туркестанского фронта. – *Авт.*)». Подчеркивая, что целью прибытия Ю.И. Ибрагимова в Туркестан является укрепление системы советской власти в крае и распространение идей революции на Востоке, Ю.И. Ибрагимов подчеркнул важность формирования в крае мусульманской армии как одной из первых задач в этом плане. По его словам, «носителями революции на Востоке будут только мусульмане, живущие в крае, [потому что они] знают менталитет местного населения». Исходя из задач, поставленных в докладе Ю.И. Ибрагимова, Мусульманскому бюро Ферганской области была поставлена задача мобилизовать наиболее способных сотрудников местного населения, даже если они работали на ответственных должностях, в политотдел Туркестанского фронта для формирования мусульманских воинских частей².

В ходе изучения системы управления Ферганской области и привлечения представителей местного населения в состав мусульманских воинских частей, Ю.И. Ибрагимов обратил

¹ ААП РУЗ ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 244. Л. 55.

² ААП РУЗ ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 8.

внимание, что в списках мусульманских организаций Скобелева было 560 членов, при их перерегистрации осталось лишь 150 членов. Обращено внимание на результат проверки о том, что перерегистрация членов Мусульманского бюро привела к уменьшению их числа. В действительности 560 членов Мусульманского бюро существовали только на бумаге и было выявлено, что «на собраниях присутствовало только 100–120 человек... только один член вступил в партию, [если таковой и был], для получения продовольственных карточек и личной выгоды»¹.

Следует отметить, что военно-политический отдел Татарской бригады провел в Андижане обширную работу. В частности, после прибытия в Андижан Татарская бригада взяла на себя не только военные, но и военно-политические задачи. Также на совещаниях, проводимых военно-политическим отделом Татарской бригады, «решался вопрос о привлечении мусульманской интеллигенции Андижана к “строительству советского строя”, особенно в ряды мусульманской социалистической Красной Армии в качестве командиров, культурных и политических лидеров». На заседаниях затрагивалось значение строящегося в Туркестане нового общества, и теперь Советское правительство заявляло, что «красноармейские полки и [военные] бригады и дивизии организуются... с чувством ответственности... рабочим-дехканам вверено оружие... верные Советской власти, честные интеллигенты, мы считаем своим историческим долгом пополнить армию лучшими и самыми отважными товарищами», и в такой исторической ситуации отмечается, что пришло время зажечь огонь революции на всем Востоке и освободить много-миллионный мусульманский народ².

По поводу военно-политической деятельности Татарской бригады в условиях Туркестана, а также участия в системе управления формированием национально-воинских частей Я.Д. Чанышев, бывший военным комиссаром бригады, записал в своих воспоминаниях военные, политические, культурные и экономические дела, которые он вел с местными партийными и революционными комитетами. «Вместе с политработниками,

¹ ААП РУз ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 8.

² Жизнь национальностей. 1920. 27 апр.

военными комиссарами, трижды в день меняли лошадей и объезжали десятки гарнизонов и деревень. <...> Нас, политработников и командиров быстро научили родственному татарам узбекскому языку. Это помогло наладить отношения с жителями <...> Среди выступавших были начальник политотдела [Татарской] бригады Еникеев, комиссар 2-го Татарского полка Бурнашев, комиссар штаба бригады Маматказин <...> сотрудник политотдела А. Садыков привыкли общаться с народом на узбекском языке, просто и понятно» и отмечал, что также они знают обычаи местных жителей¹.

Стоит отметить, что хотя изначально Татарская бригада состояла в основном из татар, призванных из Поволжья и Приуралья, позже к ее деятельности стали привлекать и «местных татар». Например, личный состав Татарской бригады, действующей в Туркестане, расширился не только татарами из Поволжья и Приуралья, но и теми, кто проживал непосредственно в регионе. Руководство бригады призывало к «продуктивному использованию» военнослужащих в системе военно-политического, экономического и культурно-просветительского управления не только из-за нехватки кадров, но и потому, что они хорошо знали язык, религию и обычаи местных народов. Например, в связи с «необходимостью в кадрах» Туркестанский комиссар народного просвещения в 1920 году обратился с «срочным» обращением в Реввоенсовет Туркестанского фронта, сообщив, что при Туркестанском народном университете с 1 февраля начнет свою деятельность «Рабочий факультет». В обращении говорится об открытии мусульманского отделения, но «некому читать лекции не только в Ташкенте, но и во всем Туркестане. С точки зрения государства было необходимым иметь на [рабочем] факультете мусульманское отделение. В настоящий момент Иззаддин Сайфульмулюков служит начальником санитарного отдела Татарской бригады... Он мусульманин, знает язык и образ жизни жителей края...»².

¹ Чанышев Я.Д. Помощь братским народам Туркестана // За советский Туркестан. Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1963. С. 127.

² НА Уз. Ф. Р.34. Оп. 1. Д. 422. Л.29.

В этом обращении, подчеркивая опыт И. Сайфульмулюкова как человека, отмечается, что он хорошо известен «наркому народного просвещения Туркестана как ценный человек в области культуры и образования. В только что открывшемся «Рабочем факультете» оценили, что «его использование важно, как и в других мусульманских учебных заведениях, где нет преподавателей-специалистов... в преподавании естественных наук... Сайфульмулюков считается, специалистом»¹.

Равза Арипова, работавшая стоматологом в Татарской бригаде, получила рекомендацию преподавать медицинские курсы для мусульманских акушеров на «Рабочем факультете» Туркестанского народного университета. Комиссар народного комиссариата просвещения Туркестана охарактеризовал Арипову как «женщину, владеющую мусульманским языком... [помимо преподавания], которая может руководить стоматологической амбулаторией в мусульманском городе (имеется в виду Старый город. – *Авт.*), поскольку там потребность в мусульманских медицинских кадрах очень велика. В ходатайстве подчеркивалось, что «Рабочий факультет» является делом государственной важности в условиях Туркестана. Р. Арипову и И. Сайфульмулюкова просили освободить от занимаемой должности и мобилизовать по усмотрению Туркестанского комиссариата народного просвещения, заявив, что «вышеупомянутые лица крайне необходимы в соответствующих областях, и, наконец, замена их в Татарской бригаде на других не причинит никакого вреда»².

Реввоенсовет Туркестанского фронта направил военнополитическому командованию Татарской бригады обращение наркома народного просвещения Туркестана. По поводу этого прошения 11 февраля 1920 года было отправлено ответное письмо командира Татарской бригады Ю.И. Ибрагимова. «То, что Сайфульмулюков – не делопроизводитель, а врач и единственный врач-мусульманин в артиллерийской дивизии, Равза Арипова – Сайфульмулюкова (судя по сдвоенной фамилии, они были семейной парой. – *Авт.*) – единственный стоматолог женщина

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 422. Л. 29.

² Там же.

<...> и, являющиеся нужными сотрудниками, их мобилизация невозможна»¹.

Большая значимость придавалась пропагандистской работе Татарской бригады среди мусульманского населения, особенно выступлениям на митингах на языке, понятном местным жителям. Деятельность бригады в Андижане была направлена на установление контакта с местным населением, повышение его благосклонности к советской власти и привлечение местной администрации к идеям советизации. Для достижения этих целей 14 февраля 1920 года по инициативе политотдела Татарской бригады в Старом городе Андижана был организован «субботник». В рамках этого мероприятия под музыку провели митинг, на который собралось местное население. На нем обсуждались цели и задачи Советского правительства, причины сложившихся трудностей и разрухи в экономике, а также необходимость совместного труда народов Востока для решения социальных, военно-политических, экономических, культурных и образовательных проблем в регионе. Митинг посетили около 3000 человек. Благодаря разъяснениям, проведенным татарскими пропагандистами среди мусульман Старого города Андижана, участники митинга решили «еженедельно организовывать «пятничные дни» и работать по 2-3 часа». Уже в тот же день группа узбеков присоединилась к субботнику, и всего за два с половиной часа ими было погружено в вагоны 17 тысяч пудов жмыха. Установленное взаимопонимание между Татарской бригадой и мусульманами Андижана в итоге помогло погрузить скопившийся хлопок и жмых в вагоны и отправить их по назначению².

По инициативе политотдела Татарской бригады была сформирована специальная комиссия, которая занималась подбором и распределением задач для еженедельного мероприятия «пятничные дни». Основной задачей комиссии стало определение видов деятельности, подходящих для выполнения непосредственно на месте проведения мероприятий. Особое внимание уделялось необходимости разделения участников по их профессиональным навыкам и специализациям, чтобы максимально

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 422. Л. 29 с об.

² Жизнь национальностей. 1920. 27 апреля.

эффективно организовать работу. Кроме того, женщины из Андижана проявили интерес к участию в этом мероприятии, выразив готовность внести свой вклад под руководством созданной комиссии¹.

Таким образом, проведение этих «пятничных дней» было инициировано военно-политическими работниками Татарской бригады в целях решения проблем, накопившихся у Андижанского уездно-городского управления. Потому что эта проблема не нашла своего решения в системе управления Андижанским уездом, и большевистская администрация месяцами не знала, как к ней подойти. Теперь, после прибытия в Андижан, военно-политический состав Татарской бригады увидел проблемы в системе управления и искал пути устранения из этой ситуации. В частности, в Андижанском уезде кое-где до сих пор лежат кучи хлопка, которые за зиму могли сгнить. Кое-где кучи жмыха также оставались без надобности. Это также было признаком продолжающихся проблем. По инициативе военно-политического отдела Татарской бригады в состав Особой комиссии, призванной положить конец этому обнищанию, были включены представители городского мусульманского бюро, городской компартии и женского отдела. Причин того, что эти «субботники», инициатива создания Особой комиссии, на самом деле была осуществлена не уездно-городской администрацией, а по инициативе политотдела Татарской бригады, несколько:

1. В начале 1920 г. военно-политическая и экономическая ситуация в Ферганской области (и Андижанском уезде. – *Авт.*) не была устойчивой, а на практике система управления не работала в полной мере;

2. В водоворот проблем попали и работники партийных и советских органов;

3. Татарская бригада приняла участие в системе местного управления в силу общественно-политической, военно-экономической ситуации в Андижане, зная язык и религию местного населения и понимая их менталитет².

¹ Жизнь национальностей. 1920. 27 апр.

² Там же.

Исходя из социально-военной и политической ситуации в первые годы советской власти, принимая во внимание менталитет местного населения края, командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе в марте 1920 года издал приказ об обучении всех европейских военнослужащих и политработников одному из языков местных народов. К изданию этого приказа привели следующие факторы:

1. Возникла потребность в знании местного языка для эффективной пропаганды целей и задач советской власти среди населения;

2. Важно, чтобы беседы с уважаемыми пожилыми людьми на местах о преимуществах советской власти были для них понятны;

3. Практическая значимость владения языками местного населения для военных и политических деятелей советского правительства заключается в ведении пропагандистской работы и общении с населением на их родных языках¹.

На Ферганском фронте один за другим стали формироваться национальные воинские части. В частности, в начале 1920 года в Фергане на короткий период был сформирован национальный батальон охраны, затем Национальная рота «Старого города» в Коканде, 4-й Национальный кавалерийский полк в Намангане, а в марте 1920 года в Андижане и Коканде, соответственно были созданы 1-й и 2-й Национальные кавалерийские полки в составе 1-й Узбекской кавалерийской бригады. Все воинские части Ферганского фронта вошли в состав 2-й Туркестанской дивизии. По состоянию на 1 марта 1920 года сухопутная численность красноармейцев 2-й Туркестанской дивизии составляла 1606 человек².

Татарская бригада активно участвовала в военно-политическом управлении Андижана, местной пропаганде, вербовала узбеков в ряды Красной Армии. 119 узбеков пополнили ряды Татарской бригады в конце января – начале февраля 1920 года в результате активного участия татар в военно-политическом

¹ Худойбердиев О. Боевая дружба, рожденная октябрём (Из истории военного строительства и ликвидации контрреволюции в средней Азии). М.: Наука, 1984. С. 48–49.

² Там же. С. 49.

управлении, ведения пропагандистской работы среди узбеков по всему Андижанскому уезду¹.

Военнослужащие татарской национальности, входившие в состав Татарской бригады, активно привлекались к созданию национальных воинских подразделений в Туркестане. Это объяснялось тем, что благодаря своему опыту службы в рядах Красной Армии они не только имели глубокие теоретические знания военных порядков, уставов и инструкций, но и обладали практическими навыками, необходимыми для организации и управления воинскими частями. Их опыт был особенно ценен в условиях формирования новых структур, где требовались специалисты, способные обеспечить высокую боеспособность и дисциплину вновь создаваемых подразделений.

Военно-политическое офицерское руководство Татарской бригады, следуя приказу командования Туркестанского фронта, обосновалось в Андижане и начало вести переговоры «восточными методами» с различными представителями движения вооруженного сопротивления в Ферганской долине. Их целью было ослабление противника, максимальное привлечение его участников в ряды Красной Армии, настраивание их против бывших соратников, которые ранее преследовали те же цели, и подчинение их большевистским порядкам и системе советской власти. Как вспоминал командир Татарской бригады Ю.И. Ибрагимов, он вместе с военным комиссаром Татарской бригады Бакиром Белоусовым, его адъютантом Халиковым и отрядом из 25 человек вел переговоры с лидерами движения вооруженного сопротивления Махкамходжой и Акбарали. В ходе переговоров Ю.И. Ибрагимов предложил им перейти на сторону советского правительства, вступить в Красную Армию и участвовать в военно-политическом управлении регионом. В то же время участники вооруженного сопротивления спросили его, если, они перейдут на сторону советской власти и будут с пониманием относиться к ее политике, целям и задачам, «<...> останутся ли наши головы на плечах?»: «Пока я и вы живы <...> советское правительство вообще не причинит вреда, ваши головы будут

¹ Рафиков М. От Волги до Тянь-Шаня. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 75–76.

целыми, и тех, кто перейдет [к советскому правительству] по своей воле, я защищу их, как защищаем бедный слой населения». Однако советское правительство и его военно-политические офицеры Красной Армии на деле не доверяли перебежчикам из состава вооруженного сопротивления на свою сторону, хотя, обещали им равное участие в системе управления в рядах Красной Армии.. Обещания, данные военно-политическими офицерами Татарской бригады лидерам и молодым участникам движения вооруженного сопротивления, на практике не всегда полностью выполнялись. Командование Туркестанского фронта строго контролировало этот процесс, иногда прибегая к исключению из системы военно-политического управления, разоружению, арестам и даже расстрелам. Командование Туркестанского фронта «эффективно использовало» усилия командиров и политических комиссаров Татарской бригады для прекращения движения вооруженного сопротивления в регионе, ведения переговоров на разных уровнях и привлечения его участников на сторону советских властей, предлагая им участвовать в военно-политическом управлении Красной Армией¹.

В целях стабилизации общественно-политической и военной обстановки в Туркестане, прекращения местного самоуправления, прекращения борьбы за власть в системе управления и введения «соблюдения правил» советской власти на всех направлениях, было признано целесообразным эффективно использовать военно-политический состав Татарской бригады. В частности, командование Туркестанского фронта направляет военный комиссариат Татарской бригады для переговоров с одним из лидеров движения вооруженного сопротивления Хол-Ходжой. Советское правительство поручает им провести переговоры о целях и задачах, структуре Красной Армии и ее возможностях, участии местного населения в системе управления краем. В результате почти четырехчасовых переговоров, проведенных за чашкой чая, «опираясь на восточные традиции», военный

¹ Чанышев Я.Д. Вспоминая былые походы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. С. 46–49; Шарафутдинов Д.Р. Комбриг Юсуф Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 90–92.

комиссар Татарской бригады Якуб Чанышев¹ и члены Рахимбаев, А. Холикулов «убедили» Хол-Ходжу в полномерном участии населения в системе управления советской властью и Красной Армией. Примечательно, что военные и политические деятели Татарской бригады активно участвовали в процессе «свержения лидеров движения вооруженного сопротивления в Туркестане на сторону советской власти», и первоначально давали им одно из руководящих звеньев в военной структуре Красной Армии. На деле сами татары доверчиво воспринимали «игры», затеянные Центром. Они верили, что советская власть даст народам Востока возможность самостоятельно определять свое будущее, защищать свои национальные интересы, участвовать в системе военно-политического управления регионом на равных условиях, развивать свой язык, религию, культуру и образование благодаря сотрудничеству тюрко-мусульманских народов. Однако, сами того не осознавая, они становились активными участниками ловушек, расставленных большевиками. В осуществлении этих планов и военно-политических авантур Центр успешно использовал таких военно-политических комиссаров Татарской бригады, как Еникеев, Коранаев, Касимов, Садиков, братья Биккуловы, Бурнашев, Рафиков, Маматказин, Галиев, Султанов и других, которые прекрасно понимали менталитет, язык, религию и обычаи местного населения².

Среди мероприятий, проводимых военно-политическим отделом Татарской бригады в Андижане, приобрело значение и «Сайил», т. е. мероприятия, посвященные посеву саженцев. Татары пытались завоевать доверие населения своей практической деятельностью и работой, связанной с сельским хозяйством. С этой целью по инициативе военно-политического отдела Татарской бригады в селах Андижанского уезда был проведен праздник «Посевная неделя» и об этом событии было напечатано 2000 «Призывов» на узбекском языке. Напечатанные листовки были розданы жителям деревень уезда. Им разъяснили через местные ревкомы цели и задачи этого праздника. Военно-

¹ См. Приложение.

² Чанышев Я.Д. Вспоминая былые походы (Боевой путь первой стрелковой бригады). Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. С. 33–37.

политический состав Татарской бригады разъяснил цели и задачи советского правительства, организовав во время этого праздника «Улок» и «Кураш», что новое правительство не является препятствием в проведении национальных игр и обрядов, что хозяином земли должен быть сам дехканин. Во время «Сайила» пытались завоевать доверие местного населения и в определенном смысле они этого добились. В частности, на таком мероприятии в одной части Андижанского уезда было собрано пожертвований в размере 200 тысяч рублей. Каждый день недельного пропагандистского мероприятия был предназначен той или иной теме, в культурно-просветительском направлении¹.

Анализ исторических документов показывает, что Татарская бригада в Андижане была вынуждена не только «защищать с оружием в руках путь революционных идей», но и вмешиваться в повседневную жизнь и проблемы местного населения. Например, Юсуф Умаров, который последние десять лет зарабатывал на жизнь покупкой грецких орехов в лесных и горных районах Андижана и последующей их продажей, был лишен этого права. 5 февраля 1920 года начальник политотдела Татарской бригады Н. Еникеев отреагировал на эту ситуацию и запросил объяснения у начальника Андижанского земельного управления по поводу заявления Ю. Умарова. В ответ, по информации, представленной ответственным за сбор сухофруктов в Кокандской, Андижанской, Наманганской и Маргиланской областях 7 февраля 1920 года, все договоры, заключенные до лета 1918 года на поставку плодов из горных и лесных районов, были аннулированы, и эти ресурсы объявили государственной собственностью².

Военно-политическим офицерам Татарской бригады оказывалось высокое доверие. Они участвовали и в политических мероприятиях, в частности, в процессе выборов Андижанских уездных депутатов. Так, 11 марта 1920 года избирательная комиссия Андижанских уездных депутатов приняла решение провести уездные собрания 15 и 20 апреля, а также задействовать агитаторов для поддержки выборов в Андижанский уезд. Было решено обратиться в военное управление Татарской бригады

¹ Жизнь национальностей, 1920. 2 июня.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 50. Л. 150–158.

с просьбой выделить восемь человек: пять мусульман и трех русских, для организации выборов среди мусульманского населения Андижанского уезда, а также для пропаганды целей и задач предстоящих выборов. Планировалось, что агитаторы из Татарской бригады будут задействованы в районах Избоскан, Базаркурбан, Султанабад, пригородах Джелалабада и самого Андижана¹.

Татарская бригада активно участвовала в решении социально-экономических и культурно-просветительских вопросов не только в Андижане, но и на уездно-городском и областном уровнях. Например, на заседании Ферганского областного ревкома 24 февраля 1920 года обсуждалась телеграмма, отправленная командиром Татарской бригады Ю.И. Ибрагимовым 22 февраля 1920 года, касающаяся отъезда Орозалиева в Андижан. В принятом по этому вопросу решении подчеркивалось, что советское народное хозяйство имеет важное экономическое значение не только для региона, но и для всего края. Учитывая нехватку представителей мусульманского населения в этой области, было решено оставить Орозалиева членом областной советской коллегии народного хозяйства².

За время нахождения Татарской бригады в Туркестане произошли изменения в восприятии ее местным населением. Чиновники советской власти использовали бойцов Татарской бригады не только для подавления внутреннего вооруженного сопротивления, но и для разъяснения «преимуществ» нового режима, посылая татар к местному населению, в том числе в мечети. В отличие от русских войск, которые не владели языком и не были знакомы с религией, обычаями и традициями местного населения, татары хорошо понимали местный менталитет. Кроме того, местное население благожелательно относилось к татарам как к мусульманам. Такая смена настроений играла на руку местным партийным и советским органам.

Исходя из анализа имеющихся исторических данных, татары, служившие в военной сфере в Туркестане, считали своим долгом завоевать максимальную лояльность местного насе-

¹ ААП РУЗ ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 178. Л. 42.

² ААП РУЗ ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 192. Л. 13 с об.

ния, содействовать укреплению советской власти в Туркестане, не отклоняясь от интересов Центра в вопросах управления подконтрольными организациями. Военно-политические работники Туркестана на всех своих встречах акцентировали внимание на том, что каждый сотрудник системы управления своими действиями и манерой общения должен вызывать доверие у населения региона. Они считали важным не воспринимать себя как «завоевателей», а действовать крайне осторожно по отношению к местному населению, чтобы оно видело в них «освободителей от рабства», готового посвятить все свои силы строительству советского строя. Для этого в устной и печатной пропаганде широко использовались татары, чтобы «показать правильный путь» народам Востока.

Деятельность Татарской бригады постепенно расширялась. К примеру, 3 октября 1920 года по инициативе политотдела Татарской бригады вблизи железнодорожного вокзала в Андижане прошел митинг в поддержку раненых красноармейцев и больных воинов, на котором обсуждались вопросы укрепления советской власти, состояния вооруженных сил и международной обстановки. После митинга состоялся концерт, в котором приняли участие более 400 человек. Участники концерта собрали 83 495 рублей в виде пожертвований для оказания помощи раненым и больным бойцам Татарской бригады¹.

В личном составе Татарской бригады татары составляли 1872 человека, русские – 467, а узбеки – 160².

В заключении важно подчеркнуть, что в военно-политической жизни Туркестана Татарская бригада применялась Центром для достижения нескольких целей: вызвать у местного населения симпатию к советской власти, подавить движение вооруженного сопротивления на местах. Военно-политические кадры Татарской бригады использовались для формирования национально-военных частей в Туркестане, а также для назначения на должности командиров и политработников. Кадры Татарской

¹ Известия ТуркЦИКа. 1920. 21 окт.

² Худойбердиев О. Боевая дружба, рожденная октябрём (Из истории военного строительства и ликвидации контрреволюции в Средней Азии). М.: Наука, 1984. С. 49.

бригады играли ключевую роль в управлении регионом, в пропаганде и агитационной деятельности, направленной на продвижение интересов советской власти. Признавалось целесообразным привлекать татар, знакомых с «социалистическими правилами» Центра и владевших русским языком, для реализации политики большевиков, а также для взаимодействия с местными партийными и советскими структурами. Можно утверждать, что Татарская бригада использовалась не только в военных, но и в политических задачах, связанных с управлением регионом.

2.3. Кадровая политика в управлении Туркестана

Межнациональные отношения, как и многие другие аспекты, связанные с Советским Союзом, нередко представлялись субъективно. Это относится и к истории взаимодействия Туркестана и России. Для советской историографии было характерно утверждение о том, что Россия помогла народам Туркестана преодолеть вековую отсталость и достичь значительных успехов в развитии. В исторических исследованиях не представлено четкого определения того, какие экономические, политические и военно-стратегические интересы имела Советская Россия в Туркестане. Кроме того, подчеркивается, что все принятые центром постановления, решения и обращения касались защиты прав местных работников, при этом их религиозные убеждения и традиции оставались неприкосновенными.

20 ноября 1917 года вышло известное обращение В.И. Ленина и И.В. Сталина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В нем отмечалось, что русскими царями и угнетателями России «разрушались мечети и молельни <...>, верования и обычаи <...>. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и безпрепятственно. Вы имеете право на это»¹.

Несмотря на то, что в этом «Обращении», принятом сразу после установления советской власти, провозглашались высокие

¹ Ленин В.И. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1982. С. 457.

цели борьбы с несправедливостью, на деле оно не оправдалось. Большевики использовали вооруженные «социалистическими идеями» кадры для укрепления своего влияния на территории бывшей Российской империи, особенно в Туркестане, где они стремились контролировать военные, политические, экономические и культурные процессы региона.

Однако советское правительство выразило свое отношение к системе местного самоуправления, политическим действиям на пути к национальной государственности, в частности, Туркестанской автономии. Ф. Колесов, глава большевистского правительства в крае, телеграфировал в Петроград о том, что «Туркестанская автономия, это мусульманский курултай, подготовленный реакционным буржуазным классом в Коканде». В центральном правительстве России, народный комиссар по делам национальностей И. Сталин зная, что в Туркестанской автономии не имеет военной силы отвечал: «Вы – власть на местах, поэтому вы сами разрабатываете приказы», на практике же открыл путь эмиссарам Центра к ликвидации национального правительства¹. Хотя существование Туркестанской автономии было недолгим, она активно участвовала в политической жизни региона и вопросах национального самоопределения. Автономисты отстаивали свои права, дистанцируясь от центра, а их методы управления существенно отличались от представлений большевиков. В конце концов, местные большевики решили, что передача власти «несознательным националистам» нежелательна. Проще говоря, они предпочли создать «автономию» по советскому образцу.

Большевики считали необходимым привлекать татар к управлению Туркестаном, так как те понимали политику Центра, знали язык, культуру, религию и менталитет местных жителей. В первые годы советской власти одной из ключевых задач было укрепление позиций большевиков в регионе. Татары, преданные социалистическим идеям, были полезны для решения этих вопросов. Их способность находить общий язык

¹ Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). Биринчи китоб. (1917–1939 йиллар). Тошкент: O'zbekiston, 2019. Б. 68, 71.

с местным населением имела важное значение для создания новой административной системы. Кроме того, татары проявляли особое рвение в поддержке революционного движения на Востоке, участвуя в конференциях и съездах, поддерживая идеи революции среди тюркских народов и мусульман. Их стремление построить «светлое будущее» на Востоке сочеталось со стремлением к лидерству среди тюрко-мусульманских народов.

Поэтому большевикам казалось логичным задействовать татар в укреплении системы власти на Востоке, стабилизации положения на местах и организации работы в военно-политической, экономической и культурной сферах. Татарские лидеры видели себя наиболее надежными представителями тюрко-мусульманских народов России и искренне в это верили. Советское руководство считало полезным задействовать такую активность татар в интересах революции, привлекая их к управлению Туркестаном и решению организационных задач в области политики, экономики и культуры региона¹.

Укрепление советской власти через привлечение татар к управлению, «революционизацию» Востока и вовлечение туркестанских народов в строительство «процветающего общества» стало одной из приоритетных задач при создании социалистического строя. Центр начал использовать татар не только для ликвидации неграмотности, но и для усиления партийной и советской систем управления в Туркестане, включая военную сферу. Важную роль в этом процессе сыграли такие структуры, как ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК РСФСР, Татаро-башкирский центральный комиссариат Наркомнаца, Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока (ЦБ КОНВ) и Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК). Эти центральные органы направляли кадры в администрацию Туркестана и одновременно координировали переселение татар, живущих в крае.

¹ См.: *Султан-Галиев Мирсаид*. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. С. 720.

В частности, в этой связи основанием для приведенных выше мнений может служить тот факт, что Ю.И. Ибрагимов¹ и А.Ш. Клевлеев были мобилизованы в Туркестан в 1918 году Татаро-Башкирским ЦК при НКДН РСФСР в 1918 году².

Отправка татар в регион для укрепления системы управления не была случайной мерой, а являлась частью долгосрочной военно-политической стратегии. Телеграмма, отправленная руководством Туркестана, в частности исполняющим обязанности Тоболиным, в Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР 25 марта 1918 года с просьбой направить одного комиссара по делам российских мусульман и предоставить ему подробные инструкции, подтверждает этот план³.

В апреле 1918 года Наркомат по делам национальностей РСФСР направил П.А. Кобозева, Ю.И. Ибрагимова и А.Ш. Клевлеева в Ташкент для установления автономии в Туркестане по советскому образцу. Через несколько дней, 20 апреля 1918 года, начавший свою работу Пятый съезд Советов Туркестанского края направил центральному правительству телеграмму о том, что все «революционные лозунги» руководства РСФСР будут претворены в жизнь. 22 апреля 1918 года В.И. Ленин и И.В. Сталин, довольные политическими процессами в крае, направили письмо съезду советов Туркестанского края, Совнаркому Туркестанского края, Ю.И. Ибрагимову и А.Ш. Клевлеву. В письме отмечалось, что Совет Народных Комиссаров РСФСР «будет поддерживать автономию вашего края на советских началах... вы покроете весь край сетью Советов, а с существующими уже

¹ В исторических исследованиях известны случаи, когда Ю. Ибрагимова путали с Х. Ибрагимовым. См.: Ўзбекистоннинг энг янги тарихи. Иккинчи китоб. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент: Шарк, 2000. Б. 72; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: Шарк, 2000. С. 114. На самом деле в Туркестан был отправлен Ю.И. Ибрагимов. См.: Рафиков А. От Волги до Тянь-Шаня. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976; Шарафутдинов Д.Р. Комбриг Юсуф Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.

² Хайрутдинов Р.Г. На путях к советской автономии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 130.

³ Победа Октябрьской революции в Узбекистане: сб. документов. Ташкент: Фан, 1972. Т. 2. С. 199.

Советами будете действовать в полном контакте» и выразили уверенность в выполнении возложенной на них задач¹.

Мобилизованные из центра П.А. Кобозев, Ю.И. Ибрагимов и А.Ш. Клевлеев начали вести широкую работу по формированию советской автономии в Туркестане и ее укреплению путем пропаганды и пропагандистской работы среди населения. На V заседании советов Туркестанского края Ю.И. Ибрагимов и А.Ш. Клевлеев были избраны членами Туркестанского ЦИК. И. Габитов, принадлежащий к татарской национальности, также начал свою деятельность в системе управления края, в должности наркома внутренних дел².

Члены Туркестанского ЦИКа были направлены в регионы для укрепления советской власти, анализа социально-политической и экономической обстановки на местах. Задача заключалась в том, чтобы усилить позиции большевиков, познакомить местные управленческие кадры с новыми социалистическими идеями и провести агитационную работу, разъясняя им цели и задачи, поставленные советским правительством. Также члены ЦИКа должны были выявить слабые места в местной системе управления и доложить о них в Туркестанский ЦИК. Так, на заседании 16 мая 1918 года обсуждалась политическая ситуация в Самаркандской области, проблемы в управлении и конфликты. Было решено, что начиная с 17 мая 1918 года член Туркестанского ЦИК А.Ш. Клевлеев вместе с Сластушинским и другими отправится в Самарканд для изучения сложившейся там обстановки. А.Ш. Клевлеев провел анализ общественно-политической, военно-экономической ситуации и системы управления в Самаркандской области, тщательно исследовав причины сложившегося положения. 16 июня 1918 года он представил свой доклад на заседании Туркестанского ЦИК. На заседании чрезвычайной комиссии, которую возглавлял Клевлеев, он рассказал о положении дел в Самарканде и поделился результатами проведенного исследования. Согласно его докладу, задачи, по-

¹ Ленин В.И. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Узбекистан, 1982. С. 289; Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). Биринчи китоб. (1917–1939 йиллар). Тошкент: O'zbekiston, 2019. Б. 81–83.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 1. Л. 117; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 136.

ставленные советской властью перед администрацией Самарканда, не были выполнены, а чиновники не уделяли должного внимания укреплению новой системы – социалистического общества. Напротив, «члены областного совета депутатов были заняты алкоголизмом... руководители [совета] создали такие условия, что пришлось распустить его... потребовалось его переизбрать... только таким образом не позволили контрреволюции разрастись в Самарканде и правильно организовать правительство. Ряд абсурдных действий властей, солдат, рабочих и мусульманских пролетариев способствовал разобщению и вселял чувство недоверия к [советской] власти»¹. Председатель совета депутатов Самаркандской области Т. Фролов, принимавший участие в этом собрании, подчеркнул правильность возражений А.Ш. Клевлеева и отметил, что причиной такой расшатанности стало пьянство².

18 июня 1918 года А.Ш. Клевлеев доложил о деятельности чрезвычайной комиссии, образованной на заседании национальных секций ЦИК Туркестана, об основных причинах расшатанности руководства системой местного самоуправления в Самарканде. Деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов в Самарканде и его руководства абсолютно не отвечает требованиям «нового социалистического общества», «регулярно продолжают грубые беспорядки и пьянство... [в этом случае] можно распустить их лидеров... совет и провести перевыборы, предотвратив тем самым рост контрреволюции в Самарканде и правильно установить власть»³.

В своем докладе он выразил обеспокоенность тем, что лица, участвующие в местной системе управления, не соблюдают никакой дисциплины и обходят правила перед глазами населения, что такая ситуация подрывает доверие мусульманского населения, которое «с надеждой смотрело на советскую власть». Например, на заседании ЦИК Туркестана 11 июля 1918 года он обратил внимание на то, что ошибки и недостатки в системе управления в Самарканде происходят и в других регионах, и

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 10, 68; Оп. 2, Д. 2. Л. 28; Д. 5. Л. 234.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 68.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 176. Л. 30–31.

обратил внимание на необходимость организации местных органов власти на основе «советских правил». На совещании он обратил внимание на необходимость мобилизации мусульман, входящих в Туркестанский ЦИК, в области и уезды края, для изучения порядка установления советской власти в этих местах. А.Ш. Клевлеев также просит профильных чиновников не бояться «изучения» мусульман, входящих в Туркестанский ЦИК, и отмечает, что «они должны провести разъяснительную работу, чтобы русское население не было встревожено действиями мусульман»¹.

13 июля 1918 года А.Ш. Клевлеев был избран в состав сформированного в крае военно-революционного штаба Туркестана. Теперь он имеет право изучить военно-политическую структуру края и высказать свое мнение по этому поводу ².

Анализ исторических документов показывает, что по инициативе А.Ш. Клевлеева мусульманские члены Туркестанского ЦИК направлялись в различные регионы для ознакомления с местной общественно-политической и военно-экономической ситуацией. Причины таких поездок включали нарушения дисциплины в управлении советской властью, игнорирование жалоб и недовольства населения, а также проявления самоуправства и хаоса в работе местных органов. Кроме того, на тот момент происходили сложные и противоречивые процессы борьбы за власть. Известно, что в первые годы после установления советской власти управление региона столкнулось с серьезными проблемами, включая самоуправство и борьбу за лидерство среди различных политических сил. Ключевую роль в руководстве Туркестаном играли две политические силы: большевики и левые эсеры.

На заседании Туркестанского ЦИК 13 августа 1918 года обсуждалась работа Совета депутатов Ходжендского уезда и случаи злоупотреблений властью. По итогам заседания было решено направить А.Ш. Клевлеева в Ходженд для изучения положения на месте и оказания помощи в исправлении выявлен-

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 178. Л. 98.

² Климов С. Военно-организаторская деятельность Коммунистической партии в Средней Азии (1917–1924 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1987. С. 41.

ных недостатков. Клевлеев использовал свой управленческий опыт, накопленный при изучении работы Самарканда, где он возглавлял чрезвычайную комиссию, а также навыки решения задач, поставленных краевым ЦИК¹.

14 августа 1918 года председатель Туркестанского ЦИК Солькин подписал приказ о направлении членов ЦИК Ю.И. Ибрагимова, Булабаева, Сластущинского и А.Ш. Клевлеева в Перовский и Ходжандский уезды для анализа деятельности местных советов депутатов².

В сентябре 1918 года А.Ш. Клевлеева также мобилизовали в Ферганскую область для изучения работы местных советов. 3 сентября 1918 года состоялось чрезвычайное заседание совета депутатов Ферганской области, на котором обсуждалась военно-политическая ситуация в области. В этом заседании также принял участие А.Ш. Клевлеев, который отметил, что, в помощь красноармейцам, еще не создана милиция и что в этом вопросе Наманганскому уезду необходимо немедленно оказать помощь. Так же он раскритиковал тот факт, что «Красная Армия [командиры] в Скобелеве, красноармейцы получают деньги ни за что, ничего не делая», и раскритиковал красноармейцев за то, что они развлекаются и распивают спиртное. Отвечая на критику А.Ш. Клевлеева в адрес Красной Армии, член областного совета депутатов Аксентович заявил, что «пьянство – это всеобщая болезнь не только в Красной Армии, но и везде, и начинается она с Центра. Алкоголизм процветает в Ташкенте, Самарканде и Фергане. Неправильно винить в этом только Фергану, потому что алкоголизм <...> идет из Центра»³.

Приведенные примеры показывают, что А.Ш. Клевлеев активно работал на местах, руководствуясь интересами местного населения и принципами социалистического строя, в который он искренне верил. Он стремился выполнять задачи и указания центра, оставаясь в авангарде классовой борьбы.

Данные также указывают на то, что мобилизация Ю.И. Ибрагимова и А.Ш. Клевлеева, татар по национальности, свободно

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 179. Л. 1, 3 с об.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 5. Л. 168.

³ ГАФО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 44. Л. 22 с об.

владеющих языком, знакомых с религией и менталитетом народов Туркестана и строго придерживающихся требований Центра, фактически была направлена на усиление контроля со стороны центральных властей над системой управления советской властью в регионе.

Инструкции, полученные кадрами из Центра перед направлением в Туркестан, ставили перед ними задачу укрепить советскую власть на местах, распространять идеи социалистического общества среди местных работников партийных советов, занимавших ключевые должности, а также наставлять и направлять их на верный путь. Основная цель заключалась в создании фундамента советского общества на местах. Однако многие из тех, кто был направлен в регион, особенно в период 1918–1919 годов, не владели местными языками, не знали религиозных традиций, обычаев и культурных особенностей коренного населения. Мобилизация кадров в Туркестан в первые годы советской власти осуществлялась бессистемно.

Для усиления советской автономии в крае представители Центра обратились в Центральный комитет РКП(б) с предложением привлекать специалистов для работы в Туркестане через публикации в газетах. Впоследствии, следуя указаниям ЦК РКП(б), СНК РСФСР, ВЦИК и Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, вопрос об укреплении советской власти в Туркестане был вынесен на обсуждение партийных съездов в Казани, Уфе, Симбирске и других губерниях в ноябре-декабре 1919 года. На этих собраниях татары и башкиры выразили готовность предоставить необходимые кадры для выполнения своих исторических миссий на Востоке ¹.

Отмечается также тот факт, что в первые годы советской власти, когда Центр направлял кадры в административную систему Туркестана, важное значение имела их партийность, «преданность целям революции», и неуклонное выполнение указаний РКП (б) и СНК, чем их национальность и знание условий края. Разумеется, такой подход к кадровому обеспечению вызывал

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 72. Л. 5; ЦГА ИПДРТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 88^а. Л. 122, 127, 132–133; ЦДНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 2 об., 3, 4 об.; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 104.

случаи незнания и учета условий Туркестана, непонимания менталитета населения, а также определенного недоверия, недовольства и колебаний. Такая продолжающаяся ситуация стала приводить к негативному восприятию отношений к кадрам из Центра. Центральное бюро коммунистической организации народов Востока (ЦБ КОНВ) во главе с Мирсаидом Султан-Галиевым, татарин по национальности, координирующее мобилизацию кадров в административную систему Туркестана Центром в Поволжском и Уральском регионах: Казань, Самара, Оренбург, Симбирск, Уфа, а также подбирая кадры, знакомые с языком, религией, культурой и менталитетом жителей края в этом вопросе, они проходили специальную подготовку, давали им соответствующие инструкции, а затем приступали к отправке в Туркестан. Первоначально в рамках работы ЦБ КОНВ решались задачи общественно-политических, военных, культурно-просветительских связей между тюрко-мусульманскими народами Туркестана, Башкортостана, Татарстана, Казахстана, Кавказа, Бухары, Хивы и других регионов, и пропаганда и агитация «революционных идей» среди них. Острота социально-экономической, военно-политической обстановки в Туркестане, а также образование БНСР и ХНСР, в связи с потребностью в кадрах в местных партийных и советских органах, при создании типографий и издательств, в организации и управлении газетами и журналами, на культурно-просветительском направлении ЦБ КОНВ ориентировался на мобилизацию кадров из татар. Например, в 1919 году ЦБ КОНВ направил С. Мукимова, М. Мансурова, Х. Мухитдинова и других в Туркестан и Бухару для пропаганды «революционных идей» среди местного населения, укрепления советской власти на местах, активной работы по созданию нового общества в система управления¹. Конечно, основой подобных национальных кадров, направляемых в административную систему Туркестана, являлись татары, проживающие в Поволжском и Приуральском регионах. В ходе своей деятельности ЦБ КОНВ, возглавляемый Мирсаидом Султан-Галиевым, направило в Туркестанскую АССР, БНСР

¹ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 305. Л. 3 об.

и ХНСР представителей татар, «готовых распространять идеи революции на Востоке», «самоотверженных, ради интересов революции» и в то же время искренне желал «служить» интересам Центра. Они [татары] служили в системе управления в военной, политической, культурной и образовательной сферах. Этот процесс, то есть мобилизация татарских кадров в административную систему Туркестана, усилился после окончания «Оренбургской пробки»¹.

Более того, создание ХНСР и БНСР в 1920 году увеличило потребность в татарских кадрах, «пропитанных духом революции», вооруженных идеями построения «социалистического общества» и в то же время «сознающих» требования Центра. Для решения этой проблемы татары, изначально активные в административной системе Туркестана, служили в воинских частях края – Туркфронте (Казанский полк, Татарская бригада и др. – *Авт.*), занимающиеся пропагандой на поезде «Красный Восток», отправленном из Центра в край, были направлены в административную систему БНСР и ХНСР. Но необходимость усиления этой «мобилизации татар» стала требовать не только предоставления их в БНСР, ХНСР из Туркестана, но и в «освободившиеся» ответственные должности края. При этом, исходя из созданной Центром административной системы ХНСР и исходя из «обозримых военно-политических стратегических задач на ближайшее время» (предполагается, что существовал план свержения Бухарского эмирата и создать отдельную республику по типу ХНСР. – *Авт.*), в начале августа 1920 г. 5% всех татарских коммунистов в возрасте от 18 до 40 лет, проживавших в Поволжье и Приуралье, были мобилизованы на работы в Туркестан.

Следует подчеркнуть, что так называемая 5%-ная мобилизация татарских коммунистов проходила не непосредственно из Казани, Уфы, Самары, Симбирска, Пензы, Оренбурга и других регионов, а через Москву. Это делалось для того, чтобы, во-первых, дать конкретные инструкции мобилизуемым уже в Москве, указать на важные аспекты и разъяснить стоящие перед ними

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 72. Л. 5.

цели и задачи, а во-вторых, придать мобилизации официальный статус направления ЦК РКП(б). Важно отметить, что некоторые из мобилизованных использовались также в системе управления Бухарской и Хорезмской советских республик. Среди тех, кого направили в Туркестанскую АССР, Бухарскую НСР и Хорезмскую НСР в рамках этой мобилизации из Поволжья и Приуралья, были такие деятели, как К. Зиатдинов, Ф.Х. Зайтова, Гимадетдинов, А. Яфаров, В. Мухадисов, Х. Пельфанов, З. Бикбаев, Р. Ахунзинов, С. Салаватов, К. Рахманкулов, Ф.А. Исимбетов, З.А. Сагиров, Ашраф, Мустафин, Зарипов, Назиров, М.Х. Гузаиров, Г. Баширов, Х. Тагиров, А.В. Киреев, Ахметшин, М. Ахметзянов, Х. Гелофатов, А. Давлетбаев и другие. Исторические источники сообщают, что в августе 1920 года из Казанской губернии на работу в Туркестан было мобилизовано около 100 человек. С 20 сентября по 1 ноября 1920 года из центральных губерний России, согласно неполным данным, было мобилизовано еще 201 сотрудник, которых распределили для работы в системах управления республик Туркестана, Бухары и Хорезма¹.

Таким образом, следует отметить, что мобилизация кадров из Центра в администрацию Туркестана начала расширяться с 1918 года. Хотя, как уже упоминалось ранее, в первые месяцы советской власти мобилизация кадров для отправки в Туркестан осуществлялась без учета знания ими языка, религии, истории и менталитета местного населения, однако со временем этот процесс начал упорядочиваться. В частности, с конца 1918 до начала 1919 года в системе мобилизации для управления Туркестаном стали учитывать «национальность», то есть знание языка, религии и культуры народов региона. Изначально мобилизованные из Центра кадры испытывали трудности в общении с местным населением и в управлении регионом, поскольку плохо знали местный язык, обычаи и культуру. Большинство сотрудников, направленных из центральных губерний России в администрацию

¹ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 286. Л. 6, 39, 43–44, 48, 50, 66, 69, 99, 107; Ф. 583. Оп. 1. Д. 26. Л. 138; Д. 190. Л. 6, 22, 28; ЦГА ИПДРТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 459. Л. 15.

Туркестана (за исключением некоторых татар и башкир. – *Авт.*), не обладали знаниями языка, религии и культуры местного населения, что создавало сложности в военно-политическом взаимодействии с ним и вызывало чувство опасности. Поэтому система управления Туркестана в вопросах кадрового обеспечения отдавала предпочтение татарам. Они были близки к языку, религии и культуре народов Туркестана, при этом долгое время проживали под российской властью, многие из них были знакомы с русским языком, культурой и имели «революционное мышление». Более того, среди тюрко-мусульманских народов России ответственность за построение «социалистического общества» на Востоке взяли на себя именно татары.

Татары посвятили все свои усилия делу освобождения мусульман на Востоке. Их «революционная активность» оказалась весьма полезной для Центра. Ведь многие из них не только имели представление о языке, религии и культуре народов Туркестана, но и понимали особенности взаимодействия народа с исламскими традициями: что дозволено, а что запрещено (халяль и харам). Это, в свою очередь, заставляло представителей Центра учитывать «восточные особенности» в принимаемых решениях, приказах, инструкциях, семейных и брачных отношениях, внутренней дисциплине и прочих аспектах жизни в Туркестане, особенно в нормативных актах (хотя это не всегда удавалось полностью реализовать. – *Авт.*). Возможно, именно поэтому Центр воспользовался активностью татар для укрепления советской власти на Востоке, начиная с августа 1920 года мобилизовав 5% всех татарских коммунистов в возрасте от 18 до 40 лет, проживавших в Поволжье и Приуралье, для работы в Туркестане. Разумеется, важное значение среди мобилизованных татар придавалось знанию языка, религии и культуры народов Туркестана¹.

Но еще до специальной «мобилизации татар» в Туркестан возникла потребность в кадрах, хорошо знавших язык местного

¹ Архив аппарата Президента Республики Туркменистан (ААП Туркм.). Ф. 4. Оп. 1. Д. 29. Л. 29, 66–66 об.; ЦГА ИПДРТ. Ф. 868. Оп. 1. Д. 290. Л. 147; ЦДНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 104.

населения. В частности, в связи с этим, согласно приказу Наркомата труда и государственной статистики Туркестана, согласно приказу Ферганского уездно-городского ревкома от 25 июня 1920 г., было сказано, что «все жители Скобелева, знающие языки местных народов, понимающие русский язык, должны обратиться в статистическое бюро Ферганского уезда (в здание областного ревкома)... жители уезда должны обратиться в волостные и сельские комитеты. Вышеупомянутые лица должны прийти к 7 июля [1920 года]... не явившиеся без уважительных причин будут привлечены к ответственности». По сути этого приказа, Туркестану нужны были не только те, кто знает язык местного населения, но и представители коренного населения, владеющие языком русских, действующих в настоящее время при советской власти. В последних строках приказа европейцам, владеющим языком коренных народов, а также местным, понимающим русский язык, грозили «...не отметившиеся ответят перед законом», на практике включение этого в текст приказа указывает на сложные процессы в системе управления краем¹.

Теперь было признано целесообразным максимально использовать татарские кадры во многих «целевых мобилизациях», систематически, в управлении, направленных на укрепление советской власти в Туркестане, в соответствии с интересами Центра. Этот процесс стал более заметен с 1919–1920 годов. Однако следует отметить, что Центр старался не упускать со своего контроля «татарскую мобилизацию», направленную на укрепление туркестанской системы управления и советской власти в крае. Для этого, прежде всего, субъекты Российской Федерации, в частности местных татар, не должны мобилизовать без согласования с Центром, не должна допускаться «самовольная мобилизация»².

Однако, как уже упоминалось ранее, у этих «татарских мобилизаций» были определенные ориентиры. Так, в данном контексте Центральный комитет РКП(б) призвал местных

¹ ГАФО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.

² Указания центра относительно «татарской мобилизации» не всегда соблюдались. Особенно ярко отклонения от этих инструкций проявились в период массового голода в Поволжье (1921–1923 гг.). (Прим. авт.)

руководителей обратить особое внимание на данную тенденцию в своем политическом инструктивном письме под названием «Работа среди народов Востока». Было подчеркнуто, что необходимо проявлять осознанность. ЦК отметил, что «татарский национализм <...> способен привести к доминированию буржуазии», но при этом подчеркнул, что поддержка стремления мусульманских масс к самоопределению должна оставаться в пределах советской системы. Также было заявлено, что «отдельные мусульманские советские республики не смогут жить без военно-экономического союза с Российской Федерацией»¹.

Через «татарскую мобилизацию» Центр пытался создать социалистическое общество на местах. Этот процесс был сложным и неоднозначным. Часть мобилизованных отправилась в Туркестан добровольно, другие стремились «пробудить Восток». Некоторые прибыли «добровольно-принудительным» образом. Однако исторические источники показывают, что большинство татар, приехавших в регион, рассчитывали, что их узбекские, туркменские, кыргызские, казахские и каракалпакские братья займут достойное место в новом социалистическом обществе, основанном на принципах равенства, где будет обеспечено процветание и строительство «светлого будущего». С укреплением советской власти эта надежда постепенно превращалась в уверенность. Кроме того, татары видели себя проводниками нового строя среди тюрко-мусульманских народов России, что подтверждается их активностью в управлении Туркестаном.

Следует отметить, что до 1921 года приезд кадров на ответственные должности из центральных губерний России в Туркестан был в основном направлен на укрепление административной системы в крае, но со второй половины 1921 года начавшаяся «мобилизация кадров» фактически была связана с продовольственным дефицитом, начавшимся в Поволжье. Теперь в глазах Центра Туркестан считался самодостаточным краем, богатым продовольствием, в отличие от центральных гу-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 32. Л. 217 с об.

берний России, особенно голодающего Поволжья¹. Теперь в основу мобилизации в Туркестан, по ее сути, добавились другие понятия, в частности, чувство спасения себя, своей семьи, своих близких родственников от неминуемой гибели, вызванной голодом.

К 1921 году голод в Поволжье охватил значительные слои населения. Тем временем, несмотря на то, что Туркестан недавно пережил голод 1917–1919 годов и находился в стадии восстановления, его ситуация была немного лучше, чем в Поволжье. Возможно, именно поэтому те, кто прибыл в край в ходе «татарской мобилизации» для укрепления советской власти и работы в органах управления, в первую очередь приглашали свои семьи и родственников переехать и обосноваться в Туркестане, а также друзей и коллег. При этом они использовали разные предлоги (например, восстановление здоровья, воссоединение с семьей, «пробуждение Востока» и так далее. – *Авт.*). Например, в мандате, данном 13 августа 1921 года, Юсуфу Мустакаеву, пришедшего в административную систему края по мобилизации и работавшего секретарем ЦИК Туркестана, просили выделить отдельные места до Ташкента для его семьи из 9 человек, проживающих в городе-уезде Кузнецке Саратовской области². В мандате, данном 22 сентября 1921 года ЦИК Туркестана, У. Альмухаммедов был направлен в поездку в Республику Башкортостан и поручил задание, привезти в Ташкент семьи лиц, работавших на ответственных должностях в крае³. В справке, выданной на имя Абдуллы Сафиуллина из Ферганского обкома партии 2 декабря 1921 года, отмечалось, что он работает на ответственной должности в Ходженте, и спрашивалось разрешение ЦК КП Туркестана для того, что бы привезти свою семью из России⁴.

¹ На самом деле это «представление» было далеко от реальности. Потому что народ Туркестана тоже пережил страшный голод в 1917–1919 годах, и по неполным данным от голода умерло около 1 миллиона, 1 миллиона 200 тысяч человек. См.: *Режаббоев Н.* Совет ҳокимиятининг Туркистондаги озик-овқат сиёсати ва унинг оқибатлари (1917–1924 йй.): тарих фан. фалсафа докт. (PhD) дис. автореферати, Тошкент, 2020.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 271. Л. 499.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 55. Л. 721.

⁴ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 281. Л. 184–185.

Видно, что те, кто активно работал в крае и хотел приехать в Туркестан, мобилизовали себя и свои семьи самыми разными путями.

Татары, действующие в крае, проделали большую работу по укреплению административной системы Туркестана. В частности, татары, работающие в административной системе Туркестана, находились в тесном контакте со своими земляками и соотечественниками, и, предлагали им работать в административной системой края: партийными и советскими работниками, издателями, сотрудниками типографий и прессы, военными и политическими работниками. Приглашение татар к участию в общественно-политической, военно-экономической, культурно-просветительской жизни страны было частым явлением в первые годы советской власти, особенно в период голода 1921–1923 годов в Поволжье и Приуралье. Поначалу татары, посланные в Туркестан по воле Центра, принимали активное участие в укреплении советской власти в крае, в культурно-просветительской сфере, в поднятии знамени «социалистической революции» на Востоке. Во время голода в Поволжье и Приуралье татары по собственному желанию, в рамках сотрудничества тюркских народов, посещали Восток, в частности, Туркестанскую, Бухарскую и Хорезмскую республики. С другой стороны, татары, работавшие в административной системе Туркестана, интересовались новостями в Татарстане и фактически поддерживали отношения со своей страной. Например, 22 июня 1920 года председатель Туркестанского ЦИК М. Бисеров подписал телеграмму, поздравляющую Республику Татарстан с получением статуса автономии. Тюрко-татарское педагогическое училище края также поздравляло татарский народ¹.

Таким образом, необходимо отметить, что специфическая мобилизация татар в Туркестан продолжалась. Существовали и другие формы мобилизации, выходящие за рамки административного аппарата Туркестана. Татары, работающие в Поволжье и Приуралье, пострадавших от голода, а также занимающие различные посты в партийных и советских учреждениях, искали

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 214. Л. 275, 280.

спасение в Туркестане, полагаясь на общую языковую, религиозную и культурную близость с местным населением. Этот процесс внешне соответствовал старым большевистским традициям, основывался на различных директивах, справках, мандатах и указаниях поволжских и приуральских партийных и советских структур, соответствуя идеям «пробуждения Востока». Тем не менее, помимо заботы о самих себе, татары стремились спасти свои семьи и близких от надвигавшегося голода. Переселение татар из регионов их проживания в более плодородные районы, включая Туркестан, поддерживалось руководством Поволжья и Приуралья. Сокращение численности «голодающих» позволяло хотя бы временно смягчить проблему нехватки продовольствия. К примеру, уже с середины 1921 года только из Самарской губернии в Туркестан в качестве квалифицированной рабочей силы и специалистов было направлено более 6 тысяч человек¹.

Следует обратить внимание, что участие татар в административной системе Туркестана значительно увеличилось с 1921 года. Можно утверждать, что значительная часть мобилизационных усилий в период 1921–1923 годов была нацелена на избежание последствий голода и поиск убежища. В 1921–1922 годах Туркестан превратился в своего рода «Землю обетованную» для сотрудников партийных и советских учреждений, оказавшихся в районах, пораженных голодом. Как упоминалось ранее, мобилизованные в Туркестан из центральных областей России, занимая различные должности, приглашали своих сослуживцев, родственников и знакомых переехать туда и работать в качестве «ценных кадров» в управлении регионом, особенно перед наступлением продовольственного кризиса или в годы голода. Например, Юмакаев, служивший секретарем в ЦИК Туркестана, 23 октября 1920 года отправил телеграмму своему земляку, уроженцу Уфы Мустакимову, в которой просил его прибыть в распоряжение Туркестанского ЦИК, ссылаясь на нехватку квалифицированных кадров и обещая создать благоприятные условия для жизни². На самом же деле приглашение

¹ Коммуна (Самара). 1921. 19 июля, 6 августа.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 214. Л. 322–323.

Мустакимова в Туркестан в качестве «ценного специалиста» было мотивировано стремлением помочь ему обрести убежище в этом регионе. Таким образом, в 1921–1923 годах плановые и внеплановые мобилизации из Поволжья в Туркестан существенно увеличились. Это объяснялось двумя основными причинами: с одной стороны, Центр был заинтересован в укреплении советской власти в Туркестане и направлял туда кадры для работы в военно-политической администрации региона, а с другой стороны, чиновники из голодающих районов России сами стремились покинуть эти места и искали спасения в Туркестане.

Голод в Поволжье вынудил людей организовывать так называемые «научные экспедиции», цель которых якобы состояла в изучении уникальных особенностей региона в поисках пропитания. Хотя вначале действительно предпринимались попытки провести исследования для более глубокого понимания Туркестана, позже под видом «научной деятельности» люди начали ездить туда ради приобретения продуктов питания для себя и своих семей. Например, 12 июня 1921 года руководитель отдела народного образования города Бузулук обратился в ЦИК Туркестана с запросом на разрешение экспедиции из 40 человек посетить Ташкент и Самарканд для изучения края ¹. Однако главной задачей этой группы из 40 человек было обеспечение продуктами питания, а не научная работа. В 1921–1922 годах количество подобных «экспедиций», изначально заявленных как исследовательские миссии, но фактически выполнявших задачи по обеспечению продовольствием, изучению условий жизни и возможностей трудоустройства, значительно выросло.

Важно отметить, что в процессе укрепления советской власти Центр активно привлекал татар для «кадрового обеспечения», особенно в управленческой сфере и в военно-политических вопросах. В свою очередь, татары, видя перспективы нового режима, преданно служили большевикам. Вместе с тем, стоит упомянуть, что М. Султан-Галиев в ноябре 1921 года отметил глубокое проникновение татар в состав военных подразделений Туркестана как количественно, так и в плане влияния.

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 930. I-й том. Л. 376–377.

Он писал, что «во время разгара гражданской войны на Восточном и Туркестанском фронтах число татарских красноармейцев составляло более половины всего состава, доходя в некоторых из них 70–75% <...>». «Каждая из отдельных татарских частей имеет свою историю, – писал он. – Достаточно здесь указать хотя бы на 1-ю Татарскую отдельную стрелковую бригаду, прошедшую всю Киргизию и Туркестан и участвовавшую в Бухарской революции, или Казанский отдельный татарский запасной батальон, давший за один год более 70 маршевых рот на один лишь Туркестанский фронт»¹.

Эти факты свидетельствуют о том, что Центр успешно реализовывал свою военно-политическую стратегию с помощью татар. Сами татары, и особенно их лидеры, такие как М. Султан-Галиев, верили, что они сыграют ключевую роль в распространении революции на Восток, освобождении тюркских народов, прекращении национальной дискриминации и предоставлении нациям права самостоятельно решать свою судьбу, и именно поэтому они с энтузиазмом способствовали распространению идей революции².

Стоит отметить, что татары, проживавшие в регионе, также активно участвовали в управлении Туркестаном. В частности, согласно анализу имеющихся исторических данных, татары – военные, политические, партийные и советские работники, действовавшие в Туркестане, считали своим долгом максимально привлечь расположение местного населения и способствовать функционированию советской власти в Туркестане, а подконтрольные им направления и организации. В дальнейшем они работали, не отступая от интересов центра. На всех собраниях партийные и советские работники, военные и политические работники Туркестана, все работники системы управления своими действиями и взаимодействием должны вызывать доверие к местному населению, не представлять себя «оккупантами», относиться к местному населению очень бережно, показав себя «освободителями от рабства. Необходимо было «все свои силы

¹ Султан-Галиев Мирсаид. Избранные труды. Казань: Гасыр, 1998. С. 360.

² Там же. С. 207–208, 215–224, 357–360, 368–373.

направить на строительство советского строя», – полагали они. Для этого, по их мнению, необходимо было «открыть глаза» восточным народам с помощью устной и печатной агитации¹. В итоге оказалось, что кадровая политика, которую проводили советские власти в административной системе Туркестана, не всегда учитывала интересы коренного населения. Во-первых, местные жители не полностью осознавали цели и задачи советского правительства. Во-вторых, менталитет местных жителей был далек от борьбы за абстрактное социалистическое общество.

Прибывшие из европейской части России чиновники, которым поручили управлять Туркестаном, не были знакомы с местной культурой, не знали условий жизни крестьян и, что самое важное, не владели их языком, что затрудняло установление тесных контактов с трудовым населением. Одновременно, представители коренного населения в начальные годы Советской власти оказались неспособны за такой короткий период усвоить все требования нового строя, стало очевидно, что они совершали значительные ошибки из-за недостатка подготовки².

В этих обстоятельствах стало необходимым привлечение татар, знакомых с языком и религией коренных жителей. Пока татары продолжали работать в управлении Туркестана, представители местного населения на собраниях региональных органов власти выражали недовольство исключением мусульман из кадрового состава. Так, 29 ноября 1919 года на заседании Туркестанского ЦИК Шакиров, выступая по вопросу увольнения Уринтоева, заместителя народного комиссара продовольствия, отметил, что этот случай выглядит как попытка отстранить всех мусульманских служащих. В ответ на возражение Шакирова председатель Туркестанского ЦИК Апин заявил: «В целом никто не пытается отеснить сотрудников-мусульман... [их] максимально подталкивают вперед, и они стараются набраться опыта во всех направлениях. государственного строительства, здесь Шакиров серьезно ошибается»³. Исторический анализ демон-

¹ Набат революции. 1919. 14 нояб.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 92. Л. 333.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 212. Л. 95, 97.

стрирует, что хотя русские и русскоязычные работники ключевых управленческих структур региона декларировали необходимость привлечения представителей мусульманского населения к руководству, на деле они стремились избегать этого. Если кто-то из них занимал должность, его могли освободить под различными предлогами – будь то происхождение из зажиточной семьи, якобы равнодушие к нуждам бедных или несоответствие политическим взглядам большевиков. Татары тоже использовались для проведения подобных мер против мусульманского руководства и в управлении регионом. К примеру, согласно данным от 17 июня 1919 года, Суфиходжа Ибрагимов был избран председателем Канибадамского волостного совета. Однако члены партии, состоявшей преимущественно из татар, добились его снятия с поста, утверждая, что он принадлежит к зажиточному классу и не отстаивает интересы бедняков¹.

Архивные документы показывают, что участие татар в системе управления Туркестана охватывало разные аспекты. Помимо участия в различных съездах региона, они занимались вопросами взаимодействия между мусульманским населением края и Центром, способствовали повышению культурного уровня местного населения с учетом его религиозных убеждений и менталитета, а также выполняли важную координационную функцию. Многие эмиссары Центра, контролирующие систему советского управления в Туркестане, не знали местных языков, тогда как значительная часть представителей коренного населения, работавших в административных структурах края, области и уезда, не владела русским языком. В этой обстановке использование татар в качестве устных и письменных переводчиков на разного рода собраниях оказалось крайне полезным. Кроме того, татары привлекались не только как переводчики, но и для работы в системе управления, включая руководство на областных, уездных и краевых собраниях и съездах. Для русских и русскоязычных участников собраний и съездов, а также для представителей местного населения татары были незаменимы, так как многие из них знали языки, религию, культуру и национальные особенности региона,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 51. Л. 195.

а также имели определенные знания русского языка и культуры, что оказывалось весьма полезным. В таких условиях привлечение татар к управлению считалось эффективным решением.

Например, 23 сентября 1920 г. на совещании под председательством И. Бирюшева обсуждался вопрос о землепользовании в Туркестане. Председатель, создавший возможность для высказываний различных взглядов по этому вопросу, дискуссий по поводу конфликтных ситуаций отношений к землепользованию, сам высказал и свое мнение по поводу использования вакуфных земель. В частности, Колчин, выступивший на заседании, выразил свое несогласие с мнением Спиридинова, т. е. о передаче государству вакуфных земель в Туркестане так же, как и земли, принадлежавшие монастырям в центральных губерниях России, были переданы государству. По мнению И. Бирюшева, прибыль от вакуфных земель было бы целесообразно направить на развитие культурно-просветительской деятельности в крае. И. Бирюшев, председательствовавший на заседании, поддержал мнение К. Отабаева и Султана Ходжаева относительно использования вакуфных земель для развития культурно-просветительской работы края, с пониманием относился к необходимости учитывать волю мусульманского населения и не идти против его менталитета¹.

Контроль над административной системой региона и подбор кадров, лояльных к советскому правительству, приобрели особое значение после приезда Туркестанской комиссии в ноябре 1919 года. Комиссия стала уделять пристальное внимание деятельности представителей местного населения и татар, работающих в системе управления. Известно, что в регионе начали активно действовать, опираясь на полномочия, предоставленные Турккомиссией, направленной из Центра.

Говорилось, что правление Туркестанского ЦИК, «почувствовав свое практическое бессилие <...> передало почти всю власть Турккомиссии и стало ее исполнительным органом. В начальный период своей деятельности [члены] Турккомиссии плохо понимали условия в Туркестане <...> запутались в местных

¹ НА Уз. Ф. Р. 17. Оп. 1. Д. 39. Л. 110–111.

отношениях», – стали жаловаться, у них [появилось] желание стать независимыми от РСФСР. Началась открытая, а иногда и тайная вражда мусульманских лидеров с центральной властью». «Националисты» во главе с Т. Рыскуловым сообщили Центру, что Турккомиссия и Реввоенсовет, «делающие погоду» в Туркестанской системе управления, не учитывают положение края. В докладе, представленном Туркестанским ЦИК на IX сессии советов края, Т. Рыскулов выступил с критикой деятельности группы мусульман, и доложил, что они не «изъявляют настроений всех жителей края... [эта группа] состоит из мусульманской интеллигенции, купцов, переводчиков (имелись в виду татары. – *Авт.*), и занимают высшие должности»¹.

Приведенная информация свидетельствует о том, что Турккомиссия изначально слабо ориентировалась в условиях региона. Она пыталась найти компромиссы, поскольку в системе управления Туркестана перед русскими и русскоязычными стояла важная задача пропагандировать и объяснять цели и задачи нового режима среди местного населения, подчеркивая, что избавление восточных народов от вековой отсталости являлось одной из приоритетных задач большевистской политики. Однако существовали определенные трудности. Хотя некоторые руководители системы управления были готовы следовать указаниям партии и советской власти в интересах Центра, они не всегда понимали специфику условий в Туркестане и менталитет его населения. Тем не менее, они активно участвовали в митингах, агитационных кампаниях и партийных собраниях региона, призывая служить примером в укреплении советской власти и выполнении задач, поставленных партией. Например, член Турккомиссии Голощекин в своем выступлении на V партконференции Туркестанского края затронув общественно-политическую ситуацию в крае доложил: «Туркестан – не колония <...>. Составная часть России. Пролетариат должен заслужить доверие мусульман. Мы должны попытаться добиться перемен посредством [не принятия] резолюций на митингах, а положив конец национальной враждебности и недоверию к нам. Поскольку мы не знаем

¹ НА Уз. Ф. Р. 17. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–25.

языка и образа жизни жителей края, мы не можем быть активными борцами. Мы можем только помочь им развиваться»¹.

В начале советской эпохи политика Центра в отношении восточных тюркских мусульман оставалась практически такой же, как при царском режиме. Советская власть пыталась облечь свои действия в идеологические одежды, используя лозунги о вековой борьбе за освобождение угнетенных народов, достижении равенства и справедливости, а также пыталась прививать им социалистическое мировоззрение. Центр прилагал усилия для сохранения контроля над управлением отдаленными регионами, такими как Туркестан. Изучение публикаций в центральной российской прессе того периода свидетельствует о том, что большевики подчеркивали трудности управления этими территориями и обращали особое внимание на тех, кто работал на Востоке. К примеру, в одной из статей говорилось, что «...основу большинства униженного населения здесь (в Туркестане. – *Авт.*) составляют узбеки, кыргызы (казахи), таджики, туркмены. Наша главная цель – избавить эти народы от угнетения, вывести их на свет, сделать своими союзниками, превратить из колониальных животных в друзей <...> только тогда у нас могут быть крепкие связи и тогда мы сможем говорить о богатстве этих стран. Необходимо работать так, чтобы жители этих мест видели в нашем образе друзей. Это самое главное, [но] ничего не сделано»².

Такой подход Центра и Турккомиссии к Туркестану постепенно стал меняться. Например, в телеграмме, разосланной ЦК РКП(б) всем партийным комитетам 1 июня 1920 года, были даны указания относительно работы среди народов Востока, а также обращено внимание на то, как вести себя на местах в сложных и противоречивых условиях. В частности, говорится, что при работе среди народов Востока необходимо учитывать то, что они еще находятся на стадии «развития сознания» и что у них приоритетны религиозно-национальные особенности. Необходимо внимательно подойти к устранению специфических религиоз-

¹ Известия Турк ЦИКа. 1920. 24 янв.

² Жизнь национальностей. 1920. 18 апр.

ных и национальных особенностей мусульманских народов, поскольку при развитии панисламизма у восточных народов внимание акцентируется на необходимости отделения от влияния тюрков и афганцев. Следует отметить, указанно в телеграмме, необходимо уделить внимание развитию национальной культуры восточных мусульманских народов, создать условия для развития их литературы и развития их национальных школ, но в то же время отмечалось, что их следует контролировать, чтобы они «не попадали под [сферу влияния] экономически и культурно превосходящих татарских националистов <...> мусульмане не должны оставаться под татарской гегемонией»¹.

Власти осознали, что с середины 1920-х годов возникла явная угроза усиления влияния татар в административной системе Туркестана. Центр и его представители в местных органах управления начали активизировать меры, направленные на защиту своих интересов. Этот процесс отражался на всех съездах, конференциях и совещаниях, проводимых на краевом, областном и уездном уровнях. Так, в сентябре 1920 года на IX съезде Советов Туркестана делегация Центрального исполнительного комитета края обратила внимание на сохраняющиеся трудности в построении советской власти на местах. Было отмечено, что, несмотря на приход к власти большевиков, отношение к мусульманскому населению осталось прежним, как и в период царской России. Мусульмане настороженно относились ко всем новым событиям, а смысл «социалистической революции» был непонятен местным жителям. Также отмечалось, что в ряде случаев «русский пришелец» (русские и русскоязычные. – *Авт.*) продолжал эксплуатировать местное население, превращая лозунги социальной революции в инструмент своей выгоды. Было сказано о том, что конфликт между ними и местными жителями продолжался. Они были разделены на две политические группы: колонизаторы и националисты. Среди последних выделялись местные интеллектуалы и переводчики (преимущественно татары. – *Авт.*)².

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 17. Л. 20; Д. 32. Л. 217 с об., Л. 238 с об.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.

Одной из особенностей кадровой политики в системе управления Туркестана было то, что главную роль в партийных, советских, военно-политических и властных органах играли русские и русскоязычные, не зная условий, культуры, языка, религии и национального духа местного населения. Шеркузиев, член ЦИК Туркестана, на основе анализа социально-экономической, военно-политической обстановки в городе Коканде, в своем докладе от 1 июля 1922 года о создании органов советской власти на местах, большевистского правления, советское строительства со стороны ЦИК края заявил: «Незнакомый с местными обычаями, не понимающий условий трудолюбивого дехканина и, главное, не зная местного языка, присланный европейский персонал не может иметь тесного контакта с трудящимся населением»¹.

Такое положение в административной системе края можно было наблюдать во всех областях и уездах. Сами большевики, «модель» советской власти усваивали по ходу дела и, ведя пропагандистскую работу за новую самопровозглашенную «справедливую и благополучную жизнь», способствовали возникновению многих ошибок, недоразумений и конфликтов. Идеи большевиков – русских и русскоязычных в системе управления о социалистическом обществе, их теоретические наблюдения по этому поводу и их практические шаги не всегда были пропорциональны. Более того, в таких условиях те, кто взял на себя руководство в построении советской власти, не имели прочных позиций в системе самоуправления, и проблемы, возникающие в нахождении точек соприкосновения с местным населением в этом отношении явились основой для негативных последствий на практике.

По мнению члена Туркестанского ЦИК Шеркузиева, строительство и укрепление советской власти в Коканде и окрестных селах не имело большого успеха. Помимо упомянутых выше причин, «местное население в течение короткого времени не смогло освоить правила советского строительства <...> плохая подготовка их к этим работам, приводит к злоупотреблениям властью и совершению больших ошибок... [в конечном итоге] это очень плохо влияет на моральное состояние работающего

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 92. Л. 333.

населения. Он указывал, на плохое воспитание красноармейцев... что, красноармейцы не умеют тесно взаимодействовать с местным трудящимся населением¹.

Татары оказывали как прямое, так и косвенное воздействие на разные аспекты управленческой системы. В частности, они занимали ключевые должности в редакциях газет и журналов, а издания на узбекском языке подвергались определенной «татаризации». Большая часть материалов этих изданий создавалась татарами, и хотя газеты печатались арабским шрифтом, статьи содержали множество терминов и выражений на татарском и русском языках вместо узбекского. Например, 8 июня 1924 года в обращении к комиссии по передаче местных дел коренным жителям при исполкоме Ферганской области упоминалось письмо некоего Мухаммаджанова и других мусульманских служащих, адресованное заместителю председателя Андижанского уездного исполнительного комитета Мусину. Письмо было опубликовано 30 мая в газете «Фергана» под заголовком «О национализации». В нем говорилось, что несмотря на использование казалось бы местного языка, отмечалось, что «но при ближайшем рассмотрении оказывается, что только буквы написаны мусульманским письмом, а слова и фразы – на татарском и русском языках <...>. Если это письмо мусульманского персонала написано серьезно. Это показатель того, что они (сотрудники-мусульмане. – *Авт.*) совершенно не умеют писать на местном языке, возможно, они европейские татары»².

В письме также отмечалось, что те, кто плохо знает местные языки (имеется в виду татары. – *Авт.*), работают на ответственных должностях, «показывая, что они не подходят к занимаемым должностям, [они] должны быть немедленно уволены с ответственных должностей и заменены людьми, владеющими местными языками»³.

В ответ на эти возражения в постановлении ЦИК Туркестана от 29 августа 1923 года указывалось, что в это время дано

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 92. Л. 333.

² ГАФО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 25. Л. 115.

³ ГАФО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 25. Л. 115.

указание заменить должности в советском аппарате местного управления кадрами-мусульманами, и целью этого было приблизить советский управленческий аппарат края к местному населению. В административный аппарат Туркестана также могут быть «вовлечены представители местного населения и европейцы, владеющие местными языками. Для этого неважно, кто служивит в [правительственном] аппарате... [они] должны достаточно свободно владеть устной и письменной речью... зная местные языки, они смогут работать на этих [языках] с большим потенциалом»¹.

Исходя из этих требований, по-прежнему использовались татары, владеющие языками местного населения, имеющие определенный опыт работы в системе управления, обладающие организаторскими способностями. Например, в 1924 году Хадича Набиуллина работала заведующей женотделом города Самарканда², а Мирзакул Таиров в 1924 организатором и экскурсоводом в исполкоме Самаркандского уезда³. Гумар Гиреевич Мангушов был одним из тех, кто обладал организаторскими способностями при такой системе управления. Будучи гидом-информатором исполкома Самаркандского уезда, согласно мандату, данному на его имя 17 августа 1924 года, был мобилизован во все волости Самаркандской области, и ему было поручено всесторонне изучить местные волостные исполнительные комитеты и сельсоветы, давая им инструкции по ведению работы. В этом мандате все областные начальники милиции, волостные исполкомы и коммунистические отряды обязаны были оказывать всестороннюю поддержку Г.Г. Мангушеву⁴.

Примеры демонстрируют, что с 1923–1924 годов в привлечении татарских кадров к управлению произошли изменения в пользу представителей местного населения. Акцент стал делаться на работников, участвующих в управлении и являющихся выходцами из местных сообществ. Помимо этого, следует учесть, что татары, мобилизованные из Поволжья и Приуралья

¹ ГАФО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 25. Л. 115 с об., 117 с об.

² Государственный архив Самаркандской области (ГАСО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

³ ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 9. Л. 93.

⁴ ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 9. Л. 59.

в Туркестанскую АССР, БНСР, ХНСР, несмотря на глубокое понимание языка, религиозных и культурных особенностей местных народов, испытывали затруднения в адаптации к специфике местного управления и не всегда могли установить контакт с населением, найти «общий язык». Таким образом, далеко не все татарские специалисты, направленные Центром, смогли успешно реализовать свой потенциал в условиях местной системы управления. В связи с этим Т. Рыскулов раскритиковал деятельность ЦК КОНВ и его председателя Мирсаида Султан-Галиева, заявив, что «на практике представителей Востока не было <...> были только татарские служащие из центральных [губерний] России», а сам Султан-Галиев и татарские сотрудники не знали быта, менталитета и обычаев народов Востока. В продолжение своих слов он отметил: «Я не хочу сказать, что татарские работники не имеют репутации на Востоке или являются плохими работниками <...>. На Востоке, особенно в Туркестане <...> можно сказать, что ряд татарских чиновников допустили ошибки, и если [об этом] спросить жителей Бухары или Хорезма <...> отношение к ним (татарам. – *Авт.*) везде отрицательное»¹.

Очевидно, что местные жители и национальная интеллигенция были прекрасно осведомлены о социально-политической, экономической, военной и культурной обстановке в Туркестане. Часть кадров, направленных из центра, не владела языком, религией, историей и культурой местных народов, и потому действовала вслепую, полагаясь лишь на интуицию и опыт, накопленный в центральных регионах России. Даже татары, имеющие общие корни с народами Туркестана в плане языка, религии и культуры, оказались недостаточно знакомы с местными условиями и менталитетом. Однако важно подчеркнуть, что в первые годы советской власти Центр делал ставку именно на русских и русскоязычных, а также на татар и башкир, продемонстрировавших свою приверженность строительству советского общества, в управлении Туркестаном, в то время как привлечение местной интеллигенции оставалось второстепенной задачей.

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М.: Инсан, 1992. С. 24.

Можно выделить несколько причин этого:

1. Ставка на русских и русскоязычных. Центр предпочел делать упор на русских и русскоязычных в системе управления Туркестаном;

2. Проблемы с системой управления. Из-за трудностей в понимании языка, религии и культуры местного населения советское руководство посчитало целесообразным привлекать татар, преданных революционным идеалам;

3. Отсутствие подготовленных местных кадров. В первые годы Туркестану не удавалось найти достаточное количество местных кадров, «пропитанных духом революции», чтобы включить их в систему управления;

4. Опасения утраты контроля. Передача управления краю местным кадрам рассматривалась как потенциальная возможность вывода Туркестана из-под контроля Центра;

5. Распределение должностей. Наиболее значимые и ответственные посты в системе управления оставались за русскими и русскоязычными, татары занимали средние позиции в исполнительных органах, тогда как на низовые должности привлекались представители местных национальностей.

Не отрицая важности использования татар в условиях Туркестана, Т. Рыскулов выступал за акцентирование внимания на роли местных кадров в управлении краем. В связи с этим он выразил свое отношение не только в отношении русских и русскоязычных кадров, но и в отношении татар, которых привлекают на ответственные должности, отмечая, что «даже если тому или иному татарскому работнику рекомендуют [работать с ним] с хорошей точки зрения, на ответственных должностях в крае, системе управления, противники ему найдутся, потому что они (татары. – *Авт.*) формировались в русской среде и не понимают условий на Востоке»¹.

В завершение необходимо подчеркнуть, что «мобилизация кадров» Центра в Туркестан представляла собой сложный и неоднозначный процесс. Первоначально татары из центральных

¹ Тайны национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М.: Инсан, 1992. С. 24.

регионов России были направлены в Туркестан для распространения «революционных идей» на Востоке, укрепления системы управления советской властью, стабилизации общественной и политической жизни в крае, а также проведения реформ в интересах Центра. Эти мобилизованные кадры активно участвовали в строительстве общества согласно своему теоретическому представлению и укреплении советской власти в регионе. Вместе с тем, последующие волны «мобилизации татар», начиная со второй половины 1921 года, были вызваны необходимостью спасения от голода в Поволжье и поиска убежища в крае. Однако даже эта миграция сопровождалась революционной риторикой, такой как «пробуждение Востока» и «служение революции». Важно отметить, что этот процесс был обусловлен социально-политическими и экономическими обстоятельствами начала 1920-х годов. Более того, ситуация, созданная татарами в Поволжье, использовалась для «революционизации» Востока. В итоге от попыток построить «справедливое» общество больше всего пострадали сами татары. Те, кто прибыл в Туркестан, спасаясь от нехватки продовольствия в России, не учли местных условий и проводили экономическую политику, основанную на насилии, которая шла вразрез с традициями местного населения, а также вели пропаганду, несоответствующую реальным условиям региона.

III глава

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕЛА И МУСУЛЬМАНСКОЕ БЮРО В ТУРКЕСТАНЕ. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ПРЕССА

3.1. Татары в Народном комиссариате по национальным делам Туркестана

Для многонационального государства, каким являлась РСФСР и ее окраины, национальный вопрос имел первостепенную важность, однако его решение сопровождалось многочисленными конфликтами и трудностями. Большевики, придя к власти, провозгласили намерение решить эту проблему через предоставление права на национальное самоопределение и даже возможность создания независимых государств.

В условиях правления Российской империи национальный вопрос был сложным и противоречивым, а территории, населенные нерусскими народами, были искусственно разделены на области, губернии и генерал-губернаторства. Временное правительство и его Временный комитет Туркестанского управления не поставили национальный вопрос на повестку дня, увязнув в решении таких задач, как внедрение новой системы управления, решение экономических, военных, культурно-просветительских вопросов, обеспечение продовольствием населения. Но национальные движения в некоторых местах давали свободу в работе по созданию обществ.

Перед советской властью стояла задача освободить народы, десятилетиями лишенные прав, вести их к построению «социалистического общества» и к благополучной жизни. Для справедливого решения национального вопроса, доставшегося в наследство от Российской империи, 26 октября (8 ноября) 1917 года

на II съезде Всероссийского совета советская власть создала особую систему управления в этом отношении, т. е. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (НКДН). Перед НКДН России стояла задача по привлечению к строительству советской власти трудящихся края и провести среди них пропагандистскую работу о целях и задачах советской власти и строительстве национального государства¹.

В связи с этим в апреле-мае 1918 года образовали Народный комиссариат по делам национальностей Туркестана (НКДН). Туркестанский НКДН должен был следить за правильным проведением советской властью национальной политики и служить тем самым интересам всех народов². Народным комиссаром по делам национальностей Туркестана был назначен С. Ашурходжаев. В то же время по приказу НКДН Туркестана от 31 июля 1918 г. на основании радиограммы, отправленной ВЦИК 17 июля 1918 г., предписывалось создать местные отделы по национальным вопросам. В результате к осени 1918 г. в 5 областях и 27 уездах Туркестана были образованы национальные отделения НКДН края³. В инструкциях, данных НКДН Туркестана руководству всех областей и уездов-городов, запрашивалось содействие в практической деятельности, в организационных вопросах вновь созданных отделов национальных дел⁴. На местном уровне большинство национальных отделений возглавлял представитель местной нации⁵.

Устав Туркестанского НКДН был принят 10 августа 1918 года. В данном Уставе было предписано образовывать коллегии,

¹ Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: ист. очерк. М.: Наука, 1987. С. 7–8.

² Саитова К. История национальных меньшинств Узбекистана (1917–1990 гг.). Ташкент: TURON-IQBOL, 2021. С. 41–42.

³ Макарова Г.П. Указ соч. С. 26.

⁴ НА Уз. Ф. Р.36. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.

⁵ Некоторые из тех, кто руководил местными отделами Туркестанского НКДН, не знали языков и социальных условий коренных народов края. Татары же напротив, знали язык, религию, культуру, образ жизни народов края. См.: Камиллов А.А. Деятельность Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР по решению национальных проблем в Туркестане: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Андижан, 1993. С. 18.

состоящие из представителей каждой национальности для защиты интересов всех коренных жителей, проживающих в крае¹. Из-за отсутствия опытных кадров, а также отсутствия регулярной связи с Центром организационная структура Туркестанского НКДН формировалась до ноября 1918 года. Именно по этой причине в редакции Устава Туркестанского НКДН за 1919 год при наркомате, помимо издательского, пропагандистского, статистического и вакуфных отделов, были образованы узбекские, таджикские, туркменские, кыргызские, татарские, украинские, еврейские, армянские и др. секции (отделы)². Среди упомянутых секций (отделов) татарская отличалась от других секций (отделов) своей ролью и сферой деятельности в НКДН края. Если в 1918–1919 годах дела всех национальностей велись как секция-отдел при НКДН Туркестана, то в 1921–1922 годах осталось только три: узбекская, кыргызская, туркменская секции, а остальные коллективно назывались «Секция национальных меньшинств». В свою очередь, «Секция национальных меньшинств» разделилась на две части: коренные, затем восточную, европейскую и через некоторое время западную. В «Отделе национальных меньшинств» имелись следующие секции: Таджикская, Татарская, Ирано-Азербайджанская, Дунганская, Таранчинская, Латышская, Польско-Литовская, Украинская, Армянская, Корейская, Еврейская, Немецкая³.

Согласно архивным источникам, Туркестанский НКДН начал свою деятельность в мае 1918 года и быстро приступил к разработке Устава наркомата. Татарский отдел также приняло активное участие в создании Устава, что являлось одной из важнейших задач, стоящих перед отделами НКДН на уровне края и на местах. В частности, создание НКДН в Туркестане, предусматривали – укрепление советской власти на местах, среди народов этого многонационального края, изучение и развитие межнациональных отношений, культуры, традиций и системы

¹ Наша газета. 1918. 23 авг.

² Наша газета. 1919. 8 февр.

³ Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР 1917–1923 гг.: Исторический очерк. М.: Наука, 1987. С. 20–21.

образования каждого народа. 3 июня 1918 года комиссар НКДН С. Ашурходжаев выступил с докладом по вопросу Устава Туркестанского НКДН и отметил, что она состоит из 8 статей. По существу Устава, бросается в глаза, что готовился он очень быстро и поспешно. В частности, было решено избирать главу НКДН Туркестана – многонационального региона – на собрании рабочих-солдат, дехкан и мусульманских депутатов края. Отмечалось также, что коллегия комиссаров будет избираться только от двух политических партий: большевиков и эсеров, то есть предрасположенных к советской власти. В комиссариате будет иметь право голоса по одному представителю от каждой нации Туркестана. Несоответствия в Уставе НКДН Туркестана, такие как выборы комиссара, отдавать приоритет только двум политическим партиям в составе коллегии, представительство одного кандидата от каждой нации, независимо от их количества, решения, принятые на основе коллегиального обсуждения, могут быть изменены или отменены комиссаром, если оно будет признано противоречащим интересам советской власти, указывает на то, что принятый документ не был полностью сформирован¹.

Устав НКДН, принятый очень быстро и поспешно, на практике, должен был сыграть важную роль в координации национальных вопросов и межэтнических отношений в крае в первые годы советской власти. Потому что население края многонационально, и в ее системе управления: общественно-политической, экономической, военной, культурной и образовательной жизни участвуют не только представители коренного населения, но и приехавшие в Туркестан по разным причинам и сыгравшие важную роль русские, армяне, евреи, татары, башкиры и другие. На основании этого координация участия разных национальностей в системе управления Туркестаном десятилетиями попиралась Российской империей. Для защиты интересов коренного населения в Государственной Думе России, в системе местного самоуправления, пережившей некоторые ограничения в правовых и культурно-просветительских отношениях, в 1918 году был создан Народный комиссариат по делам национальностей

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 4. Л. 46, 74 об.; Д. 10. Л. 92.

(НКДН). НКДН края начавший свою деятельность в составе СНК Туркестана, должен был работать на этой основе, разрабатывая соответствующие положения и указания в реализации поставленных перед собой целей и задач. Учитывая эти цели, в июне 1918 года наскоро был принят Устав. Согласно принятому Уставу Туркестанского НКДН, среди основных задач определены следующие:

1. Защита интересов народов Туркестана, реализует принципы советской власти в жизнь;
2. При комиссариате будут созданы центральные управления каждой нации;
3. В отделах каждой национальности будет сформирована должность заведующего. Каждый заведующий национальности в то же время будет являться членом коллегии комиссаров;
4. При комиссариате будут следующие отделы: издательство; 2) издавать газету каждой нации, по мере возможности; 3) издание революционной, социалистической литературы; 4) пропаганда; 5) управление вакуфным имуществом ¹.

Сразу заметно, что Устав Туркестанского Народного Комиссариата по делам национальностей был составлен в сжатые сроки и не охватывал весь спектр задач, стоящих перед комиссариатом. Этот документ вскоре стал объектом критики со стороны татарских просветителей и национальной интеллигенции разных народов. В процессе критики Устава, подготовленной под руководством Туркестанского НКДН С. Ашурходжаева, отмечалось, что приоритетом должно стать уделение внимания интересам коренных народов края, тюрко-мусульман, а не приоритету Центра. В ходе деятельности Туркестанского НКДН, начавшего свою деятельность на основании этого Устава, стало очевидным, что необходимо создать отделения, связанные с другими национальностями. Также выяснилось, что данный Устав не отвечает требованиям времени: правам и интересам наций в общественно-политических, военно-экономических, культурно-образовательных процессах, происходящих в крае. Теперь, ис-

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 356. Л. 14 с об.

ходя из требований времени, создана комиссия¹ по разработке новой редакции Устава Туркестанского НКДН под руководством татарина Г. Шагидуллина. В состав комиссии были включены и представители узбекской, татарской, армянской, русской и других национальностей. Целью включения представителей разных национальностей было учесть интересы народов края при пересмотре Устава комиссариата. Помимо Велунца, Сушинского, Адамова, Норботабекова, Мухитдинова в состав комиссии входили также, И. Шагиахмедов, Абдурашитов, Сайдуллин, Шагидуллин и Салагаев, принадлежавшие к татарской национальности. В основном они выражали свои взгляды на образ жизни, права и интересы мусульман края. На первом заседании комиссии, состоявшемся 13 апреля 1919 года, адвокату И. Шагиахмедову было поручено подготовить отдельный письменный отчет по поднятому им вопросу и включить его в новый проект Устава комиссариата. В письменном отчете И. Шагиахмедову за основу следует принять следующее:

- Освещение целей и задач НКДН Туркестана.
- Координация деятельности всех существующих наркоматов края².

На данном собрании И. Шагиахмедов, Норботабеков, Шафигуллин и другие спорили с другими членами комиссии о правах и интересах мусульман, проживающих в крае, и защищали интересы местной нации.

Новый состав Туркестанского НКДН, созданного 3 января 1919 года, был несколько расширен, в него вошли следующие национальные отделы:

¹ Эту комиссию возглавил Г. Шагидуллин, член Татарской секции Туркестанского НКДН. Комиссия работала с 13 апреля 1919 г. по 27 июля 1919 г. За прошедший период было проведено 23 собрания. С 1 августа 1919 года комиссия по разработке нового проекта Устава под руководством Г. Шагидуллина стала действовать под названием «Комиссия по разработке руководящих указаний при Туркестанском НКДН». Комиссия под председательством Г. Шагидуллина разработала соответствующие методические рекомендации для «Отдела правоповедения», «Вакуфного отдела» и других. См.: НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 66–68; Д. 26. Л. 333 с об.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 6 с об.

1. Абдулла Авлони – заведующий отделом узбекской нации.
2. Шакиров – заведующий отделом афганской нации.
3. Ахмед Донской – заведующий отделом татарской нации.
4. А. Кравчук – заведующий отделом украинской нации.
5. С. Велунць – заведующий отделом армянской нации.
6. Ермолов – заведующий отделом русской нации.
7. Саматов – заведующий отделом таджикской нации.
8. Худжамкулов – заведующий отделом кипчакской нации.
9. Курбанов – заведующий отделом персидской нации.
10. Ахунов – заведующий отделом дунганской, таранчинской, кипчакской нации.
11. – заведующий отделом туркменской нации.
12. Кочиринер – заведующий отделом еврейской нации.
13. – заведующий отделом кыргызской (казахской) нации¹.

Первоначально в Туркестанском НКДН работало всего 5 человек из Татарского отделения, но по состоянию на 21 февраля 1919 года их было 14 человек:

1. В. Галямов	8. Ибрагимов.
2. Х. Бурнашев	9. К. Бакиров
3. З. Юсупова	10. З. Насибуллина
4. Ю. Насибуллин	11. Я. Мансуров
5. С. Ибрагимов	12. М. Эфендиев
6. Х. П. Юсупов	13. Шокиров
7. Абдурашидов	14. Г. Юнусов ²

Создание новых национальных отделений в составе Туркестанского НКДН вновь поставило на повестку дня необходимость пересмотра Устава. Еще до принятия Устава Туркестанского НКДН, начинающий свою практическую деятельность в новом порядке и попутно совершенствующий свой опыт, в начале 1919 года принял «Устав о Наркомате по делам национальностей в Туркестане», и в целях обеспечения того, чтобы национальные и межэтнические отношения функционировали на основе системных правовых и нормативных документов на

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–1^А.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 117–118 с об.

местах, были разработаны «Инструкции о создании отделов по национальным делам на местах». И. Шагиахмедов и Г. Абдурашидов также приняли активное участие в разработке вышеупомянутого Устава¹.

В феврале 1919 года была создана комиссия для устранения недостатков «Устава о Наркомате по делам национальностей Туркестана», которое было опубликовано в газетах «Иштирокиюн» и «Наша газета» и доведена до местной и русскоязычной общественности края и 13 апреля 1919 года провели совещание с Велунцом, И. Шагиахмедов, Мухитдиновым, Сушинским, Адамовым. Сравнивая проект «Устава Туркестанского НКДН» действовавший до сих пор и представленный Мухитдиновым проект «Устава», комиссия стала сравнивать один за другим на основе соответствующих статей, акцентируя внимание на необходимость учитывать интересы всех народов. И. Шагиахмедов в новом «Уставе» выдвинул следующие предложения:

1. Все законы, принимаемые в крае, если они касаются той или иной национальности, должны издаваться только по согласованию с Наркоматом по делам национальностей Туркестана.

2. Принятые законы в Туркестане должны учитывать национальную психологию, особенности воздействия на нее.

3. Тот или иной проект закона по Туркестану должен быть рассмотрен Наркоматом по воздействию на быт, экономику, культуру и другое, исходя из его целесообразности или нецелесообразности².

Следует отметить, что И. Шагиахмедов как юрист сыграл большую роль в совершенствовании новой редакции Устава Туркестанского НКДН. В частности, он вместе с другими татарами входил в состав комиссии и вместе с представителями других национальностей высказывал свои взгляды и предложения на благо мусульманских народов. Например, 19 апреля 1919 года И. Шагиахмедов высказал мнение о важной роли членов коллегии издательского отдела по новой редакции Устава. Находя целесообразным, чтобы они состояли из тех, кто занимается постоянной деятельностью, и тех, кто приглашен, он высказал

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 17 с об.

необходимость изменить наименование членов коллегии на редакцию, а ее членов на литературных сотрудников. Комиссия рассмотрела вопрос гражданства, сосредоточив внимание на поиске решения вопроса в правовых рамках, а не на «просто подходе» к нему. В частности, И. Шагиахмедов обращает внимание на то, что до сих пор полномочия по предоставлению гражданства находились в распоряжении Наркомата иностранных дел, а теперь он подчеркивает, что необходимо достичь соответствующего соглашения о праве на предоставление гражданства в Туркестанский НКДН. Иными словами, по мнению И. Шагиахмедова, Туркестанский НКДН должен договориться с Наркоматом иностранных дел Туркестана о том, чтобы взять на себя полномочия по предоставлению гражданства. Предусматривалось, что такой порядок станет правовым основанием для предоставления гражданства в одном из двух наркоматов¹. В свою очередь Туркестанский НКДН счел обоснованным предложения и замечания, выдвинутые Комиссией по пересмотру Устава о наркомате, комиссариат счел целесообразным отразить в своем новом Уставе следующее:

1. Туркестанский НКДН должен учитывать национальный дух в своих целях и задачах.

2. Необходимо добиться координации действий при обсуждении законопроектов с другими наркоматами края.

3. НКДН должен учитывать особенности каждой нации при осуществлении тех или иных мер².

В НКДН Туркестана комиссия, возглавляемая Г. Шагидуллиным, активно занималась не только пересмотром Устава о наркомате, но и разработкой других Положений и Указаний. Все усилия председателя комиссии направлены в интересах новой системы, не навредить тюрко-мусульманскому народу, проживающему в крае, а наоборот, принести пользу.

Имеющиеся архивные источники свидетельствуют, что в рамках усилий НКДН Туркестана, И. Шагиахмедов, Норбо-табеков, Г. Шагидуллин и другие обсуждали права и интересы мусульман, проживающих в крае, в соответствии с вновь пе-

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 46 с об.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 17 с об.

решенным Уставом НКДН Туркестана и вступали в спор с другими членами комиссии. Например, на заседании комиссии 19 апреля 1919 г. рассматривался вопрос о вакуфе, уделялось внимание вопросу о переходе вакуфного имущества советской власти. Вопрос о владении имуществом вакуфного фонда был признан крайне деликатным, поскольку он тесно связан с нормами шариата, поэтому было решено проявлять особую осмотрительность при рассмотрении подобных тем. В результате поспешное утверждение законопроекта о вакуфе посчитали преждевременным, и документ передали всем членам комиссии для детального изучения с последующим обсуждением¹.

24 июня 1919 года усилиями татарских чиновников, работавших в Туркестанском НКДН, в частности Г. Шагидуллиным, НКДН Туркестана направило письмо комиссару народного просвещения края, в котором подчеркивалось, что для управления отделом вакуфа при наркомате необходим человек, разбирающийся в делах вакуфа, умеющий распоряжаться имуществом вакуфа. Исходя из этого, НКДН Туркестана считает целесообразным назначить на должность заведующего С.Г. Еникеева, хорошо знающего менталитет и религию местного населения, вместо Фрея, работавшего заведующим вакуфным отделом. 24 июня 1919 года татарские чиновники, работающие в Туркестанском Народном Комиссариате по делам национальностей (НКДН), включая Г. Шагидуллина, направили письмо краевому народному комиссару просвещения. В письме отмечалась необходимость назначения на пост руководителя отдела вакуфа при Наркомате специалиста, обладающего глубокими знаниями в вопросах вакуфных дел и способного эффективно управлять имуществом вакуфов. Исходя из этого, Туркестанский НКДН предложил кандидатуру С.Г. Еникеева, который хорошо знаком с менталитетом и религиозными особенностями местного населения, на замену Фрею, занимавшему ранее эту должность².

14 августа 1919 года С.Г. Еникеев, занявший новую должность, доложил, что устав об управлении вакуфным имуществом был переведен на «мусульманский язык» и отредактирован

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 373, 383.

литературным переводчиком. Комиссия под председательством Г. Шагидуллина одобрила эти изменения¹.

Политика советских властей, особенно их вмешательство в дела имущества вакуфов, не позволила С.Г. Еникееву долго оставаться руководителем отдела вакуфов. 7 ноября 1919 года в своем обращении к краевому наркому по делам национальностей С.Г. Еникеев сообщил, что в ходе выполнения служебных обязанностей у него возникли разногласия с сотрудниками финансового отдела комиссариата. Он подчеркнул, что делает все возможное для защиты интересов своего ведомства, и попросил освободить его от занимаемой должности ввиду несогласия с действиями, направленными против интересов отдела вакуфа и Узбекского отдела².

Комиссия, возглавляемая Г. Шагидуллиным, рекомендовала привлечь А. Диваева к работе в управлении издательскими и литературными вопросами Народного комиссариата по делам национальностей Туркестана. Отмечалось, что его участие будет полезным для решения стоящих перед управлением задач. Также председателю комиссии Г. Шагидуллину было поручено пригласить для сотрудничества в данных вопросах С.Г. Еникеева³.

Татарский отдел при НКДН Туркестана занимался реализацией комплексных организационных вопросов, связанных с налаживанием культурно-просветительской деятельности в крае, функционированием местных библиотек в целях повышения внимания к чтению книг среди тюрко-мусульманские народов. Активные усилия Г. Абдурашитова, члена коллегии Туркестанского НКДН, заведующего Татарским отделом, переговоры и взаимодействие с лицами в системе управления советской власти начали приносить свои плоды в организации местных библиотек. Г. Абдурашитов поднимал вопрос о создании библиотеки на нескольких заседаниях Туркестанского НКДН, отмечая, что дома просвещения важны для тюрко-мусульманских народов и молодого поколения растущего нового общества. Первоначально вопрос о создании отдельной татарской библиотеки в Ташкенте и ее финансирова-

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 74.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 600–601 с об.

³ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 39–48.

нии несколько раз включался в повестку дня заседания комиссариата членом коллегии Г. Абдурашитовым. Как член коллегии комиссариата он обратил внимание на то, что использование татар имеет большое значение при проведении пропагандистской работы в местных воинских частях. На заседаниях НКДН говоря, что татары, работающие в Туркестанском крае, лучше знают узбекский язык, обычаи, историю, менталитет, общественно-политическую ситуацию, чем татары в Москве, он отмечал следующее: «В Москве вся [существующая] литература на татарском языке, и это не подходит Туркестану <...> необходимо организовать издание красной литературы (имеется в виду литература в духе советской власти. – *Авт.*) здесь (в Туркестане. – *Авт.*) <...> Необходимо сообщить в Центр, что [мусульманского] шрифта и бумаги нет»¹. Г. Абдурашитов обратил внимание на то, что татары, живущие в регионе, хорошо знакомы с условиями Туркестана, и на совещании 11 апреля 1919 года предложил напечатать 5000 экземпляров брошюры «Что такое советская власть?» на татарском языке силами «Коллегии переводчиков», созданной ранее при Туркестанском НКДН. Комиссар С. Турсунходжаев поддержал эту инициативу и отметил важность выпуска данного издания также на узбекском языке². Вопрос был вновь рассмотрен 16 апреля 1919 года. В этот день решили, что заседания коллегии Туркестанского НКДН будут проходить на двух официальных языках: тюркском и русском. На заседании Абдулла Авлони поднял вопрос о публикации брошюры «Что такое советская власть?». Он указал, что издание на татарском языке, предложенное Г. Абдурашитовым, должно быть выпущено «на общепонятном тюркском языке». «Из-за нехватки бумаги и ограниченной технической оснащенности [типографии] необходимо напечатать и распространить 10 тысяч экземпляров брошюры на татарском, узбекском и кыргызском (казахском) языках одним тиражом», – отметил Авлони.

Г. Абдурашитов поддержал его предложение и добавил, что следует выпустить 15 тысяч экземпляров этого издания, доступного для понимания татарам, узбекам и кыргызам (казахам)³.

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 30–33, 35–37.

² НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 66 об.

³ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 68 с об.

Татарский отдел Туркестанского НКДН выделялся высокой активностью в сфере пропаганды, издательской деятельности и культурного просвещения среди населения по сравнению с другими национальными отделами. В период с января по июнь 1919 года ни один другой отдел Туркестанского НКДН не выпустил отдельные книги или брошюры, посвященные пропаганде советской власти, а также не представил переводы таких материалов. Благодаря усилиям руководства Татарского отдела была подготовлена и адаптирована для татар, узбеков и кыргызов (казахов) брошюра под названием «Что такое советская власть?», и было отпечатано 15 000 экземпляров на общедоступном тюркском языке. На заседании комиссариата 18 июня 1919 года Г. Шигабудинов сообщил, что брошюра «Профсоюзное движение», переведенная им на татарский язык, получила поддержку Мусульманского бюро региона, и предложил ее опубликовать¹.

Архивные источники свидетельствуют о том, что татарские просветители активно участвовали в создании библиотек в различных населённых пунктах: махаллях, городах, кишлаках, а также в национальных воинских частях. Эти усилия были поддержаны Татарским отделением Туркестанского НКДН. В результате такой работы в Старом городе Ташкента была основана библиотека имени А.Ш. Клевлеева, татарского просветителя и члена Туркестанского ЦИК, скончавшегося в Ходженте в 1918 году. Национальная интеллигенция, татарские просветители внесли свой вклад в обогащение фонда этой библиотеки. Помимо этого, в процессе пополнения библиотечных фондов литературой на языках мусульманских народов проводились изъятия книг у местного населения. Библиотека имени А.Ш. Клевлеева, организованная по инициативе Туркестанского НКДН, играла важную роль для жителей Старого города Ташкента, где проживало около 30 тысяч человек. В 1919 году на ее создание Туркестанский НКДН выделил 10 тысяч рублей. Как отмечал заведующий Татарским отделом Туркестанского НКДН Г. Абдурашитов, 5 тысяч рублей из этих средств пошли на закупку книг для библиотеки². Абдулла Авлони, как член правле-

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 115.

² НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 67 с об.

ния Туркестанского НКДН, и редактор газеты «Иштирокиюн», 22 марта 1919 года отмечал что, «10 000 рублей, выделенных на библиотеку, слишком мало, этой суммы недостаточно не только для содержания библиотеки, но и для расширения ее [фондов], и даже, для оплаты некоторых ценных книг, которые были реквизированы». По его словам, «библиотека нужна для поднятия культурного уровня населения, и это прямая обязанность наркомата по национальным делам»¹. По этому поводу член коллегии Туркестанского НКДН Г. Абдурашитов сообщил, что хотя на обеспечение библиотеки имени А.Ш. Клевлеева выделена небольшая сумма, «на военные нужды выделяется большое количество денег. ...по этой причине несправедливо не дать несколько тысяч рублей [запрошенных] на культурные цели (имеется в виду библиотека. – *Авт.*) и я считаю, что запрошенная сумма (сумма в архивном источнике не указана. – *Авт.*) должна быть выделена». На заседании члены коллегии отметили, что библиотека имени А.Ш. Клевлеева имеет большое значение в повышении культурного уровня местного населения².

Татарское отделение Туркестанского НКДН старалось максимально привлечь к работе комиссариата своих соотечественников, независимо от того, в какой точке края они работают. Например, в письме, написанном 16 апреля 1919 года в Наркомат по финансовым делам края от имени Туркестанского НКДН, они просили мобилизовать в их распоряжение библиотекаря И. Яхнина. В этом письме отмечалось, что И. Яхнину «как мусульманину, как человеку, близкому к образу жизни мусульман Туркестана, необходимо работать среди масс коренного населения»³. Но в ответном письме в Туркестанский НКДН от 23 апреля 1919 г. говорилось о необходимости использовать И. Яхнина в качестве библиотекаря в своем распоряжении⁴.

Татарским отделом НКДН Туркестана также была создана библиотека в действующей в Ташкенте школе «Маржани». По сведениям, предоставленным Г. Абдурашитовым, с марта

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 44 с об.

² Там же.

³ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 244.

⁴ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 257.

1919 года пополнение библиотечного фонда школы «Марджаний», обеспечение различными книгами было передано в распоряжение Татарского отдела при комиссариате¹.

Татарская интеллигенция сыграла ключевую роль в создании и оснащении библиотек в Туркестане, обеспечивая их необходимой литературой и оборудованием. Особая заслуга принадлежит сотрудникам Туркестанского Народного Комиссариата по делам национальностей (НКДН), а также чиновникам региональных отделов, занимавшимся закупкой книг для библиотек. В период первых лет советской власти, для формирования библиотечных фондов проводились реквизиции и конфискации книг у богатых представителей национальной интеллигенции региона, якобы в интересах построения социалистического общества. Татарский отдел Туркестанского НКДН активно привлекал своих работников к созданию библиотек на местах. Так, 1 июля 1919 года сотрудник этого отдела Хабибрахман Файзрахманов был направлен в Авлюю-Ату с заданием организовать там татарские школы и библиотеки².

Татарский отдел НКДН Туркестана искал способы усиления пропаганды в управлении регионом, повышения культурного уровня населения, обеспечения литературой ответственных за эту работу чиновников и агитаторов, а также расширения распространения «красной литературы» на языках мусульманских народов. В рамках этих задач в апреле 1919 года Татарский отдел поручил Алимбаю Мухаммедову приобрести учебные пособия и привлечь в регион мусульманских пропагандистов³.

Вопрос национальной печати, в частности проблемы, связанные с регулярным выходом в свет газеты «Иштирокиюн», являющейся органом комиссариата, обсуждался в Туркестанском НКДН. Абдулла Авлони – заведующий Узбекским отделом, Г. Абдурашитов, Г. Шагидуллин от Татарского отдела и Ахмад Донской – редактор газеты «Иштирокиюн», проявили энтузиазм в вопросах, связанных с мусульманским шрифтом, бумагой, полиграфическим оборудованием и организационных вопросах

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 378. Л. 1, 4.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 16.

³ Там же.

в связи с регулярным выходом газеты. Например, на заседании НКДН Туркестана 27 марта 1919 года на повестке дня был вопрос, что бумаги, выделенные газете «Иштирокиюн» по заданию Центра, будут израсходованы на печать конституции и обращений, в частности, на печать 180 000 экземпляров брошюр. В этой связи на заседании было отмечено, что нецелесообразно приостанавливать на 4 дня выход газеты «Иштирокиюн» как государственного органа. Абдулла Авлони, решая эту проблему, обращает внимание на острую потребность в бумаге и дополнительном мусульманском шрифте для типографии. Приостановка печати газеты «Иштирокиюн» на несколько дней, издающейся как комиссариатский орган, на практике означал отключение населения от общественно-политической, военно-экономической, культурно-просветительской жизни, оставить в неведении о событиях, которые происходят или будут осуществляться в крае, области, уездных городах, и была предпринята попытка найти решение этой проблемы. Например, Кабир Бакиров, работавший управляющим в газете «Иштирокиюн» с 30 января 1919 года, и Г. Абдурашитов, начальник татарского отдела НКДН, заявляли, что имеется бумага и 25 пудов мусульманского шрифта на железнодорожном вокзале Бухары. На этом совещании татарские просветители отметили, что необходимый мусульманский шрифт и бумагу для газеты «Иштирокиюн» помимо Бухары, нужно искать в Фергане, Оренбурге, Казани и Москве. Кабир Бакиров и Г. Абдурашитов предложили, чтобы газеты издавались регулярно, для обеспечения их мусульманским шрифтом, необходимо мобилизовать представителей этой области – специалистов в указанные выше города. Во избежание перебоев в производстве типографий Туркестанского НКДН, во избежание проблем со снабжением бумагой и мусульманским шрифтом, а также не наносить ущерба регулярности выхода газеты «Иштирокиюн», комиссариат решил мобилизовать заведующего Татарским отделом Г. Абдурашитова в Оренбург, а Курбанова в Фергану ¹.

Управляющий газетой «Иштирокиюн» Кабир Бакиров принимал участие во всех заседаниях НКДН Туркестана, где

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 13; Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 49 с об.

обсуждались важные вопросы жизни региона, системы управления и роли газеты в пропаганде среди населения. Так, на заседании 11 апреля 1919 года он подчеркнул значимость укрепления издательской деятельности для успешной пропаганды и формирования «социалистического сознания» посредством выпускаемых газет и литературы. Кроме того, Бакиров затронул проблему типографий, отметив необходимость введения сверхурочных работ для сотрудников, чтобы обеспечить своевременную печать газет и брошюр¹.

Однако имеющиеся архивные источники свидетельствуют о том, что, несмотря на усилия Туркестанского НКДН и его Узбекского и Татарского отделов, в 1918–1919 годах продолжались перебои в снабжении мусульманским шрифтом, бумагой, наборщиками букв, работниками типографии, сотрудниками-журналистами газет. На заседаниях Туркестанского НКДН на ряду с вопросами, связанными с образом жизни проживающих в крае национальностей, их отношением к новому социалистическому обществу, культурно-образовательной ситуацией, неоднократно затрагивалась проблема мусульман и вопросы связанные с прессой. Есть факт, что на заседании Туркестанского НКДН отмечалось, что из Центра необходимы не только мусульманский шрифт и бумага, но и литературные кадры: наборщики букв, журналисты, переводчики, сотрудники, близко знакомые с полиграфическим и издательским делом. «В Москве нет [мусульманского] шрифта, [шрифт] покупается в Казани [даже] для самой Москвы», – отмечалось в решении этого вопроса, – «[в Казань] был мобилизован специальный Туркестанский деятель Абиджан Махмудов и он привез шрифт»².

В рамках комиссариата Туркестанского НКДН и его Татарского отдела организуется газетное издание по всему краю, типографии, издательства, налаживается культурно-просветительская деятельность на местах, организуются библиотеки с помощью татарских просветителей, обеспечивающих различные организации татарскими агитаторами, переводчиками и литературными переводчиками, а также бок о бок вели большую

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 65 об.

² НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 33, 37.

организационную работу в работе по кадровому обеспечению партийных и советских органов. В процессе выполнения вышеперечисленных задач в ведении Татарского отдела, использовал не только внутренние возможности края, но и взаимоотношения с татарскими просветителями Казани, Уфы, Оренбурга и других регионов России.

Несмотря на предпринимаемые усилия, при полной реализации деятельности Татарского отделения Туркестанского НКДН эмиссары Центра, действующие в административной системе края, сосредоточили свое внимание и поддержку в этом направлении не на интересах тюрко-мусульманских народов, а русских и русскоязычных. Татарская интеллигенция открыто поднимала проблемы по этому вопросу на заседаниях Туркестанского НКДН и выражала свое недовольство. Например, на заседании Туркестанского НКДН 11 июня 1919 года член коллегии Ризаев отмечал отсутствие практической поддержки комиссару, в осуществлении деятельности их работ, в частности, в проведении издательской работы, в поисках печатного станка и бумаги для печати газет и брошюр. Ризаев просил Туркестанский НКДН оказать помощь национальным отделам. Член коллегии наркомата Г. Шагидуллин поддержал предложение Ризаева по этому вопросу. В вопросе об издательстве, мусульманском шрифте, снабжении бумагой он отметил, что «пока на русском языке [в крае] издаются пять газет, необходимо найти бумагу для печати и в мусульманских типографиях»¹. «Дифференциальный подход» в столь специфическом снабжении, то есть несправедливость в снабжении, неоднократно подвергался критике со стороны Туркестанского НКДН. Например, согласно докладу наркома по делам национальностей Туркестана С. Турсунхаджаева от 27 августа 1919 года, полиграфические работы в крае: издательская деятельность, особенно печатание книг на мусульманских языках, пропагандистская работа находились в плачевном состоянии. Неудовлетворительной была и деятельность созданного в апреле при комиссариате «Издательского отдела». Но при этом снабжение русских издательств было в несколько лучшем

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 105–106.

состоянии по сравнению с типографским оборудованием мусульманских издательств. Обеспечение шрифтов, распечатка литературы, наборщики букв в мусульманских типографиях был настолько мал, что удовлетворял лишь сотую часть спроса¹.

В завершение стоит подчеркнуть, что Туркестанский НКДН и его Татарский отдел сыграли значительную роль в культурно-просветительной деятельности региона, а также в функционировании партийных и советских органов управления. В частности, они считали важным пересмотреть и адаптировать Устав Туркестанского НКДН, взяв под строгий контроль законодательный процесс в регионе, учитывая особенности образа жизни, культуры и менталитета местных народов при разработке новых норм. Среди национальных отделов Туркестанского НКДН особое значение имел Татарский отдел, который внес значительный вклад в общественную, политическую, военную, культурную и образовательную жизнь региона. Примером такой активности стало создание устава «Управления вакуфным имуществом». Сотрудники Татарского отдела также исполняли функции письменных и устных переводчиков на разнообразных конференциях, съездах и собраниях различного уровня – от краевых до городских. Параллельно с этим, при НКДН Туркестана были организованы «Отделы перевода», которые оказывали значительное влияние на общественно-политическое и культурное развитие региона.

3.2. Деятельность Мусульманского бюро Ферганской области Туркестанского края

Большевики, пришедшие к власти, управляли краем в основном в соответствии с интересами Центра, выполняя его директивы и проводя на практике колониальную политику. В общественно-политической, военной, экономической и культурной сферах Туркестана они игнорировали представителей коренного населения, отстраняя их от участия в управлении краем, областями и уездными городами. Так как подавляющее большинство населения Туркестана составляли тюрко-мусульмане, в органы управления привлекались преимущественно русские и русско-

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

язычные чиновники, многие из которых не знали языка, религиозных традиций, культурных особенностей и менталитета местных жителей. Национальная интеллигенция была представлена меньшинством в органах управления областями и уездами Туркестанской АССР, что способствовало проведению политики, отвечающей интересам Центра, а не нуждам местного населения. Большевики ликвидировали Туркестанскую автономию, которая ранее управляла краем, создали подконтрольную Центру Туркестанскую АССР и пренебрегали национальной интеллигенцией. С ноября 1919 года Туркестанская комиссия при СНК РСФСР и ЦК РКП(б), осуществлявшая надзор за управлением краем, ограничивала участие национальных кадров в управлении.

На каждом заседании Советов Туркестанского края обсуждался вопрос привлечения представителей коренных народов к государственному управлению, однако эти обсуждения редко приводили к реальным изменениям. В марте 1919 года данный вопрос снова стал предметом дискуссии на VII Чрезвычайном съезде Советов Туркестанской АССР, где участники подчеркнули отчуждение советской власти от местного населения, критиковали политику недоверия к мусульманам и ограничение их доступа к государственным должностям. Отдел по национальным делам партийного комитета края подвергся критике за недостаточные усилия по привлечению представителей местных национальностей к управлению. В резолюциях национальной секции было выражено недовольство тем, что коренное население практически не представлено в органах власти, и высказано недоверие Коммунистической партии Туркестанского края. На закрытии VII сессии Советов края, прошедшем 8 марта 1919 года, Турар Рыскулов прямо заявил, что назначенцы из Центра «выражают недоверие к мусульманским руководителям, даже если они не имеют каких-либо оснований для этого», что он ясно увидел, работая председателем комиссии помощи голодающим.

Естественно, подобная критика не могла остаться без ответа. В ответ К. Успенский заявил: «Что касается вопроса недоверия, то надо уметь работать в коммунистическом строительстве, а сознательных работников и лидеров среди мусульман пока мало». Эти слова лишь подчеркивали двойственный подход к местным

мусульманам, демонстрируя отсутствие доверия и уважения со стороны властей¹.

В ходе VII съезда Советов Туркестанской АССР состоялась также краевая партийная конференция Туркестанской КП. Решением конференции Н. Хаджаев, А. Мухитдинов, Ю. Ибрагимов², Ю. Алиев были избраны в состав Мусульманского бюро Туркестанского края под председательством Т. Рыскулова. После этого был сформирован II партийный съезд края. Определены задачи и функции Мусульманского бюро Туркестанского края, а в дополнительном решении отмечено, что Мусульманское бюро действует как отдел партии Края и является его вспомогательным органом. Определено, что образование Мусульманского бюро Туркестанского края и ее деятельность ориентированы на интересы местного населения в возникших своеобразных условиях в системе управления, эта организация, выступающая против продолжающихся шовинистических отношений, было решено, что ее практические действия будут осуществляться в координации с ЦК КП Туркестана³.

Национальная интеллигенция Туркестана, включая представителей узбекского, казахского, туркменского, киргизского, таджикского, каракалпакского народов, а также национальные меньшинства, такие как татары и башкиры, выражала недоволь-

¹ *Ҳайдаров М.* Ўзбекистонда совет давлати бошқарув тизими: шаклланиши, босқичлари ва моҳияти (1917–1941 йиллар). Тошкент: Abu Matbuot-Konsalt, 2012. Б. 93–94.

² На этой должности Ю.И. Ибрагимов проработал недолго, и в конце марта 1919 года его вызвали в НКДН РСФСР. Ю.И. Ибрагимов докладывал о военно-политической ситуации в Туркестане и своей деятельности до сегодняшнего дня в НКДН РСФСР, а также опубликовал статьи в газетах «Жизнь национальностей» и «Эшче» о ходе «социалистических перемен» в крае. 10 апреля 1919 года Центральным бюро коммунистической организации народов Востока (ЦБ КОНВ) ЦК РКП назначен членом Центральной мусульманской военной коллегии (ЦМВК) при Наркомате военных дел. На практике они отвечали за формирование Татарской стрелковой бригады, готовившейся к отправке на Восток. См.: Борцы за счастье народное. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 176–177.

³ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. С. 338–339; Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент: Узбекистан, 1988. С. 27.

ство политикой советского правительства в сфере управления регионом. Недовольство вызывалось тем фактом, что важнейшие посты в крае занимали люди, не знакомые с языком, религией и культурой местного населения. Присоединение представителей коренного населения Туркестана к большевикам стало причиной того, что в исторической литературе их начали называть национал-коммунистами. Период активного участия этих национал-коммунистов в общественной и политической жизни региона пришелся на 1918–1920 годы. Несмотря на относительно короткое существование (с 1919 по 1920 год), Мусульманское бюро Туркестанского края (Краймусбюро) обладало хорошо организованной структурой, состоящей из центрального аппарата и отделений в областях, уездах и городах.

Так, 30 марта 1919 года было образовано Мусульманское бюро Туркестанского крайкома КП под председательством Тура-ра Рыскулова. На состоявшемся 1 и 6 апреля 1919 года заседании ЦК КП Туркестана были приняты специальные дополнительные постановления, включавшие цели и задачи Туркестанского Мусульманского бюро. Согласно содержанию принятого специального дополнительного постановления, Мусульманское бюро Туркестанского края рассматривается как один из отделов ЦК КП Туркестана и определяется, что его теоретическая и практическая деятельность будет осуществляться под ее руководством. Также решено, что Туркестанское Мусульманское бюро будет возглавлять НКДН края и в рамках своей деятельности осуществлять контроль за его деятельностью. При этом отмечается, что Мусульманское бюро так же занимается привлечением кадров из Центра в систему. Мусульманскому бюро Туркестанской края также было поручено вести в качестве своего органа газету «Иштирокиюн»¹.

Создание в рядах Туркестанской КП Мусульманского бюро Края под руководством одного из национальных лидеров-интеллигентов Тура-ра Рыскулова, которое фактически по воле местным советским и партийным работникам, действовать под

¹ Ражабов Қ., Ҳайдаров М. Туркистон тарихи. Тошкент: Университет, 2022. Б. 63.

контролем большевиков в соответствии с желанием Центра. В системе управления Мусульманским бюро, созданным Тура-ром Рыскуловым, на ряду с казахами и узбеками, важную роль играли и татары, владеющие тюркскими языками и умеющие говорить и писать по-русски, которые, работали и в издании газет, на пути развития нового «социалистического общества», а также в проведении пропагандистской работы, связанной с переводом «красной литературы» на языки коренных народов. Однако анализ деятельности Мусульманского бюро Туркестанского края и его отделений в областях, уездах-городах показывает, помимо выполнения вышеперечисленных задач, Мусульманское бюро взяло на себя и другие культурно-просветительские задачи, увеличило рекомендации тюрков-мусульман края в местную военно-политическую, культурно-просветительскую систему управления для защиты национальных интересов, а также не было безразличным к перспективам и судьбе местных кадров на той или иной должности. Имея особое мнение по «национальному вопросу» в усилиях личного состава под руководством Мусульманского бюро Туркестанского края, не полностью учитывая пожелания Туркокомиссии, ЦК КП Туркестана и Центра, фактически управлявших кремля, посоветовавшись со своими товарищами, предложили ввести термин Тюркской республики вместо Туркестанской АССР, Туркестанску КП заменить на Тюркская коммунистическая партия. Также, что наиболее важно, был поднят вопрос о необходимости создания мусульманской тюркской армии. В частности, поднимался вопрос о выводе немусульманских воинских частей из Туркестана. Разумеется, эти усилия шли против воли Центра¹.

Размышляя о структуре Мусульманского бюро Туркестанского края, следует отметить, что проживающие в крае мусульмане разных национальностей: узбеки, казахи, татары, азербайджанцы, кыргызы, каракалпаки, тюрки и т. д. в рамках структуры этого бюро, требовал работать над удовлетворением их прав, культурных и образовательных потребностей, устанавливать тесные взаимные связи, укреплять их, устанавливать военно-

¹ *Аҳад Андижон. Туркистон учун кураш. Тошкент: Тафаккур, 2017. Б. 34.*

политические, экономические, культурно-просветительские связи. Исходя из этих целей, в 1919 году во всех областях Туркестана было создано бюро мусульманских коммунистов, в рамках которого стали функционировать различные секции. В частности, эти секции назывались Татарской, затем отдельно Узбекской, Кыргызской, Азербайджанской, в определенное время Узбекско-татарской, Узбекско-татаро-азербайджанской, Узбекско-татаро-азербайджано-кыргызской (казахской) мусульманской секциями.

Следует отметить, что Ферганская область занимает особое место в становлении Мусульманского бюро в областях в составе Мусульманского бюро Туркестанского края. В свое время, участие татар в системе управления Ферганским областным мусульманским коммунистическим бюро (Ферганское мусульманское бюро) в пропагандистско-организационной работе масштабов уездов-городов, областей, приобрело важное значение. Одной из причин активности татар по объединению мусульман края является большая вера в новый «социалистический строй» среди других тюркских народов, а во-вторых, татары близки к народам Туркестана по своему языку, религии и культурой, и отличаются от представителей коренных народов края, с другой стороны, хорошо знают русскую культуру их язык и менталитет. В то же время в условиях Туркестана татары считали себя лидерами «революционных процессов» среди народов Востока, особенно среди тюркских народов, и таким образом усердно работали над реализацией своей веры в построении «справедливого и равного» общества, на которое они надеялись.

С созданием в Туркестане Мусульманского бюро края, формированием учреждений Мусульманских бюро (секций) в областях и уездах-городах края, одними из основных поставленных задач являлись, повышение политического сознания местного населения, поощрение его к активному участию в общественной и политической жизни и вовлечение их в местную систему управления. С этой целью 2 мая 1919 года в Скобелев прибыли председатель Туркестанского СНК К.Е. Сорокин, председатель Туркестанского Мусульманского бюро Т. Рыскулов, член ЦК КП Туркестана Хусанбоев и народный комиссар по делам национальностей Туркестана С. Турсунхаджаев для близкого

ознакомления с делами на местах. Они изучили деятельность татар в Мусульманском бюро области и выразили одобрение работой Татарского отдела (секции)¹. Потому что на тот момент численность татар в Ферганской области составляла около 3000 человек, и это послужило основой для создания Татарской секции². По этому вопросу была проведена встреча с бедными представителями мусульман, проживающими в области. Основной целью встречи была организация областного Мусульманского бюро. Мусульманское бюро Ферганской области должно было обеспечить активное участие представителей местной национальности в управлении новым социалистическим обществом, разработать новые процедуры вместо пристава, мингбаши (тысячника), элликбоши (пятидесятника) и т. д., которые не подходили для нового общества и существовали в старой системе управления. Прибывшие в Ферганскую область из Ташкента раскритиковали отсутствие политического возрождения в Скобелеве, отсутствие симпатий к новому «социалистическому обществу», а также отсутствие активности местного мусульманского населения. Также критиковалось, что мусульмане Ферганской области не объединились ради общей цели и не были разработаны новые процедуры. В ответ на такую критику председатель профсоюза Ферганской области Шомансур Ходжаев заявил, что «мусульман Скобелева не следует обвинять в лени, потому что к ним русские во всех организациях относятся как к сообщникам Мадаминбека... мы [мусульмане] нигде не имеем влиятельного голоса <...> как и большинство Туркестана, мы всегда на стороне русских <...> но они нас отталкивают от себя и смотрят на нас с недоверием... в таких условиях невозможно активно работать в той или иной [политической] организации»³.

Во время собрания участник по имени Исламов возразил против обвинений мусульманского населения в политической апатии. Он подчеркнул, что после нападения Мадаминбека на Скобелевскую тюрьму мусульман стали считать врагами. Из-

¹ *Сорокин К.Е.* Главное направление // За Советский Туркестан. Ташкент: Изд-во Узбекской ССР, 1963. С.101,103.

² НА Уз. Ф. Р. 34. Оп. 1. Д. 357. Л. 3.

³ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. д. 93. Л. 78.

за этого им стало опасно собираться небольшими группами по 3–4 человека даже для обычного общения. Страх и тревога охватили местное население. Насилие продолжалось без видимых причин, независимо от того, были ли совершены какие-либо преступления. Разграничение между друзьями и врагами становилось все сложнее. Исламов также подчеркнул, что в проведении карательных операций особенно выделялись представители армянской общины, чьи действия отличались особой жестокостью. Они конфисковывали имущество у мусульман, лишали их средств к существованию и пытались морально подавлять, призывая обращаться за помощью к Аллаху и турецким султанам. Эти обстоятельства сильно затруднили создание мусульманской общественной организации среди местного населения¹.

Что касается критики в отсутствии политического единства среди мусульман Ферганы, стоит учитывать, что их больше волновала борьба за выживание и обеспечение семей, нежели актуальные вопросы политики нового режима. Важно отметить, что большевики не стремились вовлекать мусульман в систему управления. Однако задача формирования Мусульманского бюро Ферганской области была поставлена Мусульманским бюро Туркестанского края. 5 мая 1919 года в Скобелеве прошло общее собрание 110 татар, на котором присутствовали член Мусульманского бюро Туркестанского края Г. Юнусов и председатель Р. Капкаев². Также на собрании присутствовал представитель Народного комиссариата по делам национальностей Туркестана С. Турсунхаджаев. На собрании Г. Юнусов изложил цели и задачи советского правительства, подчеркнув необходимость участия мусульман в управлении, а также важность создания Татарской секции Мусульманского бюро в регионе. Собрание приняло решение наделить полномочиями представителей татарской интеллигенции А. Макаева³ и И. Ахунова, поручив им привлечь мусульман к работе по формированию бюро на местах,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

² Р.Е. Капкаев до 20 октября 1919 года работал председателем Мусульманского бюро Ферганской области. Затем его назначили на должность народного комиссара юстиции Туркестана. См.: ФОО ААП РУз. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 79.

³ См. Приложение.

с поддержкой всех советов депутатов и организаций коммунистической партии области¹.

Таким образом, татары инициировали организацию Мусульманского бюро в Ферганской области. В частности, татары, являющиеся лидерами среди тюркских народов, грезящих «социалистической идеей», вновь собрались 7 мая 1919 года в городе Скобелеве и обсудили вопрос построения нового общества и получения мест в системе управления Туркестана. Собравшимся в Скобелеве 130 татарам Г. Юнусов разъяснил цели и задачи советской власти и создание политических организаций для ее реализации. Также в своей речи Г. Юнусов указал, что до сих пор в Скобелеве не было политических организаций, но в то же время «нам, татарам... которые первоначально шли бок о бок с русским пролетариатом, необходимо образовать политическую организацию», и обратил внимание на необходимость разъяснения населению целей и задач советского правительства. Абушаев полемизируя по поводу пропаганды Г. Юнусова по созданию Мусульманского бюро, заявил, что прежде чем создавать Татарскую секцию, необходимо объяснить его основную цель. Опять-таки, еще он заявил, что не доверяет большевикам и их обещаниям, не ознакомившись с программой партии, в частности целью образования Татарской секции. В частности, по мнению Абушаева, после нападения Мадаминбека на Скобелевскую тюрьму большевики начали применять жесткие репрессивные меры. Они стали арестовывать и бросать в тюрьмы невиновных людей, вскоре, дело дошло до внесудебных расстрелов. В ответ на эти обвинения Г. Юнусов, член Мусульманского бюро Туркестанского края, заявил, что хотя «большевиков можно обвинять в некоторой несправедливости и злых намерениях», но сама программа и цели партии не предполагают подобных действий. Для иллюстрации своей мысли он привел аналогию: «Хотя ислам призывает вас быть справедливыми, вы этого не делаете, и поэтому религию ислама нельзя винить, но нужно винить людей, которые противостоят исламу <...>». Таким образом, Юнусов утверждал, что не всех большевиков следует обвинять в совершаемых преступле-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 35. Л. 35; Ф. 111. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

ниях и допущенных ошибках¹. Однако позиция Г. Юнусова не нашла поддержки у Абдушаева, который снова взял слово на заседании и выразил сомнения в отношении советского правительства. Он упомянул, что лично наблюдал случаи, когда советские войска участвовали в вымогательствах, грабежах, арестах и расстрелах ни в чем не повинных людей, и выразил сомнение в возможности просвещения со стороны большевиков. М. Бисеров, не оспаривая мнения Абдушаева, выразил уверенность в социалистическом обществе, утверждая, что это власть пролетариата. Р. Капкаев, выступая на митинге, заявил: «Вся вина лежит на нас <...> если бы мы организовались, если бы мы вступили в партию раньше и встали на защиту революции и советской власти, таких ситуаций не было бы <...>».

После длительных обсуждений на собрании под руководством Р. Капкаева и при участии секретаря М. Исеева было принято решение направить татарских лидеров М. Исеева в Андижан, М. Бисерова в Коканд и самого Р. Капкаева в Наманган для формирования Мусульманского бюро Ферганской области. На Р. Капкаева была возложена ответственность за руководство организационным комитетом и координацией работы. Также было решено организовать Ферганскую областную конференцию по данному вопросу до 18 мая 1919 года. Таким образом, татары проявили инициативу и начали процесс объединения усилий для создания Мусульманского бюро Ферганской области².

Ранее уже упоминалось, что татарская национальная интеллигенция играла ключевую роль в формировании Мусульманского бюро Ферганской области и активно выступала за объединение тюрко-мусульманских народов. Г. Юнусов, прибывший в Скобелев для организации Мусульманского бюро Ферганской области от имени Мусульманского бюро Туркестана, провел встречи с представителями тюрко-мусульманских народов региона. Он подробно объяснил им задачи, поставленные советской властью перед коренным населением, подчеркивая необходимость активного участия этих народов в построении нового социалистического общества. Для обсуждения данных

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 32. Л. 4 об.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 93. Л. 24.

вопросов 9 мая 1919 года в Скобелеве был созван татарский митинг, собравший около 138 участников. Главным докладчиком стал Г. Юнусов, представитель Мусульманского бюро Туркестана, который осветил значимость татар среди других тюрко-мусульманских народов и их историческое значение в текущей политической обстановке. В своей речи на митинге Г. Юнусов акцентировал внимание на том, что в период правления Российской империи права тюрко-мусульманских народов, включая татар, игнорировались. Однако после Октябрьской революции 1917 года татары осознали важность поддержки новой власти и борьбы против контрреволюционных сил. Он также призвал к активной поддержке советского правительства, отметив, что «Ташкентский городской пролетариат ведет дружескую работу с другими национальностями [они] многого добились <...> но татарам Скобелева [еще] нужно сделать много работы».

По поводу призыва Г. Юнусова к татарам в Туркестане проявлять активность в строительстве нового общества, участвовать в управлении рабоче-крестьянским правительством, а в случае необходимости нападать на силы, направленные против советской власти, Абушаев говорил: «многие татары уже являются членами партии и работали бы рука об руку... [но] среди партии и Красной армии есть нежелательные элементы»¹.

Г. Юнусовым было отмечено, что среди мусульман Ферганской области, особенно среди мусульман, являющихся членами местной коммунистической партии, и тюрко-мусульманских народов, проходящих службу в воинских частях Туркестанского фронта, нет единой цели и стратегии ее реализации. Р. Капкаев, выступая от имени татар-мусульман Ферганы, не опроверг мнение, высказанное Абушаевым, признав, что такие элементы в партии и Красной армии действительно были, не исключено, что некоторые из них еще остались, добавил: «мы сами виноваты в этом, потому что не помогаем правительству <...> чем критиковать, лучше самим освободиться от таких элементов».

Среди мусульманского населения Туркестана татары стали одними из самых активных сторонников советской власти,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

зарождавшейся в результате революционных изменений. Они воспринимали ее как важный механизм для обеспечения свободы, равенства и культурного роста народов Востока. Татары выделялись среди прочих мусульман своим ярко выраженным революционным духом и убеждением, что активное участие в управлении краем поможет тюркским народам преодолеть вековую отсталость. Именно поэтому они приняли решение активно включаться в общественную жизнь региона, привлекая к этой деятельности и другие местные этнические сообщества. Р. Капкаев обратился к татарам и другим мусульманам со следующими словами: «Если члены партии пойдут на фронт, мы не позволим беспартийным продолжать здесь заниматься спекуляциями и грабежами <...> мы возьмем с собой беспартийных и отправим [их] вперед <...>. <...> члены партии, мы будем следить за [вами] сзади: если мы узнаем, что вы движетесь в другом направлении или отступаете, то первый выстрел мы сделаем по вам, а второй выстрел – по противнику». Завершив свое выступление он призывал татар проявлять твердость духа и решительно поддерживать укрепление советской власти в регионе¹.

Анализируя высказывание Р. Капкаева, становится ясно, что татары искренне верили в преимущества революции и заявляли о готовности идти до конца ради ее идеалов, не допуская никаких отклонений от курса строительства социалистического общества. Такие настроения привели к тому, что 20 мая 1919 года в Скобелеве, Оше и ряде других городов прошла мусульманская конференция, посвященная созданию Мусульманского бюро Ферганской области. С 20 по 28 мая того же года состоялось организационное собрание мусульман Ферганской области, где были избраны следующие представители:

1. Р. Капкаев – представитель уездного города Скобелева,
2. М. Сарымсаков – представитель города Ош,
3. И. Ахунов – представитель группы из города Скобелева,
4. Мажидов – представитель города Андижана,
5. Мухаммаджанов – представитель старого города Маргилан,
6. А. Макаев – представитель города Наманган,
7. Н. Туракулов – представитель города Кокан.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 32. Л. 5 с об.

Комитет областного мусульманского бюро возглавил Р. Капкаев в качестве председателя, а товарищем председателя стал Ахунов (должность товарища председателя фактически соответствовала заместителю председателя, и в случае отсутствия основного руководителя заседания проводил Ахунов. – *Авт.*). Секретарем комитета был назначен Н. Тюракулов.

Одним из ключевых направлений деятельности Мусульманского бюро Ферганской области стало формирование мусульманского пролетариата. С этой целью, начиная с 23 мая, бюро направило своих представителей в различные регионы: А. Макаева и И. Ахунова – в Асаку и Федченко, Мазитова и И. Бирюшева – в Андижан, Коканд и Наманган, а Р. Капкаева – в Скобелев. Основная задача заключалась в создании организаций мусульманских коммунистов и проведении чисток¹.

Эти деятели – Р. Капкаев, И. Ахунов, Маджидов, Мухаммаджанов и А. Макаев – являлись лидерами татарской общины в Ферганской области и играли важную роль в организации местных отделений Мусульманского бюро. Управление областным бюро должно было осуществляться группой из пяти человек, полностью подконтрольной областному комитету партии, который выступал в качестве руководящего органа².

Несмотря на установленную структуру управления Мусульманским бюро Ферганской области, состоящую из пяти человек, на практике иногда происходило увеличение числа руководителей. Так, 23 мая 1919 года в состав руководства бюро вошли семь человек, причем Р. Капкаев занял пост товарища председателя, а И. Бирюшев стал секретарем. В тот же день прошло третье заседание Мусульманского бюро Ферганской области. На нем А. Макаеву из Намангана, Маджидову из Андижана, М. Сарымсакову из Оша и И. Бирюшеву из Коканда было поручено заняться созданием местных мусульманских партийных ячеек, отбором новых кандидатов в партию и вопросами партийной дисциплины. Кроме того, на заседании был сформирован комитет Мусульманского бюро Ферганской области, председателем которого стал Р. Капкаев, а его заместителем – И. Ахунов, секретарем – Бирю-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 13.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 83. Л. 2–3.

шев. Было отмечено, что мусульманские партийные организации в некоторых уездах и городах области еще не были окончательно сформированы. Это заседание способствовало направлению Маджидова и И. Бирюшева в Андижан, Наманган и Коканд, а также Ахунова и А. Макаева в Куву и Федченко в Асаку¹.

Татарские просветители, направленные Мусульманским бюро Ферганской области в уездные города, организовывали собрания и митинги с участием активных представителей местного населения, где обсуждались цели и задачи советской власти, участие граждан в общественной, политической, экономической и культурной жизни, а также принципы справедливости в местном самоуправлении. Важно подчеркнуть, что татары, выполняющие пропагандистские и агитационные функции в уездных городах, были прекрасно осведомлены о языке, религии, традициях и культуре местного населения, благодаря чему часто находили общий язык с жителями, успешно продвигая идеи создания мусульманских организаций и давая необходимые рекомендации. Когда требовалось, они активно участвовали в системе местного управления и защите интересов мусульманского населения. Например, Н. Галиев был направлен 29 мая 1919 года в города Ош и Андижан Чрезвычайной комиссией Туркестанского ЦИК в качестве пропагандиста-организатора от Мусульманского бюро Ферганской области. Вместе с ним отправились Федянин и Ландеренкол – сотрудники Ферганской областной Чрезвычайной комиссии (ЧК), а также политработник Ферганского фронта Глухов. Н. Галиев получил задание от Мусульманского бюро Ферганской области по формированию местных мусульманских партийных организаций и предоставлению соответствующих инструкций там, где такие структуры уже существовали.

Согласно сообщениям Н. Галиева, его, как представителя Мусульманского бюро Ферганской области, встретили довольно прохладно в уездно-городском ревкоме и среди руководства компартии города Ош. Русские и русскоязычные коммунисты в Оше не испытывали доверия к коммунистам-мусульманам, считая,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 17 с об.

что их действия продиктованы скорее национальными интересами, нежели общими целями. Более того, они считали «всех мусульман грабителями или сочувствующими им». Н. Галиев выразил свое возмущение такой ситуацией, отмечая, что подобное отношение «подрывает взаимное доверие и противоречит всем законам в республике»¹.

Деятельность Н. Галиева в рамках Мусульманского бюро вызвала неодобрение у русскоязычного чиновничества, работающего в городском комитете партии Оша. В частности, Лебедев, выступая от лица ошских коммунистов, обвинил председателя и секретаря бюро в неэффективности и предложил распустить его как ненужную структуру. В ответ Н. Галиев подчеркнул, что в условиях Ошского уезда, где подавляющее большинство населения составляют мусульмане, Мусульманское бюро играет важную роль в различных сферах общественной, политической и культурной жизни, а также в вопросах местного управления. На митинге, проведенном среди мусульманских жителей Старого города и в мечети, Н. Галиев объяснил важность бюро в изучении нужд населения Оша и его значимости в системе местного управления. По его мнению, недавно созданное и приступившее к работе Мусульманское бюро и его члены должны активно содействовать строительству советской власти на местах и защищать интересы тюрко-мусульманских народов в управленческой структуре. Одной из причин, побудивших Н. Галиева так стойко защищать деятельность Ошского уездного городского Мусульманского бюро, было его глубокое понимание менталитета, языка и религиозных традиций местного мусульманского населения, а также стремление обеспечить полное включение мусульман в систему местного управления через активное участие бюро².

Формирование Мусульманского бюро Ферганской области продолжалось с определенными трудностями. В частности, вовлечение многонационального населения в политические процессы содержало определенные проблемы. Кое-где, это прослеживалось в дисциплине и ответственности персонала, задействованного в эту систему управления. Например, Туракулов,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 104. Л. 22.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 104. Л. 22 с об.

член Мусульманского бюро Ферганской области, не присутствовал на собраниях, несмотря на несколько устных и письменных предупреждений. 15 июля 1919 года Мусульманское бюро Ферганской области под председательством М. Бисерова и при участии секретарей: М. Исеева, Т. Фатхуллиных приняло решение следующего содержания:

а) если местные партийные организации не провели регистрацию, если они не провели очистки, то, следует немедленно зарегистрировать и провести очистку;

б) во всех городах области созвать уездно-городскую конференцию и создать уездно-городское Мусульманское бюро;

Примечание: в тех уездах, где нет Мусульманского бюро, проводится городская конференция, создается уездно-городское бюро и, пусть партия создается в любом кишлаке, где это возможно.

в) создать партийные команды во всех профсоюзах;

г) сформировать партийный коллектив в рядах Красной армии;

д) открыть рабочие клубы во всех городах;

е) во всех городах следует ввести учебные места и места для чтения вслух, должно читаться много лекций;

с) газету «Янги Шарк» следует определить органом областного национального Мусульманского бюро. Надо улучшить шрифт газеты. Попросить литографию края прислать мусульман (из разных городов) в областное Мусульманское бюро¹.

Исходя из военно-политической обстановки в первые годы советской власти, мусульман также призывали на военную службу, независимо от того, где и на какой должности он находился. Эта процедура не исключила членов Мусульманского бюро. Однако на основании отдельного запроса предпринимались также усилия по освобождению от воинской повинности занятых в системе управления, которых считали необходимыми по должности, которую они выполняли на уровне края, области, уезда-города. Таким своеобразным «правилом» попыталось воспользоваться и Мусульманское бюро Ферганской области.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 8 с об.

В частности, Мусульманское бюро Ферганской области в ходе своей политической деятельности проводит пропагандистскую работу на территории всех уездных городов, знакомит мусульманское население с целями и задачами советской власти, особенно татар, работающих в системе народного образования, работавших в учреждениях культуры и даже на Туркестанском фронте – работающих сотрудников на различных должностях в военной системе, старались привлечь к активному участию в общественно-политической, культурно-просветительской жизни области. Например, Мусульманское бюро Ферганской области на своем заседании, состоявшемся 20 августа 1919 года под председательством Р. Капкаева, рассмотрело вопрос о переводе пропагандиста-организатора Н. Галиева, мобилизованного на военную службу в Андижанском уезде, в Мусульманское бюро и принял следующее решение:

- в настоящее время важно проводить организационно-пропагандистскую работу по укреплению советской власти среди мусульманского населения;

- не хватает кадров для проведения агитационно-пропагандистской и организационной работы среди мусульманского населения;

- в связи с необходимостью в ответственных кадрах организатора-пропагандиста Н. Галиева следует освободить от военной службы и отправить в Мусульманское бюро Ферганской области;

- привлечь Н. Галиева для занятий организаторской и пропагандистской деятельностью с 20 августа 1919 года по усмотрению Мусульманского бюро Ферганской области¹.

Однако Туркестанский Реввоенсовет и командование Ферганского фронта не всегда удовлетворяли подобные просьбы. Например, в письменном ответе руководству Мусульманского бюро Ферганской области от 4 сентября 1919 года отмечалось, что целесообразно использовать пропагандистские способности Н. Галиева в рядах Красной Армии, и для этого он будет мобилизован в Андижанскую воинскую часть. В то же время Мусуль-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 61.

манское бюро Ферганской области обратилось в Мусульманское бюро Туркестанского края с просьбой помочь освободить от военной службы их членов А. Макаева, М. Бисерова, М. Исеева и пропагандистов И. Бирюшева, Н. Галиева, Байбекова. В запросе отмечалось, что мобилизация руководства Ферганского Мусульманского бюро на основе воинской обязанности подорвет работу системы управления Мусульманским бюро в этих местах. Также, учитывая важность пропаганды и организации среди мусульман, особенно в связи с отсутствием на данный момент активных мусульманских пропагандистов, запрошено оставить их в распоряжении Мусульманского бюро Ферганской области¹.

Отсюда видно, что Реввоенсовет, командование Ферганского фронта и партийные организации проявляли свое недовольство Мусульманским бюро, появлением еще одной «национальной системы управления». В то же время руководство большевистской партии и ревкомов области, уездных городов не всегда благосклонно относилось к деятельности татар по организации Мусульманских бюро. Например, Абдулла Гайнуллин, работающий в системе управления Кокандского городского уезда, несмотря на свою активную работу среди мусульманского населения отреагировал на его отстранение Бухаретдиновым – председателем Мусульманского бюро Кокандского уезда, и 18 августа 1919 г. направил телеграмму в Мусульманское бюро Ферганской области, в которой говорилось: «Абдулла Гайнуллин на данный момент незаменимый руководитель кружка. Мы просим вас оставить его в Коканде, иначе вся деятельность клуба прекратится»².

Видно, что деятельность татар и их способность к организации среди населения стали важными в деятельности местных Мусульманских бюро. С другой стороны, следует отметить, что в системе управления Туркестаном, особенно в руководстве Мусульманского бюро, особое значение приобрело отношение к деятельности татар. В частности, среди мусульманского населения края татары выделялись своей активностью в местных общественно-политических, военных, культурных и образовательных процессах. Например, 24 августа 1919 года Кокандское

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 72 с об.; Д. 98. Л. 35–36, 51–52, 54.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 98. Л. 27.

уездно-городское Мусульманское бюро под председательством Бухаретдинова вновь рассмотрело вопрос об Абдулле Гайнуллине и, сосредоточилось на татарских рабочих, когда среди мусульманского населения возникла нехватка партийных работников. В частности, Мусульманское управление Кокандского уезда посчитало, что оставлять в стороне опытные кадры, подобные Абдулле Гайнуллину, – не что иное, как преступление, наоборот, целесообразно использовать их на пути революции, укрепления советской власти на местах, и в системе управления. Мусульманское бюро Кокандского уезда на заседании 13 июля 1919 года «отменило вотум недоверия Абдулле Гайнуллину со стороны общины Старого города и рекомендовало восстановить его в партии... для использования в выполнение революционных [заданий] среди мусульман». Абдулла Гайнуллин, работал секретарем в составе Мусульманского бюро Кокандского уезда, с ноября 1919 года – председателем уездного городского Мусульманского бюро¹.

На первых этапах своей деятельности Мусульманское бюро Ферганской области проходило через противоречивые процессы, такие как организация местного Мусульманского бюро, его продвижение, подбор кадров для управления, согласование и координация действий с местными ревкомками и партийными организациями. Иными словами, деятельность Мусульманского бюро в тех местах, где оно пытается занять свое место в системе управления, сталкивается с определенными трудностями, а практические действия руководящих органов встречают недовольство и недоверие. В действительности это проявлялось как недоверие, пренебрежение и отказ признать полноценное участие Мусульманского бюро в управлении. Вследствие этого координационные усилия, направленные на совместное противостояние грабителям и нападающим на имущество мирного населения, начали ослабевать и действовать хаотично. Например, на состоявшемся 2 апреля 1919 года заседании Мусульманского бюро Старого города Андижана Алимов выступил с речью и отметил, что члены партии Старого города и Нового города не мо-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 51. Л. 318 с об.; Д. 90. Л. 13; Д. 98. Л. 26; Д. 113. Л. 19.

гут договориться по вопросу о совместных действиях в борьбе с бандитами и грабителями. В частности, не была удовлетворена просьба о сборе и выделении 5 тысяч рублей боевой дружине на охрану Старого города. Однако, несмотря на это, члены Мусульманского бюро Старого города Андижана не пошли по пути введения каких-либо поборов или налогов. Русскоязычные партийные функционеры Нового города оставались далеки от проблем Старого города, удерживая управление в своих руках и строго контролируя финансовые потоки. При этом представители Мусульманского бюро в Старом городе Андижана воздерживались от введения новых сборов или налогов. Хотя формально члены бюро обладали равными правами с европейскими коллегами, на практике местные чиновники сталкивались с недоверием со стороны руководства. Мусульмане значительно лучше назначенцев из Центра понимали местную обстановку, чутко улавливали настроение коренного населения и глубоко осознавали особенности его менталитета. Однако из-за недоверия и игнорирования членов Мусульманского бюро число разбойников только росло, вместо того чтобы снижаться. По мере увеличения количества преступников, трудностей с их задержанием и неспособности эффективно бороться с ними любого узбека начинали считать связанным с бандами, даже если он не имел к ним никакого отношения. В отличие от представителей Мусульманского бюро, для русских – европейцев местное население фактически оказалось вне закона. Поэтому реквизиции мусульманской собственности происходили регулярно. У людей конфисковывали лошадей, зерно, одежду и многое другое. В Старом городе проводились массовые обыски без санкции Совета депутатов и исполкома. После нападения на завод Беш-Баш власти устроили беспорядочные и неконтролируемые обыски в Старом городе под предлогом изъятия оружия, забирая все, что попадалось под руку. Люди, разоренные и утратившие все, оставшиеся без жилья, пищи и средств к существованию, скитались, где придется, и многие из них примкнули к бандам разбойников. Торговля пришла в упадок. Поставка продовольствия из уездов в города практически прекратилась. Жители кишлаков боялись приезжать в город, опасаясь, что по дороге у них отнимут лошадей

или они столкнутся с грабителями либо красноармейскими чиновниками¹.

Формирование и деятельность Мусульманского бюро Ферганской области, безусловно, сопровождалось рядом трудностей и конфликтов. Причины этих сложностей заключаются в следующем: во-первых, командование Туркестанского фронта, Ферганский областной комитет партии и Ферганский областной революционный комитет не рассматривали Мусульманское бюро Ферганской области как полноценный орган власти. Во-вторых, ключевые позиции в бюро занимали татары: председателем, заместителем председателя, секретарем и руководителем городского отдела были именно они, тогда как представители местных этнических групп возглавляли лишь национальные секции. Более того, работа некоторых секций тюркских народов носила формальный характер, ограничиваясь решением бытовых вопросов и не затрагивая важные общественные и политические аспекты региона. В качестве примера можно привести случай, когда 18 августа 1919 года в Мусульманском бюро Кокандского уезда было отмечено, что деятельность Узбекской секции оставляет желать лучшего, а документы оформляются ненадлежащим образом. Причиной тому стало отсутствие секретаря в этой секции. Для решения проблемы Мусульманское бюро решило передать одного сотрудника из Татарской секции в секретариат Узбекской секции Кокандского уезда². В-третьих, архивные данные указывают на то, что между различными секциями Мусульманского бюро Ферганской области – Узбекской, Киргизской (Казахской), Татарской и Азербайджанской – не всегда наблюдалось единодушие и согласованность действий. Председатель бюро Рахматулла Капкаев, будучи татарин, стремился объединить все тюрко-мусульманские народы, однако успех в этом вопросе был переменным. Он активно поддерживал вовлечение всех мусульман в общественную и политическую жизнь, стимулировал культурную просветительскую работу среди них. Капкаев особенно поощрял активное участие Узбекской, Киргизской и Татарской секций в общественной и культурной жизни Ферганской области.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 90. Л. 21–22.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 88. Л. 3.

Вместе с тем он призывал секции, допускающие пассивность в своей работе, решать организационные вопросы на должном уровне и проявлять больше активности.

Например, Мусульманское бюро Ферганской области обсудило протокол заседания Кыргызской секции от 17 и 20 июля 1919 года, образованной 23 июля 1919 года в своем составе и раскритиковала Кыргызскую секцию за то, что основное внимание уделяется не политической жизни, а волостным революционным комитетам, реабилитации Капсалямова и т. д. Р. Капкаев обратил внимание, что Кыргызская секция не подчиняется решениям Мусульманского бюро Ферганской области и что, даже отменили их, указав, что такой подход неправильный по отношению к вышестоящим организациям. Критикуя деятельность Кыргызской секции, он выразил недовольство тем, что такая бессистемная работа все еще продолжается, и указал на необходимость его расформирования. Подчеркивая целесообразность избрания нового состава взамен расформированной Кыргызской секции, председатель Мусульманского бюро Туркестанского края Т. Рыскулов лично вмешался в деятельность секций Ферганского Мусульманского бюро, в частности, самой Кыргызской секции нецелесообразно утверждать свои протоколы, поскольку «все мусульманские политические организации в области находятся под контролем и подчинены Ферганскому [областному] Мусульманскому бюро <...> Мусульманское бюро Ферганской области просит краевое Мусульманское бюро о взаимодействии друг с другом», и если Т. Рыскулов будет заниматься деятельностью других секций, как он обращал внимание на деятельность Кыргызской секции, «будет продолжать поддержку <...>. Мусульманское бюро Ферганской области прекратит свои полномочия. В таких условиях невозможно работать. Это приведет к самовольничеству в партии и навредит деятельности других секций», – заявил Р. Капкаев. Его твердая позиция по этому вопросу была направлена на укрепление секции Мусульман Ферганской области¹.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^а. Д. 84. Л. 39 с об.; Л. 40, 42.

Между Мусульманским бюро Ферганской области и отдельными его подразделениями нередко возникали противоречия. Кроме того, бюро действовало без единого устава или четких инструкций, поэтому оно не могло стать полноценной частью советской государственной структуры с собственной зоной ответственности. Иначе говоря, Туркестанский СНК, ЦИК, краевая коммунистическая партия и Ревком препятствовали эффективной работе Мусульманского бюро и ограничивали его влияние.

В самом начале существования Мусульманского бюро Ферганской области в нем действовали несколько самостоятельных секций: Узбекская, Татарская, Киргизская и Азербайджанская. Каждая из них стремилась действовать независимо. Однако со временем организационные задачи потребовали большей координации усилий. Так, начиная с августа 1919 года, Узбекско-татарская секция под руководством Абдуллы Капкаева в Скобелеве стала проводить общие собрания, организовывать совместные конференции и митинги на местах. Таким образом, Узбекско-татарская секция приобрела особую значимость в отношениях с коренным населением Туркестана, особенно в вопросах военно-политического, социального, экономического и культурного характера. Заседания этой секции охватывали не только проблемы узбеков и татар, но и вопросы, касающиеся всех мусульманских народов региона. Хотя обсуждения часто сопровождались спорами, было очевидно, что участники стремятся не столько отстаивать интересы отдельных этнических групп, сколько продвигать общетюркские цели. Например, 5 августа 1919 года состоялось общее собрание Узбекско-татарской секции в Скобелеве, где присутствовали 104 ее членов. Среди участников были такие деятели, как А. Макаев, М. Бисеров, Казиев и Миракилов. Одной из ключевых тем для обсуждения стал случай с Мусахановым, который отказался от военной службы и превысил свои полномочия при реквизиции музыкальных инструментов. Дадабаев выступил с обвинением Мусаханова в уклонении от мобилизации. В ответ Мусаханов заявил, что уехал в Ташкент, чтобы посетить своего больного брата, и в течение двух месяцев работал в местном Революционном совете.

Участники собрания, среди которых были как татары, так и узбеки, осудили поведение Мусаханова, подчеркнув, что «...истинные коммунисты должны ставить работу партии выше своей личной работы, своих родственников, когда, перед ним стоит долг партии и дело народа, коммунист не должен заниматься делами своих родителей». Они вынесли ему «воспитательный выговор».

Этот инцидент показывает, что в первые годы советской власти система управления еще не была полностью налаженной и подконтрольной. Действия Мусаханова, самовольно уехавшего в Ташкент и работавшего в Революционном совете, свидетельствуют о наличии элементов самоуправства в управлении.

Кроме того, Абдулла Капкаев, руководитель Узбекско-татарской секции, обвинил Мусаханова в проведении реквизиций музыкальных инструментов через заведующего политическим отделом обкома партии Цвейча без согласования с бюро. Это вызвало возмущение, поскольку подобные действия воспринимались как проявление неуважения к Мусульманскому бюро и его структурам. Бисеров, Шоисломов, Эгамбердиев, Капкоев, Реутов, Дадабаев и другие участники обсуждения подчеркивали важность учета мнения Мусульманского бюро и его подразделений в процессе принятия решений. Любое самоуправство, по их мнению, шло вразрез с интересами мусульман. Реакция на действия Мусаханова и критика, которой он подвергся, демонстрируют, что узбеки и татары активно сотрудничали в создании системы взаимодействия, направленной на защиту общих интересов. Многие татары считали необходимым поставить интересы тюркских народов на системный уровень, контролируя этот процесс через Узбекско-татарскую секцию и Мусульманское бюро¹.

Сначала Узбекская и Татарская секции начали проводить свои заседания в рамках Мусульманского бюро Ферганской области, затем с июля-августа 1919 года Узбекско-татарская и Азербайджанская секции начали проводить свои совместные заседания. По состоянию на 14 октября 1919 года в Узбекско-татаро-азербайджанской секции при Мусульманском бюро Ферганской области насчитывалось 273 человека. С ноября

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 93. Л. 19–21.

1919 года Узбекская, Татарская, Азербайджанская, Кыргызская секции стали проводить собрания совместно, и теперь ее решили назвать «Мусульманской секцией»¹. В 1919 году Мусульманское бюро Ферганской области постепенно усиливает свою деятельность и вносит предложения в местную систему управления: рекомендует своих кандидатов в культурно-просветительные учреждения, издательства, газеты и другие сферы системы управления, или предлагает увольнять с тех или иных должностей. Например, 10 сентября 1919 года эта организация выдвинула кандидатуру Ш. Зайнуллина членом Революционного трибунала Ферганской области².

Мусульманское бюро Ферганской области одновременно усиливает свою деятельность и прилагает усилия для восстановления своих прав. В этом процессе татары большое внимание уделяли правам мусульман. Например, в 1918 году, тюркские языки были зарегистрированы в качестве государственного языка в Туркестане, но, на местах ему пытались противостоять и ставили барьеры. В частности, 23 августа 1919 года телефонистка Елизарова возражала против того, что Бухаретдинов, председатель Мусульманского бюро Кокандского городского-уезда, говорил по телефону на родном языке – тюркском (на татарском. – *Авт.*) и требовала чтобы он говорил только на русском языке. Бухаретдинов был вынужден говорить по-русски. В тот же день Абдулла Гайнуллин, секретарь Мусульманского бюро Кокандского города-уезда, получил предупреждение за то, что говорил на тюркском, то есть на смешанном узбекско-татарском

¹ На самом деле термин «Мусульманская секция» был впервые предложен Р. Капкаевым на совместном заседании Узбекской, Татарской и Кыргызской секций в составе 126 человек, состоявшемся 6 июля 1919 г., но в протоколах последующих совместных заседаний он упоминался как «Татаро-узбекская секция». См.: ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 27. Л. 11, 18. К этому вопросу вернулись 2 ноября 1919 года на совместном собрании узбеков, татар, азербайджанцев, кыргызов состоявшем из 138 человек и решено было назвать его «Мусульманской секцией». См.: ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 27. Л. 42. Однако, несмотря на это решение, в протоколах последующих заседаний продолжали называть Узбекской, Татарской, Азербайджанской и Кыргызской секциями. ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 61. Л. 18; Д. 100. Л. 1; Д. 127. Л. 5.

² ФОО ААП РУз, Ф. 111. Оп. 1. Д. 127. Л. 5.

языке, с сотрудниками отдела народного образования: если, разговор продолжиться в таком же порядке, телефонную связь оборвут. Такое распоряжение дал Данченко, начальник управления связи города Коканд. Мусульманское бюро Кокандского города-уезда на это выразило своё недовольство¹.

2 ноября 1919 года в Скобелеве прошло объединенное заседание 138 представителей Узбекско-татаро-азербайджано-киргизской секции, на котором было принято решение запретить проведение обысков, арестов, реквизиций и конфискации имущества без предварительного уведомления Мусульманского бюро Ферганской области².

Мусульманское бюро Ферганской области сыграло важную роль в организации Мусульманского бюро в уездных городах и мобилизации кадров в систему управления. Татары, составившие основу руководства Мусульманского бюро Ферганской области, выступили против «закономерности в реквизиции» имущества мусульманского населения. Они также возглавили объединение Узбекской, Кыргызской и Татарской секций Мусульманского бюро Ферганской области, для совместного достижения общей цели.

Исторические источники указывают на то, что Мусульманское бюро Ферганской области активно расширяло свое влияние, уделяя значительное внимание пропаганде и культурно-просветительной деятельности. 15 ноября 1919 года при бюро был создан культурно-просветительский и пропагандистско-организационный отдел, руководителем которого назначили Галимжана Юничева. Его обязанности включали изучение положения дел в уездах, городах, волостях и кишлаках, анализ состояния школьного образования, печати газет, обеспечения типографий и издательств. Он также должен был разрабатывать рекомендации по устранению выявленных недостатков и информировать об этом областное Мусульманское бюро.

Так, например, на заседании Ферганского Мусульманского бюро 16 февраля 1920 года под председательством М. Исеева

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 88. Л. 5.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 93. Л. 27 с об.

Фатхуллин представил отчет о своей поездке в Коканд, Андижан и Наманган, посвященной вопросам улучшения культурной и просветительской деятельности. В своем выступлении он описал плачевное состояние школ в этих населенных пунктах, затронул существующие проблемы и предложил пути их решения. Особое беспокойство вызывала ситуация в Намангане, где «во многих школах разбиты окна, они находятся в сараях или просто на земле <...>». По его словам, «необходимо открыть курсы для учителей и обеспечить их полностью. Только тогда можно будет поднять народное образование на необходимый уровень». Также он отметил закрытие татарской школы в Намангане из-за серьезности сложившейся обстановки¹.

Таким образом, несмотря на недолгий срок существования, Мусульманское бюро Туркестана пыталось провести значительную работу в интересах местного населения, заложив основы национального государственного строительства и сделав акцент на мусульманское управление кадрами. Бюро создало управленческие структуры в регионах и уездах, определило роль местных кадров в системе управления. Исторические данные подтверждают тот факт, что татары взяли на себя ведущую роль в формировании Ферганского областного Мусульманского бюро и его практической деятельности. Они выступали против произвольных реквизиций имущества мусульманского населения и инициировали объединение различных национальных секций бюро для совместной работы ради достижения общих целей.

3.3. Татары в периодической печати и полиграфических работах в Туркестане

В 1870 году увидела свет первая газета на узбекском языке, которая активно поддерживала военно-колониальную, экономическую и политическую повестку Российской империи, выполняя задачи по продвижению ее интересов в регионе. Газета называлась «Туркистон вилоятининг газети» («Туркестанская туземная газета») и сыграла важную роль в освещении деятель-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 30; Д. 84. Л. 97.

ности имперских властей. Значительный вклад в издание внесли переводчик Туркестанского генерал-губернатора Шагимардан Ибрагимов и впоследствии редактор М.А. Чанышев, оба они были выходцами из Казани и принадлежали к татарскому народу¹. Газета представляла собой приложение к «Туркестанским ведомостям», что позволяло распространять официальную информацию не только на русском, но и на узбекском языках. Это решение было принято колониальной администрацией для обеспечения более широкого охвата местного населения. В период с 1870 по 1883 год «Туркистон вилоятининг газети» выпускалась именно в таком формате. Для печати газеты требовались арабские (мусульманские) шрифты и квалифицированные специалисты, которых в то время в регионе не хватало. По запросу Туркестанского генерал-губернатора в Ташкент был доставлен ценный груз, включавший арабский шрифт и группу специалистов-наборщиков из числа татар. Среди прибывших мастеров были такие известные имена, как Шахингарий Бекулов, Абдулатип Яушев и Али Бектемиров. Доставка груза осуществлялась на верблюдах, так как железнодорожное сообщение тогда еще отсутствовало².

Татары принимали активное участие в культурной жизни края, особенно в сфере издательской деятельности и создания периодики. Одним из ярких примеров является деятельность Исмаила Абидова, который получил образование в Казанской художественной школе в 1905–1906 годах. В 1906 году он основал в Ташкенте газету «Тараккий», ставшую первым изданием движения джадидов. Несмотря на короткий срок существования – всего три месяца, газета сумела привлечь внимание своим передовым содержанием. Ее главной задачей было преобразование общества путём просвещения и продвижения новых методов обучения. Однако публикации вызвали недовольство

¹ См.: Каримуллин А. Татарская книга пореформенной России. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 229.

² Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И. История печати Туркестана (1870–1925 гг.). Ташкент: Укитувчи, 1976. С. 18–26; Шадманова С. История Туркестана через призму периодической печати (1870–1917 гг.). Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2023 С. 37–38.

властей, усмотревших в них подстрекательство местного населения к участию в революционной деятельности. В итоге издание было закрыто, а Исмаил Абидов оштрафован и выслан из региона. В работе над газетой также участвовали другие представители татарской интеллигенции, такие как Ш. Мухтар и И. Алиев. В 1908 году начала выходить новая газета под названием «Азия», главным редактором которой стал татарский просветитель А. Бектемиров. Активное участие в создании и развитии этого издания приняли такие личности, как А. Музаффар, Н. Яушев, А. Беги и М. Будаили ¹.

Помимо вышеперечисленных инициатив, стоит отметить, что в 1916 году с одобрения Ферганского военного губернатора татарский просветитель, юрист и общественный деятель И. Шагиахмедов начал выпускать газету «Туркестанский край». Кроме того, в 1917 году А. Баттал, также принадлежащий к татарской национальности, занял пост редактора газеты «Шуройи Исламия». Татарин Полат (Бекбулат) Салиев в 1917 году был редактором газеты «Эл байроги», а затем, начиная с 1922 года, занимал должность заместителя редактора журнала «Инкилоб» и редактора журнала «Тонг». Журнал «Чаян», выходивший в 1917–1918 годах, находился под руководством татарских просветителей Халифа Тулякова и Ибрагима Тахири. Газетой «Улуг Туркестон», издававшейся в те же годы, руководили такие деятели татарского происхождения, как Садик Абдусаттаров, Кабир Бакиров и Мухтар Бакиров².

Создание и развитие печатных изданий, укрепление типографий и издательств, оснащенных необходимым оборудованием и укомплектованных специалистами, способными эффективно доносить идеи новой власти до населения, стали одними из

¹ Турдиев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX века // Ислам в татарском мире: история и современность, Казань, 1997. С. 173, 177; Шадманова С. История Туркестана через призму периодической печати (1870–1917 гг.) Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2023. С. 57.

² Расулов А.Н., Исакбаев А.А., Насретдинова Д.М. Татары в Туркестане на изломе эпох (начало XX века). Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 151–162; НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 55. Л. 969.

первоочередных задач советского государства, даже в условиях Туркестана. Периодическая печать и издательская деятельность в системе управления регионом приобрели особое значение в первые годы советской власти, так как они использовались как важный идеологический инструмент для пропаганды социалистической революции и достижения целей нового режима на местах.

Архивные данные указывают на то, что в первые годы советской власти культурные и просветительские связи между Туркестаном и Татарстаном были развитыми и разнообразными. Этому способствовал ряд факторов: во-первых, общая тюркская идентичность и религиозная близость; во-вторых, значительное влияние татар в партийных и государственных органах управления регионом; в-третьих, еще до Октябрьской революции татары играли ключевую роль в культурной жизни Туркестана, работая наборщиками и редакторами в местных типографиях и газетах, обеспечивая их необходимым мусульманским шрифтом. Также известно, что в Туркестан доставлялись газеты «Тарджиман» из Бахчисарая и «Вақыт» из Оренбурга. Большая часть преподавателей и создателей новометодных школ также были татарскими просветителями. Даже после прихода советской власти татары оставались важной частью административного аппарата Туркестана, играя активную роль в его культурной и образовательной жизни. Взаимодействие происходило не только внутри региона, но и с издательствами, типографиями, партийными и государственными учреждениями Поволжья и Урала.

В 1919 году председатель Мусульманского социалистического комитета Казани Мулла Султан-Галиев направил в адрес Туркестанского народного комиссариата по делам национальностей пятьдесят экземпляров первого выпуска газеты «Кызыл Байрак». Просьба заключалась в том, чтобы эти экземпляры были распространены по всему региону. В письме было особо подчеркнуто, что следующий выпуск издания также планируется разослать без взимания платы. Кроме того, Казанский комитет обратился с призывом оказать содействие в популяризации этого печатного органа через уездные, волостные и кишлачные советы, а также среди преподавателей-мусульман. Этот шаг свидетельствует

о стремлении татарских просветителей внести вклад в культурную жизнь мусульманского населения Туркестана, проявив тем самым заботу и внимание к своим единоверцам¹.

После того как советская власть утвердилась в Туркестане, первой газетой, начавшей свою работу, стала «Наша газета». Она выходила с 8 ноября 1917 года до 11 апреля 1919 года. На ее страницах освещалась политика большевиков, а также публиковались их декреты и постановления. Спустя месяц, в декабре 1917 года, начал выходить «Новый путь». Затем последовали другие издания: с 24 декабря 1918 года – «Продовольственное дело»; с марта 1918 года – «Голос крестьянина»; с 20 апреля 1918 года – «Народный университет»; а с 28 августа 1918 года газета «Национальный университет» сменила название на «Просвещение». Кроме того, с 14 июня 1918 года начала печататься газета «Советский Туркестан», а с 16 декабря того же года – «Туркестанский коммунист» на русском языке. Помимо этого, в Ташкенте выпускались такие издания, как «Ишчилар дунеси» («Рабочий мир»), выходивший дважды в неделю, и еженедельный педагогический журнал «Маориф» («Просвещение»). В книге, посвященной истории туркестанской прессы, приводятся данные о других изданиях, таких как «Известия», «Красный фронт», «Эркинлик», «Набат революции», «Горнист», «Красноармеец», «Кизил юулдуз», «Садан фукара», «Борец за коммунизм», «Еженедельник политработника», «Наша жизнь», «Туркистон фидойилари», «Туркистон фукароси», «Всемирная свобода». Эти газеты и журналы были изданы в период с 1917 по 1924 год, охватывая первые годы становления советской власти в регионе².

В первые годы советской власти одной из важнейших задач стало создание в Туркестане печати, отвечающей требованиям советского правительства. Исходя из этого, важно было на основании решения I съезда КП Туркестана, начать издание газеты «Иштирокиюн» («Коммунист») с 1918 года, направленной ин-

¹ НА Уз. Ф. Р. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.

² Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И. История печати Туркестана (1870–1925 гг.). Ташкент: Ўқитувчи, 1976. С. 213, 215–217, 229, 232, 240, 242–244.

тересам советской власти. Несмотря на то, что «Иштирокиюн» издавался на узбекском языке¹, содержание статей и объявлений на его страницах, «смесь староузбекского языка с татарским была понятна даже кыргызам (казахам). Одна страница газеты печаталась на русском языке»².

Газета «Иштирокиюн» первоначально была органом Туркестанского НКДН, а ее первым ответственным редактором с 15 июня 1918 года был назначен А.Ш. Клевлеев, татарин по национальности³.

Когда Туркестанский Народный комиссариат дел национального меньшинства назначил его ответственным редактором данной газеты, выбор пал именно на него благодаря глубокому знанию им общественно-политической, военно-экономической и культурно-просветительской обстановки в крае. Его выдающиеся организаторские способности в системе государственного управления, а также статус представителя Российского Наркомата и члена Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета сыграли немаловажную роль при принятии решения. Важно подчеркнуть, что статьи в газете «Иштирокиюн» часто публиковались на своеобразной смеси староузбекского и татарского языков, что имело свои причины. Во-первых, большинство ответственных редакторов, членов редколлегии и значительная часть технического персонала были татарами. Они играли ключевую роль в организации процесса печати, обеспечении страниц газеты материалами, насыщенными социалистическими идеями, соответствующими духу времени, и привлекали опытных татарских наборщиков. Вторая причина заключалась в том, что сотрудничество с татарами считалось полезным для налаживания контактов с чиновниками и использования связей с казанскими типографиями в решении вопросов, касающихся выпуска

¹ Существуют версии, что газета «Иштирокиюн» издавалась на татарском языке, что не соответствует действительности. См.: *Камилов А.А.* Деятельность народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР по решению национальных проблем в Туркестане: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Андижан, 1993. С. 21.

² *Эрназаров Т.Э., Акбаров А.И.* История печати Туркестана (1870–1925 гг.). Ташкент: Ўқитувчи, 1976. С. 234–235.

³ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 157.

газет, включая привлечение квалифицированных журналистов и обеспечение необходимого мусульманского шрифта.

А.Ш. Клевлеев приложил всю свою энергию и организаторские способности, чтобы начать издавать газету «Иштирокиюн», обеспечить ее необходимыми кадрами, найти бумагу для газеты, обеспечить мусульманский шрифт и одновременно привлечь в газету опытных журналистов. Однако Туркестанский НКДН считал целесообразным использовать его организаторские способности и в других областях, в частности, для совершенствования системы управления краем, поощрения живого диалога между населением ради построения «социалистического общества». По этой причине Туркестанский ЦИК и Туркестанский СНК считали приоритетным использование А.Ш. Клевлева в формировании и укреплении системы управления советской властью на местах, и с 18 августа 1918 года редактором газеты «Иштирокиюн» («Коммунист») вместо него был назначен Ахмед Донской¹. На тот момент, эта газета была преобразована в орган Туркестанского НКДН, а редакция насчитывала 7 человек².

Ахмед Донской, назначенный ответственным редактором газеты «Иштирокиюн» по рекомендации Татарского отдела Туркестанского НКДН, пригласил Габидуллу Мазитова, З.Ш. Юсупова, Р.И. Мансурова, И.М. Хамзина, Юнуса Насибуллина, М. Азизханова, М.А. Файзуллина, Кабира Бакира, З. Насибуллина в состав редакции, среди них были переводчик, фальцовщик, наборщик букв, сотрудник, экспедитор, литературный переводчик, управляющий³. Вышеупомянутые сотрудники были привлечены к работе в газету «Иштирокиюн», являющуюся органом Туркестанского НКДН, через биржу труда, путем размещения необходимых объявлений на страницах газеты о потребности в соответствующих работниках, а также личной заслуги Ахмеда Донского, привлечшего татарских сотрудников благодаря своим организаторским способностям. Особое внимание уделяется

¹ См. Приложение.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 77; Д. 10. Л. 92; Иштирокиюн. 1918. 25 августа.

³ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 50, 166, 177; Д. 28. Л. 13–14, 24, 33, 36–37, 161–162, 206, 239–240, 555, 584, 595; Д. 30. Л. 83.

тому, имеют ли сотрудники, задействованные в газете «Иштирокиюн», квалификацию в данной области, способность выполнять литературный перевод с русского на тюркский и с тюркского на русский язык¹.

При исполнении возложенных на Ахмеда Донского ответственных поручений он учитывал интересы местного населения, проживающего в крае, в частности, роли их языка, культуры, просвещения в историческом развитии общества, организовывая национально-воинские формирования на местах, проводя пропагандистскую и агитационную деятельность, направленную на интересы советской власти среди населения, занимался также организационной работой по образованию советов в системе местного самоуправления. Согласно имеющимся архивным источникам, вместо ответственного редактора газеты «Иштирокиюн» Ахмеда Донского, позднее, Туркестанский НКДН назначил Кабира Бакирова², опытного специалиста в области печати. До назначения на эту должность он работал специалистом в этой области, точнее, в 1917–1918 годах был редактором газеты «Улуг Туркестан»³, а затем с 30 января 1919 года работал сотрудником и руководителем газеты «Иштирокиюн»⁴. Так, по данным от 14 октября 1919 года, в газете «Иштирокиюн» работали татары Кабир Бакиров – ответственный редактор, Капкаев – переводчик, М. Алимов – корректор (наборщик букв), И. Хамзин – переводчик, Зунунов – сотрудник⁵.

В марте 1919 года в связи с созданием Мусульманского бюро Туркестанского края на повестку дня была поставлена задача создания отдельной газеты и издательства для печати мусульманской литературы. Можно сказать, что Мусульманское бюро

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 102; Д. 28. Л. 555, 584.

² См. Приложение.

³ После Кабира Бакира редактором этой газеты был его брат – просветитель Мухтар Бакир. Он также работал на ответственной должности в курировании образования БНСР. В ноябре 1921 года с его помощью также были привлечены в ХНСР 25 татарских педагогов из Оренбурга. См.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 295. Л. 52; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27.

⁴ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 13–14, 36–37.

⁵ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 17. Л. 232 с об.

Туркестанского края при осуществлении своей деятельности основное внимание уделяло пропагандистской работе среди местного населения. Для этого одной из важнейших задач считалось развитие печати и обеспечение непрерывной работы типографий. В частности, председатель Мусульманского бюро Туркестанского края Т. Рыскулов в письме, написанном в Туркестанский ЦИК 20 июня 1919 г., считал целесообразным реализовать следующие задачи в целях дальнейшего развития издательского дела на мусульманских языках:

1. Поскольку для печати газет и литературы на мусульманских языках не хватает соответствующих кадров и технических сил, необходимо собрать в Ташкенте все типографии и мусульманский шрифт и создать широкую сетевую типографию для печати всех мусульманских газет, партийной литературы и учебников;

2. Из-за нехватки кадров, отсутствия бумаги и другого полиграфического оборудования необходимо издавать одну общую по краю газету, которая будет являться органом Мусульманского бюро Туркестанского края. В этой газете необходимо освещать общественно-политические, партийные, военно-экономические, культурно-просветительские и другие стороны Туркестана;

3. Вопросы, связанные с редактированием и изданием всемусульманской газеты, должны быть возложены на Мусульманское бюро Туркестанского края;

4. На основании вышеизложенного, Мусульманское бюро края обратилось с просьбой в Туркестанский ЦИК с просьбой рассмотреть данный вопрос и передать газету «Иштирокиюн» и все типографии с мусульманским шрифтом в их распоряжение¹.

Рассматривая предложенный Т. Рыскуловым вопрос о необходимости отдельной газеты как органа Мусульманского бюро края, на заседании совета Туркестанского ЦИК 30 октября 1919 года было принято решение о том, что газета «Иштирокиюн» станет официальным органом Туркестанского ЦИК и Мусульманского бюро края и перейдет от Народного комиссариата по делам национальностей. Таким образом, с 1 декабря

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 243. Л. 85.

1919 года газета «Иштирокиюн» перешла под контроль Мусульманского бюро Туркестанского края¹.

Тем не менее, изначально Т. Рыскулов выразил несогласие с передачей газеты «Иштирокиюн», которая являлась органом Туркестанского Народного комиссариата дел национального меньшинства, под управление Мусульманского бюро Туркестанского края. В частности, будучи председателем Мусульманского бюро, Т. Рыскулов обратился к Туркестанскому Центральному Исполнительному Комитету 17 ноября 1919 года. После обсуждения вопроса о преобразовании газеты «Иштирокиюн» в официальный орган Туркестанского ЦИКа и Мусульманского бюро, представители этих структур выразили мнение, что издание не сможет выполнять функции официального органа ЦИКа. Т. Рыскулов подчеркнул, что у Туркестанского ЦИКа нет возможности публиковать свои положения, приказы, постановления и распоряжения в существующем формате газеты «Иштирокиюн» ввиду нехватки технических ресурсов, мусульманского шрифта и специалистов-наборщиков. На основании вышеизложенного Мусульманское бюро Туркестанского края принимает решение о том, что газета «Иштирокиюн» останется только ее официальным органом и определяет, что в этой газете будут освещаться постановления правительства, указы и декреты, касающиеся мусульман². Но это решение было пересмотрено на заседании Туркестанского ЦИКа 18 ноября 1919 года, где было отменено решение Мусульманского бюро Туркестанского края о газете «Иштирокиюн» как ее официальном органе. Решение Туркестанского ЦИКа от 30 октября 1919 года осталось в силе³.

Видно, что усилия Мусульманского бюро Туркестанского края под председательством Т. Рыскулова превратить газету «Иштирокиюн» в собственный орган и не допустить, чтобы эта газета одновременно стала органом Туркестанского ЦИКа не дало положительного результата. Однако ответственный секретарь, состав редакции и большинство сотрудников газеты

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 67; Ф. Р.36. Оп. 1. Д. 16. Л. 193.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 118.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 117 с об.

оставались татарами. Например, секретарь Мусульманского бюро Туркестанского края Шакиров обратился в ЦИК Туркестана с просьбой распорядиться оставить З. Рахматуллина в распоряжении газеты «Иштирокиюн» как квалифицированного специалиста по газетному издательству¹.

Обращения в Туркестанский ЦИК по вопросу привлечения татарских кадров в редакцию газеты «Иштирокиюн» продолжались и после этого. Например, 20 марта 1920 года ЦК КП Туркестана обратился в ЦИК Туркестана с просьбой освободить Нуриддина Сайфульмулюкова для работы в редакции газеты «Иштирокиюн»².

Однако имеющиеся архивные данные свидетельствуют о том, что ЦК КП Туркестана начал устанавливать свой контроль за назначением ответственного редактора газеты «Иштирокиюн» ЦИК Туркестана, увольнением членов редакции, решением организационных вопросов, касающихся сотрудников газеты. В частности, 31 марта 1920 года, согласно решению газеты «Иштирокиюн» Туркестанского краевого комитета партии от 30 марта 1920 года, финансовые дела были переданы в ведение Туркестанского ЦИК с 1 апреля, и только идейно-политическое руководство газеты было оставлено на усмотрение партии³. Видно, что теперь редакция газеты «Иштирокиюн» по содержанию и сути публикуемых в ней материалов ориентированная на интересы советской власти, по составу работающих: политический уровень, потенциальный, по требованию времени, находилась под постоянным контролем и перешла на усмотрение ЦК КП Туркестана. Например, на заседании исполнительного бюро ЦК КП Туркестана 8 октября 1920 года рассматривался вопрос о редакции газеты «Иштирокиюн». Говоря по этим вопросам, Альмухаммедов выразил мнение о необходимости усиления редакции газеты «Иштирокиюн» кадрами, имеющими определенный опыт работы в данной сфере. Альмухаммедов отметил, что в целях повышения внимания к содержанию и сути материалов

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 244. Л. 132 с об.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 94.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 117.

в интересах советской власти, в связи с регулярностью выхода газеты в редакцию газеты «Иштирокиюн» целесообразно привлечь следующих татарских сотрудников:

1. Через Туркбюро привлечь сотрудника военно-политического управления Туркестана Н. Мансурова;

2. Предложить ЦК РКП(б) мобилизовать сотрудника уфимской газеты С. Шарафутдинова в издаваемую в Ташкенте газету «Иштирокиюн»;

3. Необходимо мобилизовать Х. Гайсина в «Иштирокиюн» через ЦК РКП(б);

4. Отозвать Н. Сайфульмулюкова и А. Каинова с Рабочего факультета Туркестанского государственного университета в газету «Иштирокиюн»;

5. В первую очередь следует принять меры по регулярному обеспечению сотрудников типографии газеты «Иштирокиюн» классовым пайком через продовольственный комиссариат;

6. К изданию газеты «Иштирокиюн» в качестве опытных наборщиков букв следует привлечь И. Бектемирова и К. Мухитдинова, работающих артистами в труппе комиссариата народного просвещения¹.

В ответ на предложение от 14 октября 1920 года привлечь в газету «Иштирокиюн» И. Бектемирова и К. Мухитдинова, татарских артистов из труппы комиссариата народного просвещения Туркестана, в качестве опытных наборщиков букв, заявили, что их нельзя отпускать из труппы, потому что репертуар готовился три месяца и все будет испорчено. При этом было отмечено, что И. Бектемиров так же работает администратором в труппе, и заменить его невозможно. Также отмечалось, что «в Ташкенте так мало татарских артистов, поэтому каждый из них драгоценен, ни одного из них нельзя заменить, и поэтому их невозможно отпустить [в газету]»².

Однако имеющаяся информация свидетельствует о том, что, несмотря на усилия комиссара народного просвещения Туркестана Ш. Ахмадиева по сохранению И. Бектемирова и

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1051. Л. 80.

² НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1051. Л. 80.

К. Мухитдинова в труппе татарского театра, политически и идеологически более важным считалось обеспечить типографию газеты «Иштирокиюн» наборщиками букв, а с 6 ноября 1920 года они были мобилизованы¹.

В целом большую роль в эффективной работе газеты «Иштирокиюн» в периодической печати Туркестана сыграли ее первые редакторы Ариф Клевлеев, Ахмад Донской, Кабир Бакир, Мухтар Бакир, Назир Тюракулов, Мирмухсин Шермухаммедов и Фатих Сулейманов².

Как уже отмечалось выше, Татарским отделом НКДН Туркестана также проведена большая мобилизационная работа по обеспечению прессы, типографий, издательств края специализированными татарскими кадрами. В частности, Татарский отдел Туркестанского НКДН рекомендовал Ибрагима Тагирова на должность редактора издававшегося в крае журнала «Шарк», и он приступил к исполнению этой должности 26 мая 1919 года. На этой должности он проработал до 12 августа 1919 года, а затем Абдулла Ахмаджанов был назначен редактором журнала «Шарк» по рекомендации Г. Шагидуллина, заведующего Татарским отделом Туркестанского НКДН³.

Организация и руководство периодической печатью Туркестана татарами продолжалась и в последующие годы, причем они использовались не только в редакциях узбекоязычных газет и журналов, издававшихся в крае, но и в русскоязычных изданиях. Например, со 2 апреля 1920 года Агниева был назначен ответственным секретарем, Бисеров – членом редакции газеты «Известия», являющейся органом Туркестанского ЦИК⁴, а Газизов с 1921 года – ответственным редактором газеты «Красная Фергана»⁵. В мае 1921 года Захаров был назначен редактором

¹ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1051. Л. 80 с об.

² *Эрназаров Т.* Туркистонда вақтги матбуот. Тошкент: Ўзбекистон ССР давлат нашриёти, 1959. Б. 120.

³ НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 351. Л. 9, 22–23; Д. 361. Л. 13; Д. 357. Л. 7; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 30. Л. 108, 153.

⁴ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 120.

⁵ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 336. Л. 69.

издававшейся в Фергане газеты «Знамя труда», а на должность ответственного секретаря – Латиф Урманов¹.

Важно было, чтобы содержание периодической печати, издаваемой в Туркестане, не было направлено против большевистской системы управления в крае, а было симпатизирующим ей, и это строго контролировалось. Издававшаяся в крае пресса должна была обслуживать интересы советской власти. Например, в связи с публикацией в 73-м номере узбекоязычной газеты «Кызыл байрак» статьи с критикой правительства Туркестана, Шермухаммедов, член редакции этой газеты, был освобожден от занимаемой должности. В соответствии с приказом Туркестанского ЦИК от 28 июля 1921 года редактором газеты был временно назначен Бурнашев, который был «политически бдительным» и симпатизировал «новому социалистическому обществу» со всех сторон².

Газета «Янги Шарк», издававшаяся татарами в Ферганской области, сыграла важную роль в становлении печати советской власти в Туркестане. В то время газета была органом Туркестанского НКДН, а затем Мусульманского бюро Ферганской области, выходила с июля 1919 года и было издано 100 номеров³.

Для успешного продвижения идей советской власти среди населения Туркестана необходимо было ясно донести до людей ее цели и задачи. Важным шагом стало создание местных печатных органов, способных вести агитационную работу, направленную на формирование сознания нового социалистического общества. В этих целях был основан выпуск газеты под названием «Янги Шарк», которая стала изданием Ферганского областного отдела Народного комиссариата по делам национальностей Туркестанской АССР. Первый номер газеты вышел 8 июля 1919 года, а редакцию возглавил татарин Хади Файзи. Однако его руководство продолжалось недолго, и уже с пятого выпуска, датированного 28 июля 1919 года, редактором

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 234. Л. 42, 79.

² НА Уз. Ф.Р-17. Оп.1. Д. 287. Л.16.

³ *Иноятов Х.Ш.* Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. М.: Мысль, 1984. С. 208; *Бобохонов А.Х.* Асрдан ошган зиё масканлари. Тошкент: O'zbekiston, 2011. Б. 89.

газеты стал Фатхуллин¹. Основная миссия издания заключалась в освещении повседневных событий и проблем, касающихся тюрко-мусульманских народов, проживавших в регионе. Газета стремилась показать их роль и значение в общественной, политической и культурной жизни края, способствуя просвещению и информированию широких масс.

В условиях Туркестана привлечение татар к созданию газет и типографий в Ташкенте и регионах, решению полиграфических, издательских и организационных вопросов, связанных с прессой, в том числе обеспечению оборудованием, набором кадров, включая наборщиков, журналистов и редакторов, было признано приоритетным направлением. Несколько примеров иллюстрируют этот подход. Татары среди тюркских народов традиционно были близки к печатному и полиграфическому делу. Среди татар, проживающих в Туркестане, будь то по личным обстоятельствам или мобилизованных в военные, партийные и советские структуры, находились те, кто обладал опытом в типографском деле и мог организовать печать. Те, кто занимался организацией и управлением печати и полиграфии, могли устанавливать деловые связи с татарами в Туркестане, а также с представителями Казани, Уфы, Оренбурга и других регионов России, где развивались типографское и полиграфическое производство, чтобы решать возникающие проблемы. В то же время советское правительство использовало татар, обладавших значительным опытом в печатно-полиграфической деятельности, лояльных к новому «социалистическому обществу» среди тюркских народов, добросовестно выполнявших задачи, поставленные большевиками, и не отступающих от директив руководства.

В частности, 15 июля 1919 года состоялось девятое заседание Мусульманского бюро Ферганской области под руководством председателя М. Бисерова при участии секретарей М. Исеева и Т. Фатхуллиной. Основным вопросом повестки дня стал доклад А. Макаева, посвященный организационной, пропагандистской и культурно-просветительской деятельности среди местного населения, направленной на разъяснение целей и задач формиру-

¹ Янги Шарк. 1919. 8 июль, 28 июль.

ющегося нового общества. После обсуждения доклада и других связанных с ним вопросов, участники заседания приняли решение назначить газету «Янги Шарк» официальным органом Мусульманского бюро Ферганской области. Кроме того, было решено направить обращение в литографию Туркестанского края с просьбой обеспечить высокое качество и регулярность выхода газеты, а также предоставить необходимые материалы, включая мусульманские шрифты и полиграфическое оборудование. С другой стороны, по данным заседания Мусульманского бюро Ферганской области от 4 августа 1919 года, «Янги Шарк» – издание Ферганского областного отдела по делам национальностей Туркестанского НКДН – теперь считается органом областного Мусульманского бюро¹.

В действительности, несмотря на многочисленные обращения руководства Туркестана к центральным властям о необходимости организации в регионе собственных газет, выпуска печатной продукции и открытия типографий, снабженных мусульманским шрифтом и современным полиграфическим оборудованием, эти просьбы так и остались без ответа. Сложная обстановка в крае, особенно в Ташкенте, требовала срочных мер, но решение этих задач всё еще зависело от поддержки со стороны Центра и поставок необходимого оборудования из Казани. В связи с этим, Мусульманское бюро Ферганской области провело тщательный анализ местных условий и пришло к выводу, что наиболее рациональным шагом будет закрытие существующих региональных изданий и концентрация всех ключевых специалистов – редакторов, наборщиков и печатников – в центре области.

Например, 15 августа 1919 года вопрос газеты «Янги Шарк» вновь обсуждался на заседании Мусульманского бюро Ферганской области. Председатель Мусульманского бюро Ферганской области Р. Капкаев счел целесообразным, чтобы материалы, публикуемые в газетах, издаваемых местными советами на языках коренных народов, были ориентированы на «единственную цель большевиков-мусульман». По этому вопросу было решено направить в города области А. Макаева и И. Бирюшева, как

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 8 с об., 45.

официальных руководителей Мусульманского бюро Ферганской области. В решении также говорилось, что газеты, издаваемые в областных городах, должны быть остановлены, мусульманские шрифты, печатное оборудование должны быть изъяты и надлежащим образом зарегистрированы, а также «немедленно отправить [все] мусульманские шрифты, бумагу... персонал для печати областной газеты»¹.

Мусульманское бюро Ферганской области, прежде чем мобилизовать А. Макаева и И. Бирюшева для внимательного изучения издаваемых газет на местах, поставило перед собой следующие задачи: во-первых, на основании указания председателя Мусульманского бюро Туркестанского края Т. Рыскулова отказаться от печатания газет, включающих в себя разного рода содержание и не имеющих возможности регулярно издаваться из-за сложных условий. Во-вторых, необходимо издавать в Ферганской области газету, которая ставит перед собой четкие цели и задачи и может объединить мусульман-большевиков под единой «социалистической идеей». В-третьих, для обеспечения регулярного выхода газеты «Янги Шарк», являющейся органом областного Мусульманского бюро, необходимо собрать имеющуюся полиграфическую технику, оборудование, мусульманские шрифты и тех, кто знаком с работой прессы в областной центр и эффективно использовать их при издании централизованной газеты. С этой целью на основании решения Мусульманского бюро Ферганской области от 15 августа 1919 года татарским просветителям А. Макаеву и И. Бирюшеву было приказано закрыть газеты на местах, издаваемые на языках местных народов, и составить опись всех мусульманских шрифтов, бумаги и принадлежащее им имущество. Также им было поручено решение организационных вопросов в тщательном изучении деятельности местных газет. В то же время Тюракулов был назначен ответственным редактором газеты «Янги Шарк», чтобы настроить издание в соответствии с потребностями времени. Учитывая военно-политическую ситуацию в области, Тюракулова, назначенного на должность редактора газеты «Янги Шарк», военному комис-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 54.

сариату Ферганской области было предложено освободить его от военной мобилизации. Согласно решению, в газету «Янги Шарк» было решено задействовать А. Юнусова из Скобелева и А. Якубова из Коканда¹.

Имеющиеся архивные источники свидетельствуют о том, что члены Мусульманского бюро Ферганской области А. Макаев и И. Бирюшев посетили Кокандский и Наманганский уезды, в частности, 26 и 28 августа 1919 года, где обсуждалась деятельность Мусульманского бюро на местах, сотрудников газет, типографий, оборудования, мусульманского шрифта, запасов бумаги и было принято решение перевезти это все в Скобелев:

1. По решению Туркестанского СНК на местах не должны издаваться газеты и бюллетени;

2. Имеющийся мусульманский шрифт следует передать в распоряжение в Скобелев – Мусульманское бюро области;

3. Вызвать Лутфуллу Алимова из Намангана в Мусульманское бюро области для усиления состава редакции газеты «Янги Шарк»;

4. Объем газеты «Янги Шарк» необходимо увеличить вдвое и издавать 3 раза в неделю².

Организация издания газеты «Янги Шарк» в соответствии с идеологическими установками большевиков, отражающими дух революционных преобразований, потребовала не только материальных ресурсов, таких как бумага и мусульманский шрифт, но и привлечения квалифицированных кадров. Необходимо было обеспечить газету профессиональными наборщиками, журналистами и редакторами, способными освещать события в свете социалистических идей, акцентируя внимание на борьбе с басмачеством, а также на военно-политическом, экономическом и культурном положении региона. Из-за трудностей с поставками материалов и сложностей, вызванных напряженной обстановкой в Ферганской области, состав редакции неоднократно менялся. Сотрудники набирались из различных уголков региона, включая города Наманган, Коканд и Андижан. Многие из тех, кто входил

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 54.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 62 с об., 66.

в коллектив газеты, такие как Т. Фатхуллин, Г. Бекмухаммедов, Шамсутдинов, Г. Юничев, С. Галиев, М. Давлетшин, А. Макаев и другие, были татарами, выполняющими функции переводчиков и редакторов. Часть работников, занимавшихся управлением изданием, включая редакторов, переводчиков и заведующих, была мобилизована из армейских подразделений, тогда как остальные прибыли из местных культурных и образовательных учреждений, а также из советских и партийных структур¹.

К примеру, Мусульманское бюро Ферганской области 27 октября 1919 года приняло решение о привлечении Фатхуллина, Ахундадаева и Юлдашкариева к работе в редакции газеты «Янги Шарк». Спустя всего четыре дня, 31 октября 1919 года, Т. Фатхуллин, уже будучи редактором газеты, выразил свое мнение в Мусульманском бюро относительно пропаганды среди мусульманского населения Ферганской области, которая должна была способствовать укреплению доверия местного населения к советской власти. Мусульманское бюро одобрило этот план действий и постановило мобилизовать необходимые ресурсы для издания газеты. Было решено незамедлительно изъять все мусульманские шрифты, имеющиеся в типографиях региона, и передать их вместе с набором специалистов-наборщиков в распоряжение бюро. Кроме того, для усиления работы редакции был привлечен эксперт Зиявиддин Кари из Намангана. Мусульманскому управлению Наманганского уезда поручили срочно направить Зиявиддина Кари в Мусульманское бюро Ферганской области².

Ответственность за редактирование газеты «Янги Шарк» постепенно перешла от различных военно-политических, партийных и советских органов к Татарскому бюро. Известно, что руководство таким важным изданием требует высокой степени профессионализма и преданности делу, поэтому Мусульманское бюро чаще всего назначало на эту должность людей татарской национальности, обладающих опытом в полиграфии, налаженными связями в данной сфере, а также значимым положением в общественной, политической, культурной и образовательной жизни.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 83.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 84. Л. 85.

ни региона. Тем не менее, архивные документы свидетельствуют о том, что редакторы газеты нередко сменялись по разным причинам. Некоторые оставались на своём посту лишь неделю или несколько недель. Так, согласно решению Мусульманского бюро Ферганской области от 9 декабря 1919 года, редактором газеты «Янги Шарк» был назначен И. Ахунов. Однако вскоре встал вопрос о поиске нового редактора, который приобрел характер серьезной проблемы. Например, 18 декабря 1919 года Г. Япиев, руководитель издательства газеты «Янги Шарк», представил доклад о проделанной работе и будущих планах перед Мусульманским бюро Ферганской области, в котором он также поднял вопросы регулярных выпусков газеты. Особое внимание было уделено тому факту, что отсутствие опытных кадров и компетентного ответственного редактора может привести к прекращению выхода издания, как это уже происходило ранее. Это создавало угрозу невыполнения важнейших «социалистических обязательств», таких как информирование мусульманского населения о целях и задачах советской власти, освещение содержания ее решений и распоряжений. Исходя из сложившейся ситуации, Мусульманскому бюро области было рекомендовано предпринять следующие шаги для успешного выполнения задач, стоящих перед газетой:

1. Необходимо ускорить выделение средств из Мусульманского бюро Туркестанского края;
2. Газету следует перевести на ежедневное издание. Для этого необходимо привезти мусульманский шрифт из Намангана и других городов;
3. Необходимо пригласить в Скобелев наборщиков букв из других городов области, даже если придется снять их с занимаемых должностей;
4. Необходимо расформировать редакцию газеты «Янги Шарк» и создать новую;
5. Необходимо найти сотрудника на должность ответственного редактора;
6. Необходимо попытаться создать газете собственную типографию¹.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 90. Л. 10.

Вышеупомянутые опасения по поводу газеты «Янги Шарк» подтверждались с каждым днем. В частности, частая замена ответственных редакторов газеты «Янги Шарк» Мусульманским бюро Ферганской области не дала ожидаемого результата. Несмотря на предпринятые усилия, попытки привезти в Скобелев сотрудников газеты, оборудование и мусульманский шрифт из уездных городов Ферганской области в конечном итоге не оказали положительного влияния на ее регулярность выхода и актуальность публикуемых статей и сообщений. Даже к концу 1919 года перебои в снабжении газеты «Янги Шарк» означали, что «члены, назначенные в редакцию [Мусульманским] бюро, не оправдали ожиданий, так как многие из входящих в [редакцию] членов были [в то же время] заняты на других должностях»¹.

Частые изменения в руководстве газеты «Янги Шарк» и самоуправство в системе ее управления объясняются не только недостатком опыта или образования у многих татарских редакторов, но и внутренними конфликтами либо соперничеством среди членов Ферганского областного комитета партии.², которое являлось органом управления области и членами Мусульманского бюро³ Ферганской области. В конце концов, такую нездоровую конкуренцию можно назвать попыткой, направленной на «ориентацию на национальность» и внедрение шовинизма, независимо от знания языка, менталитета и опыта. В ходе своей деятельности русские и русскоязычные члены Ферганского областного комитета партии, препятствовали татарским чиновникам, составлявшим ядро руководства областного Мусульманского бюро, редакции газеты «Янги Шарк», органа Мусульманское бюро, «отклонениям в сторону тюркского единства и национализма» на страницах этой газеты, чтобы держать татарскую просвещенную редакцию под постоянным контролем.

Определенные усилия прилагались Турккомиссией для прекращения «отдаления от Центра», «стремления к тюркскому

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 90. Л. 10.

² Члены и руководство обкома были в основном русскими и русскоязычными. (Прим. авт.)

³ Татары и узбеки составляли большинство членов и руководства Мусульманского бюро. (Прим. авт.)

единству» и ограничения «сферы влияния татар» среди мусульман края в деятельности членов Мусульманского бюро Туркестанского края и областных отделений Мусульманского бюро. В этой связи в качестве примера можно привести ограничения на поставку газеты «Янги Шарк» по сравнению с другими русскоязычными газетами, особенно по поставке бумаги, а также частую смену редакторов. Как уже отмечалось, многие редакторы татарской национальности, назначавшиеся на работу в газету «Янги Шарк», оставались на своих должностях сравнительно короткий период времени – порой всего неделю, месяц или несколько месяцев. Примером одного из таких редакторов является татарский просветитель Г. Бикмухаммедов, внесший значительный вклад в развитие издания. В январе 1920 года он был переведен Мусульманским бюро Ферганской области из Ферганской стрелковой дивизии в Андижане в редакцию газеты «Янги Шарк». Здесь он продемонстрировал свои выдающиеся организаторские способности и быстро освоился в работе, благодаря чему 15 января 1920 года был назначен ответственным редактором газеты. Впрочем, на этом посту он пробыл недолго – до 7 февраля 1920 года. Впоследствии Г. Бикмухаммедов продолжал работать в газете, заняв позицию члена редколлегии¹.

Дело в том, что в архивных источниках почти нет сведений о причинах увольнения или освобождения от должности назначенных ответственных редакторов, принадлежащих к татарской национальности. В частности, не предоставив информации о причинах отстранения Г. Бикмухаммедова с должности ответственного редактора газеты «Янги Шарк», Мусульманское бюро Ферганской области в феврале 1920 года известило Мусульманское бюро города Намангана о назначении Т. Фатхуллина редактором газеты «Янги Шарк» и просило его немедленно прибыть в Скобелев. Таким образом, вместо Г. Бикмухаммедова 7 февраля 1920 года ответственным редактором газеты «Янги Шарк» был назначен Т. Фатхуллин². Но и это назначение продлилось недолго. 13 февраля 1920 года вопрос о назначении нового ответственного редактора газеты «Янги Шарк» обсуждался на

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 13, 15, 18, 27; Д. 244. Л. 72.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 156. Л. 148.

совместном заседании Ферганского областного комитета партии, Мусульманского бюро Ферганской области и представительства Ферганского политотдела. На совместном заседании отмечалось, что между редакцией, возглавляемой ответственным редактором газеты «Янги Шарк», и партийным комитетом Ферганской области имеются «тактические разногласия» в освещении общественно-политических, военно-экономических, культурно-просветительских вопросов, в подходе к тем или иным проблемам, и к кадрам в системе управления. Татарские редакторы и члены редколлегии были отмечены как неподчиняющиеся указаниям Ферганского областного комитета партии, и на основании этого было решено распустить редакцию, возглавляемую ответственным редактором газеты «Янги Шарк»¹.

Туркомиссия вмешивалась в дела ответственного редактора газеты «Янги Шарк», являющейся органом Мусульманского бюро Ферганской области, и ее редакции. Эмиссары Центра и руководство большевиков края не были удовлетворены тем, что ответственные редакторы газеты, принадлежащие к татарской национальности, и татарская интеллигенция, составлявшая большинство редакции, «отклоняются» от указаний Ферганского областного комитета партии и ведет себя несколько «самостоятельно». В конце концов, 7 февраля 1920 года произошло событие, которое положило конец целому этапу в истории издания: исполнявший обязанности ответственного редактора газеты «Янги Шарк» Т. Фатхуллин вместе со всей редакцией был отстранен от своих обязанностей. Это означало окончание того периода, когда газета находилась под непосредственным контролем татарских деятелей. Через три дня, 16 февраля 1920 года, на особом заседании Мусульманского бюро Ферганской области обсуждалась роль Т. Фатхуллина в управлении изданием. В ходе заседания он подробно изложил причины, по которым ему не удалось успешно справляться с обязанностями ответственного редактора «Янги Шарк». Среди них он выделил следующие моменты: во-первых, он указал на то, что одновременно занимал несколько постов, а работа в должности заведующего народным

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 13, 19, 27.

образованием требовала значительного количества его времени и внимания. Во-вторых, он отметил недостаток кадров: в редакции было слишком мало сотрудников для своевременного выпуска газеты. Также он упомянул проблему нехватки качественного материала, который мог бы публиковаться на страницах издания. Кроме того, несмотря на все усилия, так и не удалось привлечь к работе опытных журналистов, знакомых с особенностями работы прессы, хотя такие специалисты имелись среди преподавателей в Старом Маргилане. Наконец, Фатхуллин подчеркнул, что отсутствие необходимого оборудования, квалифицированных технических специалистов, набора шрифтов и наборщиков серьезно затрудняло регулярный выпуск газеты¹.

Выслушав объяснения Т. Фатхуллина, Мусульманское бюро Ферганской области подтвердило его профессиональные качества и сочло целесообразным задействовать его потенциал в культурно-просветительной сфере. В результате Т. Фатхуллин был освобожден от обязанностей ответственного редактора газеты «Янги Шарк». Однако до назначения нового редактора он временно исполнял эти функции. В решении заседания бюро особо подчеркивалась польза, которую Т. Фатхуллин мог принести, работая председателем комиссии по культуре и образованию Ферганской области². Тем не менее, его временное исполнение обязанностей редактора продолжалось недолго. Уже 18 февраля 1920 года, по рекомендации Туркомиссии, Ферганский областной комитет партии принял решение назначить редактором газеты «Янги Шарк» Савина, однако этот выбор оказался весьма спорным. Новый редактор совершенно не знал языка, религии, культурных традиций, особенностей менталитета и исторической самобытности коренного населения региона. Его назначение вызвало недоумение среди местных жителей, поскольку такие важные аспекты, как понимание местной культуры и языка, играли ключевую роль в успешной работе любого издания, ориентированного на местное население. Известно,

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 39. Л. 164 с об.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 241. Л. 30 и об.; Но, Т. Фатхуллин и в дальнейшем работал «дежурным главным редактором». См.: ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 175. Л. 45 об.

что одновременно с работой в газете Савин занимал должность руководителя отдела пропаганды в Ферганском областном комитете партии. Главной задачей его редакторства стало вывести газету из «татарского подчинения». Об этом свидетельствует решение Ферганского областного комитета партии от 28 февраля 1920 года:

1. Изменить название газеты «Янги Шарк»;
2. Газету «Янги Шарк» следует считать органом партийного комитета Ферганской области, а не органом Мусульманского бюро Ферганской области;
3. Финансирование газеты «Янги Шарк» возложить на Ферганский областной комитет партии, политотдел Ферганского областного военного комиссариата¹.

Для Савина одновременное выполнение двух ответственных обязанностей имело свои сложности. Более того, стало известно, что редактирование газеты «Янги Шарк», издающейся на узбекском языке, на самом деле является для него чуждой сферой. В результате занимая одновременно две разные должности Савин не смог полноценно руководить редакцией газеты «Янги Шарк», а также не смог со всей энергией руководить отделом пропаганды областного комитета партии. По вышеуказанным причинам, по решению заседания партийного комитета Ферганской области от 28 февраля 1920 года, Савин был освобожден от должности редактора газеты «Янги Шарк» и остался в должности заведующего отделом пропаганды Ферганской области. Ответственным редактором газеты «Янги Шарк» снова назначен татарин – Галим Хайруллинович Юничев. До назначения Г.Х. Юничева на должность ответственного редактора работал заведующим областным редакционно-издательским отделом на основании решения Мусульманского бюро Ферганской области от 1 января 1920 года².

Проблемы, связанные с газетой «Янги Шарк», были хорошо известны Г.Х. Юничеву. Работая руководителем областного редакционно-издательского отдела, он впоследствии был назначен на должность ответственного редактора газеты. 18 февраля 1920 года он направил заявление в Мусульманское бюро

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 175. Л. 28.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 175. Л. 28 с об.; Д. 241. Л. 6.

Ферганской области. В нем он указал, что, согласно решению от 7 февраля 1920 года, из семи назначенных членов редакции фактически работали только трое: Гаипов, Шамсутдинов и Мухаммедов. Остальные четверо – А. Макаев и Юлдашкарiev (из Намангана), Бурнашев (из Андижана) и Буйлин (из Ферганы) – еще не начали выполнение своих обязанностей. Также не приступили к работе литературные переводчики Кишкинбаев, Мухаммед Давлетшин, Анисимов, Ташпулатов, а также писари Раджи Ахмедов и Джамалхан Саидходжаев. В заявлении Юничев просил дать указание о привлечении перечисленных лиц к выполнению своих служебных обязанностей¹.

Исторические источники показывают, что Г.Х. Юничев, приняв на себя обязанности ответственного редактора газеты «Янги Шарк», столкнулся с целым рядом сложных проблем. Работа над выпуском газеты осложнялась постоянными трудностями, такими как нехватка бумаги и проблемы с мусульманским шрифтом. Помимо этого, ощущался недостаток профессиональных кадров в редакции. Частая смена ответственного редактора и других членов коллектива приводила к тому, что газета воспринималась как орган одновременно Мусульманского бюро Ферганы и политического отдела Ферганской дивизии, а содержание публикаций должно было соответствовать интересам обеих сторон. В тот момент общее управление газетой контролировалось партийным комитетом Ферганской области, который также осуществлял надзор за соответствием кадров и публикуемого материала «социалистическому обществу». В результате такого строгого контроля каждое сообщение в газете становилось формальным, а ответственный редактор и сотрудники редакции испытывали постоянное «идеологическое давление». Эти обстоятельства стали одной из причин дефицита кадров. Например, 1 марта 1920 года Г.Х. Юничев, руководитель газеты «Янги Шарк», в своем обращении к Ферганскому областному комитету партии отметил, что 28 февраля 1920 года его назначили заведующим отделом пропаганды и ответственным редактором газеты, и что он не сможет эффективно справляться

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 158. Л. 25.

сразу с несколькими обязанностями, что негативно отразится на качестве работы. Чтобы решить эту проблему, Г.Х. Юничев предложил оставить Т. Фатхуллина, временно исполняющего обязанности ответственного редактора газеты «Янги Шарк» по решению Мусульманского бюро Ферганской области, на этой должности¹.

Заявление Г.Х. Юничева осталось без внимания со стороны руководства Ферганской области. Обремененный множеством должностных обязанностей, Г.Х. Юничев в следующем обращении, датированном 13 марта 1920 года и адресованном Ферганскому областному комитету партии, сообщил, что помимо должности заведующего редакционным отделом газеты «Янги Шарк», он принял на себя обязанности ответственного редактора, поскольку Т. Фатхуллин уехал. Г.Х. Юничев просил освободить его от поста начальника управления пропаганды Ферганской области, оставив на должности ответственного редактора газеты «Янги Шарк». Он подчеркнул, что даже в таком случае останется на двух позициях: руководителя редакционного отдела и ответственного редактора газеты. В своем заявлении Г.Х. Юничев настаивал на удовлетворении его просьбы ради повышения качества издания «Янги Шарк» и предотвращения прекращения выхода газеты из-за недостатка технических кадров².

В подтверждение своего мнения он сообщает, что наборщики: Мухамедов, Турсун Джабаров, Убайдулла Магсум Кадыров и Мирзабдулла Салиев уехали в отпуск в Коканд на неделю, но в Скобелев не вернулись, несмотря на прошедшее время.

Тем временем Г.Х. Юничев, занимавший должность заведующего отделом пропаганды Ферганского областного комитета партии, прилагал значительные усилия для обеспечения регулярного выхода газеты «Янги Шарк» и ее широкого распространения среди населения. Например, в марте 1920 года, обратившись в областной комитет партии, он просил дать указания «с целью ознакомления местного населения с приказами, объявлениями и другими призывами <...> всем организациям, учреждениям и советским органам публиковать решения, приказы и т. д. в газете

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 39. Л. 163.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 39. Л. 170.

«Янги Шарк»». В обращении подчеркивалось, что местное население не должно оставаться в неведении относительно важных приказов и распоряжений¹.

Газета «Янги Шарк» постепенно завоевывала популярность среди местного населения, и ее тираж неуклонно рос. Так, к 30 апреля 1920 года издание достигло отметки в 70 тысяч экземпляров² – рекордного показателя за последние два месяца. Этот успех был достигнут благодаря самоотверженной работе коллектива, несмотря на значительные трудности, с которыми сталкивалась редакция. Недостаток квалифицированных кадров, проблемы с поставками бумаги и мусульманского шрифта создавали серьезные препятствия для стабильной работы издания. Тем не менее, ответственный редактор Г.Х. Юничев активно проводил агитационно-пропагандистские мероприятия в Ферганской области, тесно сотрудничая с такими деятелями, как Т. Фатхуллин, М. Исеев, А. Шамсутдинов, Г. Бекмухаммедов, Н. Мансуров, К. Сорокин, Ю. Кариев, З. Удалаев, Буйлин, Азизханов и другие просветители. Их совместная деятельность способствовала продвижению газеты и укреплению ее позиций.

Однако 29 мая 1920 года на пленуме Ферганского областного комитета партии Г. Х. Юничеву пришлось покинуть пост ответственного редактора, уступив свое место Икрамову. Несмотря на это, Юничева оставили работать в редакции, чтобы передать свой ценный опыт новому руководству. На деле же, вплоть до конца августа 1920 года, именно Г.Х. Юничев продолжал фактически руководить изданием. С начала сентября 1920 года руководство газетой «Янги Шарк» перешло к К.И. Сорокину³.

Постоянная ротация ответственных редакторов и членов редколлегии газеты «Янги Шарк» приводила к дезорганизации системы управления изданием. При этом политические убеждения и национальные взгляды новых руководителей зачастую не учитывались при назначении на ключевые посты, что оказывало негативное влияние на эффективность работы. Лидерам из татар, входившим в состав руководства Мусульманского бюро

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 240. Л. 6.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 175. Л. 54 об.

³ См. Приложение.

Ферганской области, приходилось идти на компромиссы с Ферганским областным комитетом партии. Представители татарской диаспоры, работавшие в сфере культурного просвещения, постоянно сталкивались с трудностями, возникающими в процессе управления газетой. Проблемы касались прежде всего кадрового вопроса и снабжения необходимыми ресурсами. Так, неоднократно возникала нехватка сотрудников, занятых в выпуске газеты, ощущалась острая потребность в бумаге и мусульманском шрифте, а также выявлялся низкий уровень профессионализма некоторых кадров.

Например, в начале июля 1920 года ситуация усугубилась тем, что наборщики букв, мобилизованные из Коканда, покинули Скобелев и вернулись домой в связи с мусульманскими праздниками. Революционный комитет не предпринял мер для возвращения этих специалистов обратно в редакцию «Янги Шарк»¹. Одной из возможных причин такого решения могло стать неудовлетворительное материальное обеспечение наборщиков, отсутствие достойных условий проживания и труда.

Кроме того, имеются сведения о том, что большевистское руководство нередко отдавало предпочтение газете «Пролетарская мысль» перед «Янги Шарк» в вопросах обеспечения бумагой. Такое неравноправие вызывало недовольство среди сотрудников татарской газеты. В знак протеста против подобного отношения татарский просветитель М. Исеев, занимавший тогда пост ответственного редактора «Янги Шарк», направил в июле 1920 года письмо в партийный комитет Ферганской области. В своем обращении он выразил обеспокоенность сложившейся ситуацией и призвал к справедливому распределению ресурсов между изданиями. «Бумага нужна и газете «Янги Шарк», потому что она [газета] также является органом областной [мусульманской] партийной организации», – писал он².

В Ферганской области возникли серьезные сложности с выпуском газеты «Янги Шарк», вызванные несправедливым распределением бумажных ресурсов. Архивные документы подтверждают нерегулярность выхода издания. Так, согласно

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 153. Л. 63, 120, 152.

² ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 153. Л. 65.

данным от 13 мая 1920 года, газета выходила лишь однажды за две недели вместо запланированных трех раз в неделю. Мусульманская газета в Фергане, которая изначально планировалась к ежедневному изданию, стала выходить всего раз в неделю. Что касается русской газеты, она продолжала появляться трижды в неделю. Положение мусульманских изданий оставалось сложным и в других населенных пунктах Ферганской области. Например, в Андижане мусульманская стенгазета изготавливалась вручную и распространялась в виде нескольких копий (3–4 экземпляра). Такой кризис в газетном деле объяснялся множеством факторов: нехваткой наборщиков, недостатком мусульманского шрифта и бумаги, а также отсутствием ощутимой поддержки со стороны властей. Помимо прочего, штат сотрудников газеты «Янги Шарк» значительно сократился вследствие мобилизации части работников в продовольственные бригады и отправки других в длительные командировки¹.

Большевики, пришедшие к власти в Туркестане, продемонстрировали свою неподготовленность к управлению регионом, отсутствие систематического подхода и практического опыта в государственном строительстве. В системе регионального управления царили произвол и хаос, где на первый план выдвигались политические интересы, партийная принадлежность и классовое разделение при принятии решений. Отсутствовали программы повышения квалификации национальных кадров, меры по интеграции представителей различных этнических групп в управление местными структурами. Руководящие должности чаще всего занимали русские и русскоязычные кадры, незнакомые с языком, религией, культурными традициями и менталитетом местного населения, полагавшиеся исключительно на революционные лозунги. Тем временем татары, хорошо осведомленные о языке, религиозных обрядах, культуре и менталитете местного населения, приверженцы революционных идей Востока и видевшие себя носителями этих идей среди тюркских и мусульманских народов, оказались востребованными в системе управления Туркестаном. Они пользовались доверием и

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 153. Л. 63, 120, 152.

поддержкой населения, однако центральные власти сочли необходимым использовать их лишь в исключительных случаях, оставляя административную власть под своим контролем. Было принято решение держать местное население подальше от рычагов управления, одновременно привлекая татар к участию в управленческих процессах, но лишь до определенного уровня.

Согласно справке, выданной 27 января 1921 года, название газеты «Янги Шарк» было изменено партийным комитетом Ферганской области на «Мехнат байроги», а ее заведующим назначен Мирзахид Миракилов¹.

Как видно из приведенных выше примеров, периодическая печать в Туркестане сыграла важную роль в донесении до населения целей и задач большевиков. Но одновременно с созданием полиграфии наряду с печатью в этом направлении продвигались интересы советской власти. В частности, советские власти в Туркестане на основании приказа Туркестанского ЦИК от 3 августа 1918 года завладели всем имевшимся полиграфическим оборудованием и материалами. Но вскоре после этого, согласно приказу Туркестанского ЦИКа от 6 декабря 1918 года, все частные и относящиеся к учреждениям типографии были переданы в единую организацию – отдел Полиграфии совета Народного хозяйства Туркестана². В области полиграфии было уделено особое внимание учету всего имеющегося в крае оборудования, мусульманского шрифта, русского шрифта, бумаги, красок и других материалов, выявлению специалистов, работающих в типографиях, и необходимости в них, а также обучению специалистов полиграфии из представителей местной национальности. Чтобы увеличить и расширить число типографий, обслуживающих интересы нового «социалистического общества» перед советской властью, всесторонне удовлетворить потребность в своевременной печати для пропаганды новой идеологии, начали работать над новой задачей – «создание полиграфической промышленности советской власти». Для реализации этих целей на основании постановления ЦИК Турке-

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 234. Л. 24.

² Бобохонов А.Х. Асрдан ошган зиё масканлари. Тошкент: O'zbekiston, 2011. Б. 62.

стана в ноябре 1918 года в крае был создан Издательский отдел, которому было поручено печатать книги и листовки в «духе революции»¹.

Имеющиеся архивные источники свидетельствуют о большой потребности в соответствующих кадрах, оборудовании, машинах, особенно в мусульманском шрифте, для ведения типографии в Туркестане и создания периодической печати. В частности, в поручении, данном Р.М. Шакирову Туркестанским НКДН от 26 августа 1918 года, на него возлагалась обязанность собрать все имевшиеся в городе мусульманские шрифты в одном месте. Причинами отказа от использования существующих мусульманских шрифтов, разбросанных по Ташкенту, и централизованное использование их являются следующие причины:

1. Советской власти нужно было вести пропаганду среди местного населения в интересах новой власти;

2. Путем сбора недостающих и разбросанных мусульманских шрифтов: предназначалось использовать их в интересах администрации;

3. Предотвращение распространения антиправительственных листовок и книг, газет и журналов среди местного населения с использованием мусульманских шрифтов².

Согласно имеющимся архивным источникам, Татарский отдел Туркестанского НКДН играл важную роль в деятельности периодической печати, типографии и издательств в Туркестане, особенно в 1918 и первой половине 1919 года. Туркестанский НКДН проводил работу по привлечению в типографии и издательства журналистов и полиграфистов татарской национальности. Например, 8 марта 1919 года Султан Сейдалин, работавший в народных комиссариатах внутренних и иностранных дел Туркестана, написал заявление в Туркестанский НКДН с просьбой назначить его заведующим издательским отделом. Он хорошо владел турецким, персидским, русским, азербайджанским и кыргызским языками. В заявлении, написанном Х.Х. Бурнашевым

¹ Бобохонов А.Х. Асрдан ошган зиё масканлари. Тошкент: O'zbekiston, 2011. Б. 63–64.

² НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

в Туркестанский НКДН 22 июля 1919 года, он просил направить его в Наманган для начала издательской работы¹.

В первые годы советской власти в Туркестане для выполнения полиграфических работ по заданию большевиков использовали не только проживающих в крае татар, но и татарских специалистов из центральных губерний России для работы и управления местными типографиями и издательствами. После 1918 года ЦИК Туркестанского края и СНК, ЦК КП Туркестана в системе управления Туркестаном несколько раз обращались в ЦК РКП(б), СНК РСФСР и ВЦИК, а также в губернии Поволжской и Приуральской областей, для налаживания издательской работы в Туркестане и просили немедленно направить в край 15 ответственных сотрудников в управляющие редакции районных газет, в руководство местных телеграфных агентств, как можно больше грамотных и потенциальных людей, владеющих языками. мусульман (имеются в виду татары. – *Авт.*). Как видно из содержания данного запроса, призванные на работу в систему управления печатью и полиграфией края должны были быть грамотными татарами, владеющими языком коренного народа².

Для развития культурно-просветительной деятельности в Туркестане, включая организацию издательств и типографий, а также использование средств массовой информации в интересах советской власти, необходимо было наладить закупку мусульманских шрифтов, бумаги и другого оборудования для уже действующих типографий в регионе. Требовалось также привлекать опытных сотрудников печати, наборщиков, переводчиков, учителей и политических лидеров для участия в системе управления. В этой связи Мусульманское бюро Туркестанского края, возглавляемое председателем Т. Рыскуловым, пришло к выводу, что целесообразно задействовать татар, обладающих связями с военными и политическими кругами, а также с печатными органами и переводческими службами, действующими в крупных российских центрах, таких как Москва, Петроград и Казань. Эти татары прекрасно знали местные условия, были осведомлены

¹ НА Уз. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 28. Л. 145; Д. 30. Л. 57.

² *Расулов А.Н.* По законам дружбы и братства // Здравствуй, Книга! Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 138.

о культурной, просветительской и военно-политической обстановке в крае. Рассматривая возможные пути решения данного вопроса, Мусульманское бюро Туркестанского края приняло решение привлечь к работе своих членов – А. Сагидова, А. Гарифова и Дагаева. Для активизации общественно-политической и культурно-просветительской деятельности в крае, 15 октября 1919 года было предложено пригласить из Казани около тысячи специалистов различного профиля: учителей, издателей, литературных переводчиков, наборщиков, политических деятелей, а также работников сферы культуры и просвещения. Предполагалось создать для них благоприятные условия пребывания в Скобелеве. Одной из основных причин такого выбора стало наличие в этом населенном пункте подходящих жилых помещений и прочих бытовых удобств, необходимых для привлечения квалифицированных кадров, включая писателей, издателей и других специалистов в области культуры и просвещения. При этом отмечалось, что размещение всех прибывших специалистов в Ташкенте оказалось невозможным из-за сложностей с жильем и обеспечением продовольствием¹.

Одним из ключевых аргументов в пользу привлечения татар, активно участвующих в общественной и политической жизни региона, являлось их глубокое знание внутренней обстановки. Они могли установить контакт с российскими коллегами – как с русскими, так и с татарами, и договориться о привлечении необходимых для Туркестана военно-политических, культурно-просветительских и полиграфических кадров. С этой целью 16 октября 1919 года Т. Рыскулов направил в командировку в Москву и Казань членов Мусульманского бюро Туркестана – А. Гарифова, Дагаева и А. Сагидова. В рамках своей миссии они выполнили ряд важных задач:

1. Закупили 2000 фунтов бумаги у Центрального совета народного хозяйства (ЦСНХ), которую затем отправили в Мусульманское бюро Туркестанского края.
2. Получили часть необходимого оборудования и полиграфических материалов от полиграфического отдела ЦСНХ.

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 132 с об.

3. Приобрели различную литературу, картографические материалы, иллюстрации и прочие учебные пособия, которые также были направлены в Ташкент.

4. Привлекли и мобилизовали для работы в Туркестанском крае одного опытного издателя, переводчика, наборщика для мусульманской типографии и других специалистов;

5. Начали процесс создания библиотеки в Казани, предназначенной для проведения культурно-просветительской работы в Туркестане¹.

Но, по данным архивных источников, члены Мусульманского бюро Туркестанского края А. Сагидов, А. Гарифов и Дагаев не смогли в полной мере выполнить возложенные на них задачи. В частности, переговоры с кооперативным обществом «Умид» в Казани по вопросу подготовки шрифтов для существующих мусульманских типографий в Туркестане с оказанием А. Сагидовым, А. Гарифовым и Дагаевым помощи в подготовке сырья для шрифта зашли в тупик. В декабре 1919 года членам Мусульманского бюро Туркестана было выделено всего 100 000 рублей, которые были использованы лишь на мелкие задачи. В своих радиogramмах к председателю Мусульманского бюро Туркестана Т. Рыскулову А. Сагидов, А. Гарифов и Дагаев заявили, что 100 тысяч рублей, выделенных на выполнение поставленной перед ними задачи, совершенно недостаточны. Для выполнения поставленных задач подчеркивалась необходимость принятия от Т. Рыскулова следующих мер в целях развития культурно-просветительских и политических связей среди местного населения Туркестана:

1. Необходимо обеспечить 5 миллионами рублей.

2. Нам (А. Сагидову и Дагаевлару. – *Авт.*) должны быть предоставлены соответствующие мандаты от совета по культуре и просветительству, отдела печати Туркестанского НКДН, Мусульманского бюро края, и они должны быть утверждены Турккомиссией и Туркестанским ЦИК.

3. Необходимо мобилизовать кого-то, чтобы доставить к нам, то есть в Казань, вышеупомянутые мандаты, деньги, соответ-

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 131; Д. 244. Л. 50.

ствующие послания и инструкции. Мы будем находиться в Центральной мусульманской военной коллегии в Казани.

4. Достаточное количество мусульманских типографий можно найти в Петрограде.

5. В Петрограде можно найти до 700 пудов мусульманского шрифта. Можно приобрести до 10 пудов бумаги для письма и книгопечатания¹.

Архивные данные указывают на то, что в первые годы существования советской власти в организации периодической печати возникли значительные трудности: ощущалась нехватка квалифицированных специалистов, ответственных за управление, а также дефицит соответствующей «революционной литературы». Вместе с тем, в те годы в Туркестане остро нуждались в материалах пропагандистского характера для укрепления советской власти. Чтобы решить эту проблему, представители краевой администрации обратились к руководству партийных организаций Москвы, Казани, Оренбурга, Самары, Пензы и других регионов с просьбой регулярно направлять в Туркестан «революционную литературу», листовки, газеты и журналы. Так, 6 января 1920 года было направлено обращение к председателю областного комитета партии ЦК РКП(б) с просьбой отправить в Самарканд «материалы периодической печати и печатную революционную литературу» через студентов Гехта, Маруфжанова, Шумакова и Раджапова, поступивших на учебу в Свердловский университет². Наряду с литературой и периодикой, доставляемой из России, остро стояла необходимость развивать полиграфическую отрасль непосредственно в самом крае. В 1920 году ощущалась значительная нехватка типографий, квалифицированных кадров для ведения периодической печати, мусульманского шрифта, наборщиков букв. В связи с этим местные отделения Мусульманского бюро неоднократно обращались в Мусульманское бюро Туркестанского края и Военно-

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 131 об.

² Самаркандский областной отдел ААП РУз. Ф. 31. Оп. 1^А. Д. 192. Л. 56, 151.

политический совет Туркестанского фронта с просьбами о поддержке и помощи в решении данных вопросов¹.

Татары, занимавшие ключевые позиции в системе управления краем и отвечавшие за развитие полиграфии в Туркестане, внесли значительный вклад в решение насущных вопросов отрасли. Председатель Туркестанского ЦИК М. Бисеров, руководители Туркестанского государственного издательства Ялимов и Агапов, а также заместитель руководителя государственного издательства края Альмухамедов организовали масштабную работу по привлечению татар к управлению периодической печатью, типографиями и издательствами, что позволило существенно продвинуться в преодолении существовавших трудностей².

В первые годы советской власти остро ощущалась нехватка квалифицированных сотрудников для работы в полиграфии и наборщиков букв. Советскому правительству было крайне важно наладить выпуск разнообразных печатных изданий, чтобы вести пропаганду на местах, обеспечивать население актуальной информацией, освещать текущие события, а также поддерживать связь с населением по вопросам военной политики, экономики и культурно-просветительской деятельности в регионе. Однако в наличии не было достаточного числа специалистов, владеющих навыками работы в типографиях и полиграфии, а также журналистов, способных эффективно развивать печать и проводить агитационную работу среди населения. Для решения данной проблемы военный совет Ферганской области издал приказ от 4 сентября 1920 года, в котором подчеркивалась острая нехватка профильных кадров в производстве газет, а также дефицит наборщиков букв и сотрудников полиграфий на местах. Приказ предусматривал выполнение ряда задач, направленных на устранение этих пробелов:

1. Все командиры воинских частей, военные и гражданские организации, начальники и руководители обязаны в трехдневный срок зарегистрировать находящихся в их распоряжении сотрудников полиграфий, печати, независимо от того, мусульмане

¹ ФОО ААП РУз, Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 156. Л. 122, 141; Д. 244. Л. 9, 34.

² НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 228. Л. 120; Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 623. Л. 21, 36, 39, 41.

они или русские, стажеров в этой области, определить их специальности и занимаемые ими должности и должны проинформировать Ферганский областной военный совет по телеграфу;

2. Редактору телеграфного агентства в Ферганской области совместно с председателем областного и советского народного хозяйства и заведующими типографий Ферганской области собрать у военного совета списки работников печати и полиграфии и на этом основании распределить по полиграфическим органам области;

3. Набранные сотрудники из воинских частей для полиграфических работ остаются на счете своих воинских организаций и сохраняют красноармейские пайки¹.

На основании упомянутых выше источников следует отметить, что проблема с сотрудниками полиграфий и наборщиками букв была очень острой. Например, в обращении начальника Туркестанского телеграфного агентства (ТуркРОСТА) к СНК края от 14 июля 1920 года обеспечение мусульманским шрифтом, печатание мусульманских газет и полиграфическое дело в крае находились в очень плачевном состоянии. Причем не хватало не только мусульманских шрифтов, но и мусульманских наборщиков букв. Даже, если и были мусульманские наборщики букв и мусульманский шрифт, в Ташкенте приходилось умолять их работать, мириться с «их капризами» и «закрывать глаза» на нарушения ими трудовой дисциплины².

Усилия татар по развитию периодической печати и полиграфии в Туркестане продолжились и в последующие годы. Так, в ноябре 1920 года шесть татарских полиграфистов под руководством А. Сагидова были направлены в Казань для создания типографии, которая должна была обслуживать потребности советского правительства в Туркестане. Выбор пал на А. Сагидова потому, что ранее он работал в казанских типографиях и был хорошо знаком с местными полиграфическими предприятиями. Турккомиссия и сотрудники местных администраций выдали ему мандат, в котором просили оказать содействие в отправке в Туркестан полиграфического оборудования и специалистов.

¹ ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 124. Л. 4 об.

² НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 623. Л. 33.

Основная задача, возложенная на А. Сагидова, заключалась в привлечении к работе в Туркестане местных профессионалов и работников, специализирующихся в области полиграфии¹.

Действительно, в первые годы советской власти татары играли большую роль в периодической печати и полиграфии Туркестана: управляли местными типографиями, издательствами и обеспечивали их мусульманскими шрифтами, наборщиками букв. Одним из таких татарский просветителей, оставивший в свое время неизгладимый след в становлении печати и полиграфии в Туркестане был Хусаин Макаев². Он приехал в Наманган и вместе с Исхакханом Ибратом основал типографию «Матбаи Исхакия», при активном участии своего соотечественника Абдурауфа Шахидия (Абдурауфа Шагидуллина). В этой типографии также работали татарские просветители М.Н. Абдусаттаров и Хасан Бурнашев. На основе литографий, привезенных из Оренбурга, в «Матбаи Исхакия» до 1917 года издавались различные учебники и пособия. Данная типография позже была передана под контроль советской власти, где на узбекском и русском языках печатались такие газеты, как «Народная газета», «Эркинлик», «Ишчилар калкони», «Совдеп», «РОСТА». Основываясь на своем опыте в области полиграфии, Х.Макаев в марте 1917 года в Намангане начал издавать газету «Фаргона сахифаси» на узбекском языке. В 1918 году Х. Макаев работал в газете «Ишчилар калкони», издававшейся в Намангане³.

В первые годы советская власть делала много обращений в Туркестанский ЦИК и СНК, в военно-революционный Совет Туркестанского фронта с просьбой направить и организовать татар в периодическую печать и типографию, наладить эту отрасль. Например, 21 июня 1921 года заведующий Туркестанским отделом государственного издательства Тухтабаев обратился

¹ *Расулов А.Н.* По законам дружбы и братства // Здравствуй, Книга! Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 139.

² См. Приложение.

³ Первым редактором газеты «Ишчилар калкони» был Тахир Фатхуллин. См.: *Мансуров У.У.* 1917–1924 йилларда Наманган шаҳрида матбуот соҳасидаги ўзгаришлар // Марказий Осиё тарихи ва маданияти. Тошкент: Dilnur Print. Б. 380–383.

в Туркестанский ЦИК с просьбой направить в государственное издательство мусульманских наборщиков букв и литературных переводчиков, отбывающих наказание в «Исправительных домах» Ташкента, в связи с острой необходимостью использования их в развитии полиграфической отрасли края¹.

В ответ на просьбу руководителя Туркестанского государственного издательства начальник отряда по исполнению приговора народного комиссариата юстиции Туркестана 15 июня 1921 года заявил: «мы не можем мобилизовать наборщиков букв-мусульман, специалисты, содержащиеся в «Исправительных домах», могут привлекаться к внештатным работам только в том случае, если они не используются в тюрьмах. Запрашиваемые [мусульманские] наборщики букв нужны в полиграфических мастерских и издательских школах»².

В развитии типографского дела в Туркестане значительное участие приняли татары, активно вовлеченные в административную систему региона. Примером может служить серия командировок, организованных Туркестанским ЦИК и Наркоматом народного образования Туркестана в 1921–1924 годах. В эти поездки в Казань были направлены М. Будаيلي, Мансуров и Убайдуллаев. Перед ними стояла важная задача – пригласить в регион специалистов полиграфической отрасли для работы в типографиях и издательствах, а также доставить необходимое оборудование и мусульманский шрифт. Эти меры были необходимы для удовлетворения острой потребности в квалифицированных наборщиках, модернизации типографий и обеспечении эффективного управления периодической печатью на уровне всего края³.

Значительный вклад в развитие периодической печати и полиграфии в Туркестане внесли не только татары, работавшие в местном управлении, но и татарские специалисты, трудившиеся в Татарстане. Казань играла важную роль как образовательный, издательский центр и место производства мусульманского

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 283^А. Л. 1207.

² Там же. об. 1207.

³ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 294. Л. 119; Оп. 2. Д. 55. Л. 536; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 43. Л. 8; Д. 45. Л. 9, 12; ФОО ААП РУз. Ф. 111. Оп. 1. Д. 859. Л. 82.

шрифта для всех тюрко-мусульманских народов. Были установлены прочные контакты с полиграфистами и типографиями Татарстана для обеспечения типографий и издательств Туркестана необходимым оборудованием, шрифтами, наборщиками и другим персоналом. Важнейшую роль в установлении и укреплении этих связей сыграли татары, живущие в Туркестане либо мобилизованные партийными и советскими органами для работы в административной системе края, содействуя установлению и укреплению советской власти в регионе. Татары, служившие в военно-политической и культурно-просветительской сферах туркестанской администрации, особенно те, кто отвечал за организацию прессы, типографий и издательской системы, использовали не только официальные каналы, но и личные связи с земляками в Казани. Благодаря этому им удалось выпустить множество книг на узбекском, казахском, киргизском и туркменском языках. Одновременно они сыграли значительную роль в доставке выпущенной в Казани литературы в Туркестан, Казахстан, Хорезмскую народную советскую республику и Бухарскую народную советскую республику. Эта литература была доступна не только татарам и башкирам, проживавшим в Туркестане, но и коренным народам региона. Например, с 1 июня 1920 г. по 1 июня 1921 г. в Туркестан было привезено и роздано населению 30 282 книги на татарском языке, изданные в Казани, 299 292 – в Киргизию (Казахстан), 1 772 – в ХНСП¹.

Развитие типографского дела в Туркестане во многом связано с деятельностью татарских просветителей. Особо следует отметить вклад таких личностей, как Абдулла Капкаев, который возглавлял Ферганское государственное издательство в 1921–1922 годах, и У.К. Альмухамедов, работавший в управлении издательствами сначала в Фергане, а затем в Туркестане. Значительную роль сыграл также И. Хамидуллин, руководитель курсов подготовки мусульманских наборщиков букв в Туркестанском профсоюзе. Нельзя обойти вниманием и тех, кто непосредственно занимался набором текстов: Г. Валиева,

¹ Каримуллин А. Татарское книжное государственное издательство и татарская книга России (1917–1932) Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. С. 32.

Гатиуллина, М. Нигматуллина, Бегельдина, М. Рахматуллина, Курбангалиева и Биккина, работавших в Туркестанском государственном издательстве. Специалисты по газетному делу, такие как Саидова и Сагидов, тоже внесли весомый вклад в развитие типографической индустрии региона¹.

Роль татар в становлении периодической печати, полиграфии и издательского дела в Туркестане действительно была значительной. Татары активно участвовали в качестве редакторов, издателей и журналистов первых газет и журналов края начиная с конца XIX века, а точнее, с 1870 года. После Февральской революции 1917 года многие татарские просветители, такие как Садик Абдусаттаров, Кабир Бакиров, Мухтар Бакиров, Ариф Клевлеев, Ахмад Донской, Хади Файзи, Ислам Шагиахмедов, А. Баттал, Пулат Салиев, Халиф Тулаков, Ибрагим Тахири, Г.Х. Юничев, Т. Фатхуллин и другие, редактировали в Туркестане такие издания, как «Улуг Туркистон», «Туркестанский край», «Шурайи Исломия», «Эл байроги», «Иштирокиюн», «Янги Шарк», «Инкилоб», «Тонг».

Что касается книгоиздания в Туркестане, то такие татарские деятели, как Шагидахмадов, М.А. Газизов, И. Бектимиров, Г.Х. Юничев, Т. Фатхуллин, И. Бирюшев, Г. Бикмухаммедов, Касим Сорокин, Хусаин Макаев и другие, проделали огромную организационную работу по созданию и управлению типографиями и издательствами.

Таким образом, участие татар в развитии периодической печати и книгоиздания в Туркестане сыграло ключевую роль в культурном и общественном прогрессе региона. Их деятельность заложила основу для дальнейшего роста и укрепления культурных и образовательных институтов, что, в свою очередь, способствовало формированию новой идентичности и консолидации общества в условиях сложных исторических перемен.

¹ НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 56. Л. 231; Оп. 1. Д. 283^А. Л. 1121; Д. 294. Л. 116; Оп. 2. Д. 322. Л. 1–5, 7; Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 744. Л. 211; Д. 1463. Л. 17.

**КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ
ОБ УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ КНИГИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЛИЯХ¹**

Бакир (Бакиров) Кабир (1885–1944) – татарский общественный деятель, журналист и просветитель. Его профессиональная карьера началась в 1905 году, когда он присоединился к редакции петербургской татарской газеты «Нур», возглавляемой Атауллой Баязитовым. Позже Бакиров стал корреспондентом другой известной татарской газеты «Вақыт» и совершил несколько поездок в Туркестан. После Февральской революции 1917 года Бакиров переселился в Туркестан, где активно участвовал в общественно-политической и культурной жизни региона. Он сыграл ключевую роль в создании и редактировании газеты «Улуг Туркестон», став ее первым главным редактором. В 1917–1918 годах Бакиров возглавлял Центральное бюро туркестанских татар. В августе 1919 года Народный комиссариат по делам национальностей Туркестана назначил его ревизором «Центральной печати Туркестана». После того как Кабир Бакир оставил пост главного редактора «Улуг Туркестона», его сменил брат Мухтар Бакиров, который также был видным татарским просветителем. Мухтар Бакиров занимал важную должность в системе народного образования Бухарской народной советской республики. В ноябре 1921 года благодаря его усилиям в Хорезмскую народную советскую республику были направлены 25 татарских педагогов из Оренбурга.

Лит.: Исоқбоев А. Туркистон ижтимоий-сиёсий ва маданий-маърифий ҳаётида татар-бошқирд маърифатпарварларининг фаолияти (XIX аср охири – XX аср бошлари): тарих фан. номз. дис. Наманган, 2008. Б. 173; Minnullin Dz.S. Socio-political movement of Tatars in Central Asia in the early 20th century (на английском и татарском языках) // Tatarica (Kazan). 2017. № 2. Р. 107; Агзамхужаев С., Улугбекова З. «Ал-Исхок»

¹ Биографические справки подготовлены авторами книги.

журнали – Туркистондаги ислохотчилик ҳаракатини ўрганиш бўйича тарихий манба (1915–1918 йй.). Тошкент: Ўзбекистон халқаро ислом академияси, 2021. Б. 34.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 5. Л. 181; Д. 23. Л. 331; НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 295. Л. 52; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27.

Давлетшин Абдулазиз Абдуллоевич (1861–1920) – российский военный востоковед татарского происхождения. Родился в Оренбургской губернии. В 1890 году был направлен в распоряжение командования войск Закаспийской области, где служил до 1899 года. Затем продолжил службу в Генеральном штабе Российской империи. В 1898 году российский военный министр Алексей Николаевич Куропаткин направил в Аравийский полуостров штабс-капитана Ахмеда Давлетшина для выполнения особо важного разведывательного задания. Ранее, в 1880-е годы, Давлетшин уже зарекомендовал себя как надежный правительственный агент, служивший в Туркестанском военном округе под непосредственным руководством самого Куропаткина. За этот период он успел проявить себя как талантливый разведчик и составил обстоятельный труд, посвященный местным правовым традициям и обычаям, что сделало его идеальным кандидатом для столь ответственной миссии. В 1880-х гг. А. Давлетшин доверенный правительственный посредник, служил в Туркестане разведчиком под командованием А.Н. Куропаткина и написал подробную работу о местных правовых обычаях. С 1906 по 1914 год Давлетшин исполнял обязанности председателя общественного комитета по строительству Соборной мечети в Санкт-Петербурге. С 1907 года он работал помощником делопроизводителя Азиатского отдела Генерального штаба, а с 1910 года – непосредственно делопроизводителем этого отдела. В 1913 году ему было присвоено звание генерал-майора. Давлетшин владел арабским и турецким языками. Во время революционных событий 1917 года Давлетшин был членом Временного комитета Туркестанского управления. После Октябрьской революции он перешел на сторону советской власти. С 1918 года служил в штабе Рабоче-крестьянской Красной армии. В 1919 году по его инициативе в Академии Рабоче-крестьянской Красной армии было создано Восточное отделение для преподавания восточных языков

командирам Красной армии, дислоцированным в центральных губерниях и областях, а также для использования их знаний в разведывательных операциях против стран Востока.

Лит.: Басханов М.К. Русские военные востоковеды: Библиогр. справ. М., 2005. С. 74; *Кейн А.* Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / пер. с англ. Р. Ибатуллин. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 125–126.

Донской Ахмед Хабибуллович (1896–1922) родился в Пензенской губернии. Татарин по национальности. Хорошо владел татарским, узбекским, русским, казахским и тюркским языками. С июля 1917 по октябрь 1917 года – редактор газеты мусульманских большевиков «Солдат Учкунлари» в Астрахани с июля 1918 года заведующий Татарским отделом (секцией) в Туркестанском НКДН и редактор газеты «Иштирокиюн». С июля 1918 года по февраль 1919 года член Туркестанского НКДН. С 25 января 1919 года – заведующий организационно-пропагандистским отделом Туркестанского НКДН. С февраля 1919 года – редактор газеты «Красная звезда» I Армии Оренбурга. С января 1920 года – заведующий Татарским отделом Оренбургского губернского исполнительного комитета по делам национальностей. С мая 1920 года был заведующим отделом мусульманской литературы в политотделе Туркестанского фронта и одновременно редактором газеты «Иштирокиюн». С января 1921 года – заместитель председателя Туркестанского политического просвещения, член Туркестанского комиссариата народного просвещения. 10 октября 1921 года на заседании исполнительного бюро ЦК КП Туркестана был назначен на должность ректора Туркестанского государственного университета. Был членом Татаро-Башкирского центрального бюро.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 335. Л. 8 об, 10; Д. 790. Л. 329; Д. 804, Л. 7–8 с об.; Д. 809. Л. 7–8 с об.; Д. 1051. Л. 79; Д. 1292. Л. 59–60; Оп. 5. Д. 69. Л. 296; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 129; Д. 28. Л. 27, 29, 50, 79; Д. 335. Л. 1–2, 7–8, 10.

Еникеев Нигматулла Салимгараевич (1893–1971), выдающийся деятель военной и политической сферы. Из татар. Его жизнь была насыщена важными событиями и активной общественной деятельностью. Родился Еникеев в Уфимской губер-

нии, где получил начальное образование. Однако его судьба оказалась тесно связанной с революционными преобразованиями начала XX века. С 1919 года он занимал пост начальника политического отдела Татарской бригады, активно участвуя в становлении новой власти. Спустя год, в мае 1920 года, Еникеева назначили председателем революционного комитета Андиганского уезда, где он одновременно руководил изданием местной газеты «Андиганские известия» и возглавлял отдел народного образования этого же уезда. Эти годы стали для него временем интенсивного труда и самоотдачи делу революции. После создания Бухарской народной советской республики (БНСР) Еникеев продолжил службу в Оше, возглавив политический отдел этой территории. Но его вклад в развитие молодого советского государства этим не ограничивался. В 1921 году он стал преподавателем Коммунистического университета народов Востока (КУНВ), а затем долгие годы преподавал в различных военных учебных заведениях страны вплоть до 1955 года. Таким образом, жизненный путь Н. Еникеева пролегал через ключевые события эпохи, охватывая важные аспекты государственного строительства и культурного развития. Его работа оставила значительный след в истории СССР, особенно в регионах Средней Азии и Поволжья.

Лит.: Рафиков М.А. От Волги до Тянь-Шаня. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. С. 69; Борцы за счастье народное. Кн. II. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. С. 116–119; *Расулов А.Н.* Интернациональная помощь партийных организаций, трудящихся Средневолжского региона народам Туркестана (1918–1924 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. С. 278.

Ист.: ААП РУз ООФ. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 153. Л. 10–11; Ф. 1972. Оп. 1. Д. 94. Л. 7.

Ибрагимов Юсуф Исханович (1895–1961) – видный государственный и военный деятель, сыгравший значительную роль в становлении советской власти в Средней Азии и Поволжье. Родился в Пржевальском районе Семиречья. Из татар. Получив образование в Ташкентском военном училище, которое окончил в 1915 году, Ибрагимов начал активную общественную и политическую деятельность. В 1917 году Ибрагимов занял должность члена Комитета военно-мусульманского фронта

Северного фронта, а позже стал комиссаром этого комитета. В декабре того же года он вошел в состав Военного отдела Центрального мусульманского комиссариата РСФСР. Под его руководством были организованы красногвардейские части, состоявшие из татар и башкир, дислоцированные в Петрограде. В апреле 1918 года Ибрагимов был командирован в Ташкент вместе с А.Ш. Клевлеевым от Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. Там он принял участие в работе V съезда Советов Туркестана и стал членом Туркестанского ЦИКа. После образования Туркестанской АССР Ибрагимов возглавил инициативу по созданию «Войск советских мусульман края» (ВСМК). Летом 1918 года Ибрагимов был направлен на Оренбургский фронт в качестве представителя Туркестанского ЦИКа для урегулирования конфликта и заключения мирного соглашения. Кроме того, он входил в Центральный комитет помощи голодающим при ЦИК Туркестана. На заседаниях ЦИК Туркестана в мае и августе 1918 года Ибрагимов был назначен членом комиссии по разработке устава Красной Армии и членом Народного комиссариата по делам национальностей Туркестана соответственно. С марта 1919 года Ибрагимов являлся членом Мусульманского бюро Туркестанского края, а в апреле того же года был избран членом Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). В апреле 1919 года он был назначен командиром Первой отдельной Приволжской стрелковой татарской бригады, которая под его командованием прибыла в Ташкент в конце 1919 года и с начала 1920 года дислоцировалась в Андижанском уезде. В марте 1920 года Ибрагимов стал членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, а позднее, в 1920–1921 годах, занимал пост военного министра Бухарской народной советской республики. В 1921–1922 годах Ибрагимов представлял интересы Советского Союза в составе украинско-турецкой делегации в Анкаре. Вернувшись в Туркестан, он продолжал работать на ответственных должностях, включая пост ответственного секретаря комитета поддержки сельского хозяйства при Туркестанском ЦИКе в 1923–1924 годах. Ибрагимов свободно владел несколькими языками, среди которых татарский, русский, узбекский, кыргызский и туркменский. В послевоенное время Ибрагимов

занимался рабочей, хозяйственной и педагогической деятельностью. Он участвовал во Второй мировой войне и скончался в 1961 году.

Лит.: Рафиков М. От Волги до Тянь-Шаня. Казань: Татар. кн. изд-во, 1976; Борцы за счастье народное. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988; *Шарафутдинов Д.Р.* Комбриг Ибрагимов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 56. Л. 28 с об.; Д. 95. Л. 107; Оп. 2. Д. 5. Л. 214, 227; Д. 23. Л. 233–234, 336–337; Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 54. Л. 42; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 244. Л. 9, 55.

Клевлеев Ариф Шакирович (1884–1918) – общественный деятель, принадлежавший к татарскому народу. Он родился в Тамбовской губернии и провел значительную часть своей жизни на территории Средней Азии, где активно участвовал в общественно-политической деятельности того времени.

В 1915 году Клевлеев поступил на военную службу в Туркестане, где первоначально служил в Хиве, а позже был переведен в Ходжент. Во время службы он принимал активное участие в общественной жизни региона. В частности, после Февральской революции 1917 года, когда он находился в Ходженте, Клевлеев стал членом Туркестанского военно-мусульманского комитета и пользовался поддержкой местных воинов-мусульман.

Осенью 1917 года Клевлеев принял участие в собрании военных мусульман Туркестана, которое состоялось в Ташкенте с 18 по 26 октября. На этом собрании под его руководством был создан Центральный Совет Ташкента, состоящий из девяти членов. Впоследствии, 26 декабря 1917 года, уже в качестве председателя Туркестанского Центрального мусульманского военного совета, Клевлеев отправил телеграмму в поддержку Туркестанской автономии. Кроме этого, Клевлеев занимал важные посты в различных общественных организациях. Так, он являлся почетным председателем Ташкентского татарского социалистического рабочего комитета и почетным председателем Мусульманского рабоче-крестьянского совета Старого города Ташкента. Также он входил в состав Татаро-Башкирского Центрального комиссариата (ЦК) при Народном комитете по делам национальностей РСФСР. Жизнь Арифа Шакировича Клевлеева

оборвалась рано: он скончался от болезни 18 сентября 1918 года в Ходженте.

Лит.: Чеботорева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 732.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 2. Д. 1. Л. 152, 158–162, 167; Д. 5, Л. 149; ГАФО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 48. Л. 148.

Макаев Алимджан Зайнетдинович (1894–19??) – общественный и политический деятель, выходец из татарской общины. Родился в Хвалынском уезде Саратовской губернии. Подростком начал трудовую деятельность на мыловаренном заводе в Казани, помогая своей семье. В 1904 году переехал в Туркестан, где его брат Х. Макаев основал новометодную школу при поддержке местного муфтия. Сам Алимджан также обучался в этой школе. В 1909 году он устроился учеником переписчика в Намангане, параллельно посещая вечерние занятия в русско-туземной школе. В 1910–1912 годах работал переписчиком и доставщиком в типографии «Матбааи Исохия», принадлежавшей Исхакухану Ибрагимову. После завершения обучения в русско-туземной школе, до 1913 года работал в торговой организации Абдусаттарова. В последующие два года активно участвовал в деятельности культурно-просветительных кружков среди татарской молодежи, занимая должность руководителя. Впоследствии занимал пост помощника бухгалтера в конторе Каримбаевых. Чтобы избежать призыва на военную службу в 1916–1917 годах, Макаев устроился на работу в почтовую службу. После Февральской революции 1917 года он посвятил свои усилия созданию мусульманских библиотек. С августа 1918 года руководил почтовым отделением. В 1918–1919 годах был активен в партийных структурах Наманганского уезда и профсоюзе «Союз ткачей». В 1919 году представлял интересы Мусульманского бюро Ферганской области в Намангане. В том же году был избран членом Туркестанского ЦИКа и некоторое время входил в коллегию Народного комиссариата продовольствия Туркестана. С декабря 1919 по май 1921 года являлся заместителем председателя Амударьинского областного революционного комитета. В 1921 году был отозван Туркестанским ЦИКом и после трехмесячной службы на Ферганском фронте

поступил на рабфак Туркестанского государственного университета, однако учёбу оставил уже через три месяца. В декабре 1921 года был мобилизован на Ферганский фронт Центральным Комитетом Коммунистической партии Туркестана. В январе 1922 года назначен ответственным секретарем Маргиланского уездно-городского комитета партии, одновременно исполняя функции военного комиссара нескольких воинских подразделений. В июле того же года занял аналогичную позицию в Наманганском уездно-городском комитете партии. В 1923 году был председателем ревкома города Намангана, а с ноября 1924 года возглавлял организационный отдел Кокандского уездно-городского комитета партии.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 56. Л. 181 с об.; Д. 244. Л. 78; Д. 283^А. Л. 963; Оп. 2. Д. 20. Л. 53-55; Д. 55. Л. 162; ГАФО. Ф. 121. Оп. 4. Д. 256. Л. 9; Д. 259. Л. 1-11; Ф. 435. Оп. 1. Д. 108. Л. 138; Д. 144, Л. 39; ФОО ААП РУз. Ф. 1. Оп. 1^А. Д. 35. Л. 55; Д. 84. Л. 52; Д. 98. Л. 2; Д. 334. Л. 30; Д. 991. Л. 1-37; Оп. 1^Б. Д. 22. Л. 5-6.

Макаев Хусаин Зайнутдинович (год рождения неизвестен – 1937) – видный педагог, просветитель и общественный деятель, сыгравший важную роль в культурной и образовательной жизни Туркестана начала XX века. Хусаин Макаев родился в селе Новая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии. Получил образование на педагогических курсах в Казани, после чего начал свою профессиональную деятельность в сфере просвещения. Однако вскоре столкнулся с преследованиями за внедрение новых методов обучения, что вынудило его переехать в Туркестан в 1903 году. Здесь он основал новометодную школу в городе Скобелеве, но спустя некоторое время она была закрыта местными властями. Тогда Макаев перебрался в Наманган, где продолжил заниматься образованием узбекских и татарских детей. Во время своей работы в Намангане Макаев познакомился с Исахханом Ибратом, известным деятелем движения джадидов, который пригласил его принять участие в образовательном проекте в Туракургане. Вместе с другим татарским просветителем, Абдулрауфом Шахиди (Шагидуллиным), они организовали работу школы «Усули Джадид», ставшей важным центром культурного развития региона. В 1907 году Макаев провёл несколько месяцев в Ташкенте, участвуя в экзаменационных

мероприятиях школ «Усули Савтия». Год спустя, совместно с Исахханом Ибратом, он приобрел полиграфическое оборудование в Уфе и Оренбурге и открыл в Туракургане литографию «Матбаи Исахкия». В 1910 году эта литография была переведена в Наманган и преобразована в полноценную типографию, которой Макаев управлял вплоть до 1913 года. После Февральской революции 1917 года Макаев активизировал свою общественную деятельность. В марте того же года он начал издание газеты «Фаргона сахифаси» («Страницы Ферганы») на узбекском языке, однако выпуск издания прекратился после выхода лишь сорока номеров. В конце 1917 года Макаев отправился в Казань, где приобрел арабские (мусульманские) шрифты для типографии в Намангане. 10 января 1918 года он закупил 71 пуд этих шрифтов у казанского издателя М. Идрисова. С 1918 года Макаев стал одним из организаторов и редакторов газеты «Ишчилар қалқони» («Щит рабочих»), выходившей на узбекском языке в Намангане. В последующие годы, с 1921 по 1928 год, он возглавлял Наманганскую государственную типографию. Даже после ухода с руководящих должностей, вплоть до своего ареста в 1937 году, Макаев продолжал работать учителем и занимался издательской деятельностью. Его супруга, Фатиха Макаева, играла активную роль в поддержке мужа, помогая ему в образовательных и полиграфических проектах, а также способствовала повышению уровня грамотности среди местного женского населения. Кроме того, Макаев организовал драматический коллектив при типографии, в котором участвовали молодые таланты. В 1910 году этот коллектив поставил спектакль «Чолборсиз», в котором главные роли исполнили сам Макаев и его жена. В сентябре 1937 года Хусаин Макаев был арестован и приговорен к десяти годам трудовых исправительных лагерей по обвинению в антисоветской агитации и участии в контрреволюционном движении. В материалах уголовного дела отмечалось, что он является организатором общества «Жамияти исломия» и обвинялся в проведении демонстраций против правительственных решений, а также в систематической пропаганде контрреволюционных идей. Таким образом, жизнь и деятельность Хусаина Макаева представляют собой яркий пример самоотверженного служения делу просвещения и культуры, не-

смотря на многочисленные трудности и репрессии со стороны властей.

Лит.: Расулов А., Исоқбоев А., Насретдинова Д. Туркистон ижтимоий-сиёсий, маданий ҳаётида татарлар. Тошкент: Turon-Iqbol, 2019. Б. 116–122.

Махди (Магди) Мухаммад-Рахимович Чанышев (?–1918) – военный деятель, полковник Российской армии, происходивший из уфимских татар. В августе–сентябре 1917 года он исполнял обязанности представителя Сырдарьинского областного комитета. С 31 января 1918 года, по инициативе татарских министров Туркестанской автономии, возглавил вооруженную милицию в мусульманской части города Коканда. На короткий срок, в отсутствие министра военных дел Убайдуллы Ходжаева, взял на себя командование армией Туркестанской автономии. Военный совет под руководством Махди Чанышева, прибыв в город Скобелев, повторно провозгласил независимость Туркестанской автономии. Однако эта инициатива была отвергнута большевиками. Попытка Чанышева вступить в переговоры с представителями новой власти привела к его аресту и заключению в тюрьме. Во время попытки побега из военного гарнизона Скобелева он был расстрелян красногвардейцами в конце февраля 1918 года, став одной из жертв Кокандских событий.

Лит.: Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти тарихи. Ташкент: Фан, 2023. Б. 179–180.

Салиев Булат (Пулат) (1882–1937) – выдающийся педагог, просветитель и историк, сыгравший значительную роль в культурном развитии Туркестана. Происходил из татарской семьи, родившейся в Астрахани. Получив образование в медресе «Мухаммадия» в Казани и «Галия» в Уфе, он начал свою профессиональную деятельность в качестве преподавателя истории, арифметики и родного языка. В 1909 году Салиев прибыл в Туркестан, где сначала преподавал в сельских школах, а затем в учебных заведениях Ташкента и Коканда. Стремясь внедрить инновационные методы преподавания, Салиев открыл одну из первых школ нового типа в Аккурганском районе современной

Ташкентской области. Позднее он основал джадидские школы в Мирзачуле и Джелалабаде. В 1906 году Салиев работал учителем в Бекабаде, а в 1907–1908 годах занимал должность директора Учительской семинарии в Коканде. В 1913 году он открыл первую русско-татарскую школу в Ташкенте. В 1918 году Салиев организовал курсы подготовки учителей для сельских школ в Фергане (ныне Скобелев). Во второй половине того же года он основал первый тюрко-татарский учебный институт в Ташкенте и стал его первым директором. Современники, хорошо знавшие Булата Салиева (известного также под псевдонимом Бек Пулат), считали его одним из ведущих представителей движения джадидов. Со второй половины 1919 года Салиев организовал первые тюрко-татарские образовательные курсы в Ташкенте и возглавил их. С 1922 года он работал заместителем редактора журнала «Инкилоб», а затем редактором журнала «Тонг». В 1921 году Салиев стал ответственным сотрудником Научной коллегии Туркестанского комиссариата народного просвещения. Булат Салиев владел несколькими языками, включая татарский, русский, турецкий, узбекский, персидский и таджикский, что позволяло ему глубоко изучать исторические источники и эффективно передавать знания своим ученикам. Его исследования основывались на анализе древних письменных материалов, и он внес значительный вклад в изучение истории региона. Как востоковед, Салиев написал ряд крупных исторических трудов. Кроме того, он начал переводить Священный Коран на узбекский язык с научными комментариями, однако этот труд был конфискован сотрудниками НКВД. За свои достижения в исторической науке Булата Салиева иногда называли «единственным историком Туркестана».

Лит.: Турдыев Ш. Среднеазиатские татары: роль и значение в культурной значении в культурной и политической жизни Туркестана первой четверти XX века // *Ислам в татарском мире: история и современность: материалы междунар. симп.*, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. Казань, 1997. С. 187; *Темиров Ф. Пулат Солиев.* Ташкент: Abu Matbuot-Konsalt, 2011. Б. 8–9; *У истоков узбекской историографии. Взгляд татарских ученых Г. Губайдуллина и Б. Салиева.* Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 21–28.

Ист.: НА Уз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 271. Л. 1063–1034; Оп. 2. Д. 55. Л. 969. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 741. Л. 40.

Сорокин Касым Ибрагимович (1899–1938) родился в Симбирской губернии. По национальности татарин. В 1908 году вместе с семьей переехал в Андижан, где получил образование. Помимо родного языка, Сорокин свободно владел узбекским и русским. В 1919 году, окончив Андижанское училище, он начал работать учителем. Осенью того же года поступил в Ташкентскую школу партийных и советских работников, однако вскоре был мобилизован на Актепинский фронт, где занимался агитационной и пропагандистской деятельностью среди бойцов. Спустя несколько месяцев его перевели на работу в Ферганский областной комитет партии, параллельно занимая должность в отделе народного образования города Скобелева. В период с сентября по декабрь 1920 года Сорокин редактировал газету «Янги Шарк», но затем вновь был призван на службу, теперь уже на Ферганский фронт, где выполнял обязанности политработника. Вернувшись после службы, в 1921 году он возглавил редакцию газеты «Эль-Байроги» в Коканде, а также представлял интересы Туркестанского отделения Российского телеграфного агентства (ТуркРОСТА) в Фергане. В ноябре 1921 года Сорокин прибыл в Ташкент, где продолжил свою деятельность в ТуркРОСТА, последовательно занимая посты заместителя начальника организационного и просветительного отделов, заведующего мусульманским отделом и заведующим отделом Старого города Ташкента. Весной 1922 года Сорокина отправили обратно в Фергану для работы над газетой «Фергана». Затем, начиная с 1923 года, он занимал ответственные позиции в Ташкенте: был ответственным секретарем в редакциях газет «Кизил Байрак», журналов «Коммунист», «Инкилоб», редактором журналов «Коммунистлар юлдоши», «Янги кишлок». Также он исполнял обязанности заместителя начальника отдела печати Центрального комитета Коммунистической партии Туркестана. Летом 1923 года Сорокин был направлен в Бухарскую народную советскую республику (БНСР), где возглавил редакцию газеты «Озод Бухоро», которая активно освещала важнейшие события того времени. Параллельно он организовал государственное издательство БНСР и выпуск журнала «Маориф». С 1924 года Сорокин жил и работал в Москве, в издательстве «Центральный Восток», где участвовал в выпуске литературы на языках народов Средней

Азии, выполняя функции редактора и переводчика. В 1925 году он перешел на работу в отдел печати Центрального Комитета Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), а через год вернулся в Ташкент, став заместителем заведующего отделом печати при Центральном комитете Компартии Узбекистана. В последующие годы Сорокин продолжал активно заниматься журналистикой и издательством: он возглавлял такие важные издания, как газета «Кизил Узбекистан», журналы «Ер юзи», «Муштум» и «Коммунист». В 1928–1930 годах он курировал вопросы управления печатью в отделе пропаганды ЦК КП Узбекистана. В 1931–1933 годах Сорокин трудился в партийных и советских структурах, а в 1936 году занял пост наркома народного просвещения Узбекской ССР. Однако в 1937 году его арестовали и обвинили в национализме и контрреволюционной деятельности. Сорокин был казнен в январе 1938 года. Впоследствии, в 1956 году, военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала его посмертно.

Лит.: Тохир Фидойи. Йўл сўнгида жарлик // Матбуотимиз фидойилари. Тошкент: Ўзбекистон, 1993. Б. 36–44; Рахмонов К.Ж. «Бухоро ахбори» ва «Озод Бухоро» газеталари – Бухоро Халқ Совет Республикаси тарихини ўрганиш манбаси: тарих фан. номз. ... дис. автореф. Тошкент, 2009. Б. 18; Он же. Бухоро Халқ Совет Республикаси тарихи матбуот саҳифаларида (1920–1924 йй.). Тошкент: Abu Matbuot-Konsalt, 2012. Б. 36–37.

Чанышев Якуб (1892–1987) был военным деятелем, чья карьера началась в первые годы существования Советского государства. Он служил военным комиссаром Татарской бригады в период становления советской власти и принимал активное участие в Гражданской войне. После ее окончания Чанышев продолжил военную карьеру, командуя частями Красной Армии и исполняя обязанности военного комиссара. Во время Великой Отечественной войны Чанышев проявил себя как опытный командир, возглавляя дивизию, корпус и являясь заместителем командующего армией. Его вклад в оборону страны был отмечен высокими воинскими званиями, и к концу войны он достиг чина генерал-лейтенанта. После завершения боевых действий Чанышев вышел в отставку, но остался верен службе Отечеству, продолжив работу в военной академии с 1945 года. Там

он передавал свой богатый опыт молодым поколениям военных специалистов.

Лит.: За Советский Туркестан. Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1963. С. 123–136, 590; Вспоминая былые походы (Боевой путь первой татарской стрелковой бригады). Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. С. 63.

Шагиахметов Ислам (Шах-Ислам) Шагисултанович (1886–1922) родился в Оренбурге в татарской семье. Его отец, Султан Шагиахмедов, был правоведом, а мать – Гайнизиган Мухаммад-Садыковна Нигматуллина. В 1905 году Ислам окончил Оренбургскую мужскую гимназию, а в 1910 году завершил обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Помимо родного татарского, он свободно владел русским, английским, французским и немецким. Ислам Шагиахмедов и его товарищ по университету Саид Габиев стали инициаторами создания «Мусульманской газеты» («Мусульманская газета», 1912–1914), которая начала выходить в свет в Санкт-Петербурге в 1912 году. Первые три выпуска они редактировали совместно. Газета выходила на двух языках – татарском и русском. Однако в 1913 году Шагиахмедов неожиданно прекратил свою журналистскую деятельность и занялся адвокатурой. С 1916 года Шагиахмедов обосновался в Коканде, где продолжил практику юриста. Здесь он сыграл значительную роль в издании газеты «Садойи Фаргона» («Голос Ферганы»), несмотря на то, что некоторые источники ошибочно указывают его как торговца и называют кокандцем. В 1916 году Ислам Шагиахмедов основал общество «Гайрат» («Усердие»), которое сыграло значимую роль в культурной и общественной жизни региона. В дни Февральской революции 1917 года он находился в Петрограде, откуда вернулся в Туркестан в конце марта того же года. Вернувшись домой, Шагиахмедов активно включился в движение за создание автономии края. Летом 1917 года Шагиахмедов стал членом и секретарем Исполнительного комитета Всероссийского Совета мусульман, который был сформирован в Петрограде. Он также принял участие во Втором съезде Всероссийских мусульман, прошедшем в Казани в том же году. В Ташкенте Шагиахмедов выступил в роли редактора и издателя газеты «Туркестанский край», что стало важным шагом в информационной

поддержке движения за автономию. Будучи активным участником I–IV Всетуркестанских съездов мусульман, Шагиахмедов внес значительный вклад в обсуждение ключевых вопросов развития региона. Особое внимание он уделял вопросам экономической политики, включая запрет на вывоз сухофруктов, введенный Главным комиссаром Туркестанского управления 23 октября 1917 года. Шагиахмедов считал, что подобные решения могли приниматься исключительно Временным комитетом Туркестанского управления, и настаивал на приоритете интересов мусульманских народов. Шагиахмедов был одним из главных организаторов Туркестанской автономии, сыгравшей ключевую роль в борьбе за независимость региона. Он занимал пост заместителя премьер-министра, а позже министра финансов в правительстве Туркестанской автономии. Однако после свержения Туркестанской автономии в феврале 1918 года Шагиахмедов был арестован большевиками. В апреле-мае 1918 года у Ислама Шагиахмедова обострились проблемы со здоровьем, и он заболел «душевной болезнью». После выздоровления, в мае того же года, благодаря объявленной амнистии, он был освобожден из-под стражи. Согласно имеющимся данным, в 1919–1920 годах Шагиахмедов продолжил свою профессиональную деятельность, работая в юридическом отделе Военного комиссариата Центрального исполнительного бюро Туркестана, входящего в систему управления советского правительства. 2 мая 1919 года прошло заседание комиссии, посвященное обсуждению вопроса создания Юридического отдела Военного комиссариата Центрального исполнительного бюро Туркестана, определению его целей и задач. На заседании подчёркивалась важная роль этого ведомства в процессе координации законодательства республики, систематизации нормативных правовых актов и участия в государственном строительстве. Комиссии была поставлена задача организовать работу местных юридических секций, которые должны были действовать в тесной координации с центральным юридическим управлением. Адвокат Ислам Шагиахмедов акцентировал внимание на необходимости организации работы юридического управления при наркомате и его подразделений в двух основных направлениях – судебном и административном. Он отмечал, что без четкого разделения этих функций при пре-

доставлении юридической помощи населению могут возникать конфликты и проблемные ситуации. Затем работал в Центральном совете народного хозяйства Туркестана, ревкоме Кокандского уезда. В конце 1920 года он тайно уехал в Маньчжурию. По дополнительным сведениям, он добрался до лагеря русских беженцев в Пешаваре, входившем тогда в состав Индии, где тяжело заболел. Последние сведения о нем относятся к 1922 году. Оставшаяся часть его жизни неизвестна.

Лит.: Усманова Д.М. Усманова Д.М. Ислам Шагиахметов: забытые герои 1917 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 3/4. 2017. С. 166–174; Акбаров Р.Х., Мирзакулов Т.У. Общественно-политические события в Фергане в 1917 году // Материалы республиканской научной конференции по истории Ферганской долины в новых исследованиях. Фергана: Ферган. гос. ун-т, 2009. С. 336; Расулов А., Исокбаев А., Насретдинова Д. Татары в общественно-политической и культурной жизни Туркестана. Ташкент: Turon-Iqbol, 2019. С. 43–47; Ражабов Қ. Туркистон Мухторияти вазирлари хамда миллий мажлис аъзолари ҳаёти ва тақдири. Тошкент: Bodomzor Invest, 2021. Б. 20–22;
Ист.: НАУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 12. Л. 22 с об.; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 с об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААП Туркм.** – Архив аппарата Президента Республики Туркменистан
- ГАСО** – Государственный архив Самаркандской области.
- ГАФО** – Государственный архив Ферганской области
- НА Уз.** – Национальный архив Узбекистана
- НКДН** – Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА** – Российский государственный военный архив
- РДФР** – Российская Демократическая Федеративная Республика
- РКП(б)** – Российская коммунистическая партия (большевиков)
- СО ГАСПИ** – Самарский областной государственный архив социально-политической истории
- ФОО ААП РУз. / ААП РУз ООФ** – Ферганский областной отдел архива Администрации Президента Республики Узбекистан
- ЦБ КОНВ** – Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока
- ЦГА ИПД РТ** – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан.
- ЦДНИ УО** – Центр документации новейшей истории Ульяновской области
- ЦМВК** – Центральная мусульманская военная коллегия
- ЦТБК** – Центральный Татаро-башкирский комиссариат

ОГЛАВЛЕНИЕ

Переосмысливая события прошлого. Новая книга о роли татар в государственном строительстве Туркестана в первой четверти XX века.	5
---	---

I глава

ФАКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ И СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИЙ В ТУРКЕСТАНЕ

1.1. Временный комитет по управлению Туркестаном и деятельность национальной интеллигенции	11
1.2. Деятельность татар в Туркестанской автономии	30
1.3. Участие татар в образовании и укреплении советской автономии в Туркестане	50

II глава

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В УПРАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНОМ

2.1. Татары в военно-политической жизни Туркестана	71
2.2. Участие Татарской бригады в военно-политической системе Туркестана.	95
2.3. Кадровая политика в управлении Туркестана	120

III глава

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕЛА И МУСУЛЬМАНСКОЕ БЮРО В ТУРКЕСТАНЕ. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ПРЕССА

3.1. Татары в Народном комиссариате по национальным делам Туркестана.	152
3.2. Деятельность Мусульманского бюро Ферганской области Туркестанского края	170
3.3. Татары в периодической печати и полиграфических работах в Туркестане.	196

ПРИЛОЖЕНИЕ. Краткие биографические справки об упомянутых в тексте книги отдельных персоналиях	238
Список сокращений	254

Научное издание

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАР ЗАРУБЕЖЬЯ

Книга 11

**Расулов Абдулла Нуритдинович,
Расулова Рислигой Абдулло кизи**

Татары в Туркестане в эпоху перемен (1917–1924 гг.)

Редактор *Д.Р. Галиуллина*
Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки *Т.В. Семиной*

*На обложке использована фотография из личного архива
Булата Файзрахмановича Султанбекова*

Подписано в печать 22.12.2024.

Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс».

Усл.-печ. л. 14,9. Уч.-изд. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20